

НОВАЯ ПОЛЬША 11/2014

Содержание

1. ЛЮБОВЬ И БРЕЖНЕВ
2. ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ
3. ВЫПИСКИ ИЗ КУЛЬТУРНОЙ ПЕРИОДИКИ
4. ЕВРЕИ XXI ВЕКА
5. НАШЕ ПОЛЬСКОЕ «НАЦИОНАЛЬНОЕ ЧТЕНИЕ»
6. РЕФОРМЫ — НЕ ФУНТ ИЗЮМУ, НО ОНИ ВОЗМОЖНЫ
7. НАША ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ БЫЛА ВЕСЬМА ПРОДУКТИВНОЙ....
8. ПОЛЬСКИЕ ЭКСПЕРТЫ РЕФОРМИРУЮТ УКРАИНУ
9. ЗАПРЕТНЫЙ ПЛОД
10. ПАПА КАЗИКА
11. ПЕСНИ ХУЛИГАНА
12. МЫ ИЗ ГРОХОВА, С ТОЙ СТОРОНЫ РЕКИ
13. ГРОХОВ
14. КУЛЬТУРНАЯ ХРОНИКА
15. ПОЛЬСКИЕ ССЫЛЬНЫЕ В ОРЕНБУРГСКОЙ ГУБЕРНИИ
16. ПОЛЯКИ В ЦАРСКОЙ ИМПЕРИИ
17. ОДИССЕЯ ПОЛЕССКОГО «АДМИРАЛА НЕЛЬСОНА»
18. В БРЮССЕЛЕ ТЫ И ПОЛЯК, И ЕВРОПЕЕЦ

ЛЮБОВЬ И БРЕЖНЕВ

— Вы счастливчик. Разъезжаете по Польше и всему миру, сделав из этого тему для литературы.

— Так сложилось, что моя жизнь стала моей профессией. Простите, но отчаиваться из-за этого я не собираюсь. На катушку у меня в мозгу постоянно наматываются пейзажи, люди, мнения, впечатления. Я стараюсь, чтобы то, что я вижу и слышу, проникало глубже. Чтобы прошивало навывлет. Люблю, когда это потом проявляется в неожиданный момент. Как утром в Борисоглебске. Мужики идут на работу, автобусы из парка выезжают, а я вижу, как отец учит свою дочурку ездить на велосипеде. В глубине России такой укол в сердце... Ведь я свою Тоську так этому и не научил. Терпения не хватило. Друзья ее учили.

Или в городе Ош в Кыргызстане, в детском парке со старинной каруселью, каких даже в польских парках уже нет. Взрослые и дети, с десятков тысяч людей, стреляют по воздушным шарикам, едят сахарную вату, проверяют силу своих ударов. Цивилизация слишком утонченных удовольствий или развлечений еще туда не добралась. Взволновал меня этот город и эти люди, вспомнились приуроченные к храмовым праздникам народные гуляния у моих деда и бабки в Грудеке. Я во второй раз вошел в ту же реку, хоть эта река и текла в Кыргызстане. Это чудесные моменты. Ведь ради них и путешествуешь. Ради звуков. Ради образов. Ради запахов.

— Вы тоскуете по временам социализма?

— Вы спрашиваете, не страдаю ли я коммуноностальгией?! Еще люди услышат.

— Ну, вы написали книгу о коммунизме. Очень личную и тем самым довольно, я бы сказала, ностальгическую.

— Я пытаюсь соединить картинки детства с картинками далеких стран, которые мне в какой-то степени напоминают это детство. Да, я езжу на восток, чтобы взглянуть на свое детство, увидеть, во что превращается коммунизм, ведь я его дитя. Мне это нужно. Кроме всего прочего, там просто красиво. В Европе такого нет. У меня сдвиг на почве пространства и бесконечности. Я религиозная натура, а тамошние пространства — это какой-то субститут абсолюта. Невозможно

себе представить, как мир может быть таким большим и едва задетым цивилизацией. Словно сразу после сотворения.

— **Проверяете, какой судьбы мы избежали?**

— Мы хотим вычеркнуть эту судьбу, удалить, стереть. Признать не существовавшей. Это сбивает с пути. Обнуляет нам память. Я предпочитаю знать, из чего мы выбрались и чего избежали.

Я отправляюсь в страну, в тени которой рос, и чувствую, что есть в ней какая-то неоднозначная сексапильность. Страх и влечение. Только не надо делать из меня русофила лишь потому, что я выбиваюсь из нарратива презрения и агрессии. Кроме того, видно, что там происходят вещи во всех отношениях интересные. Боже мой, эти автоэротические байки о «конце истории». Мы хотели вычеркнуть, депилировать, дезодорировать прошлое, которого мы стыдимся, а тут, пожалуйста: вот оно, за порогом, на Украине, прошлое в измененном, сегодняшнем облике.

Между прочим, я никогда не видел в своих краях столько автомобилей с российскими номерами. Россияне возвращаются из отпусков и, похоже, боятся ехать через Украину. Предпочитают через Словакию и Польшу, а это ведь враг. Но как-то же надо возвращаться на эту родину.

— **В детстве Россия — это был «отстой». Откуда это у нас?**

— Не сразу. Вначале были прекрасно изданные сказки. «Конек-горбунок» и «О рыбаке и золотой рыбке». Помню последнюю иллюстрацию — бабка, сидящая над разбитым корытом. Кстати говоря, довольно пророческая картинка, если взглянуть на постсовременность... Сказки принимались без отторжения, но потом появились телевизоры, а в них трансляции съездов КПСС. Невозмутимые зомби Косыгина, Громыко, Брежнева. Безжизненные говорящие камни вместо мультиков или вестернов — так выглядел в глазах ребенка Советский Союз.

— **Мрачный, тяжелый и хамский, по вашему замечанию.**

— Для ребенка просто ужасно скучный. Так же как эмалированные красные звезды с лицом Ленина. Мы коллекционировали металлические значки, но этого хлама никто не хотел. У меня была одна-две, но я стеснялся даже взять их в школу. На Ленина никто не хотел меняться. Русские войска, расквартированные в районе варшавской Праги, — это тоже был отстой. Невыразительные лица, скрытые в тени фуражек. На фоне пражской гудящей толчеи, валютчиков и

царящей там люмпен-анархии они выглядели, как заводные фигурки. Вроде бы они были символом присутствия чужой армии, но не несли в себе никакой мощи. Иногда это были азиаты. Я их потом встречал. 60-летние мужики в Азии вспоминали службу в Легнице и польских девушек. Говорили, что было здорово, жаль, мол, что это закончилось. Я жалею, что не видел этой «малой Москвы». Могла бы получиться отличная история о симбиозе поляков и русских.

— Мы смеялись над ними. Они были героями анекдотов.

— «Русский» — это было ругательство. Кто-то худший, достойный презрения. И несмотря на бедный репертуар кинотеатров, на русские фильмы мы не ходили, ни за что. И о русских автомобилях не мечтали. Плохо смотрелась эта Россия, навязывавшая нам Брежнева, значки с Лениным и скучные фильмы. Ничего другого у них не было. А в то же время, эти скука и хлам были результатом присутствия чего-то гораздо большего.

— Вы думаете, что эти насмешки маскировали тревогу?

— Взрослые, безусловно, лучше понимали, как устроен наш мир, и жизнь в тени России не могла оставить их равнодушными. Однако у нас дома о России вообще не говорили. За исключением воспоминаний деда о том, как во время войны он продавал им самогон. И рассказов матери, которая запомнила раскосых солдат русской пехоты, которые варили кур вместе с перьями, а на руках носили по трое часов. Революция — это был никакой не Маркс, указывающий миру путь, а опустившийся Тамерлан в погоне за домашней птицей и хронометрами.

До дня объявления военного положения я не ощущал никакого страха перед ней. Она стала реальной лишь в тюрьме, когда через радиоузел нам включили декрет о военном положении. Я боялся, что нас погрузят в вагоны и вывезут в Сибирь. Старая история — Сибирь, лагеря, проволока. Ну, а после выхода из тюрьмы именно Россия меня цивилизовала.

— Как?

— Я влюбился в наполовину русскую девушку из интеллигентной семьи. Воскресные обеды, беседы, накрытый скатертью стол и сопутствующий этому определенный церемониал. Мне кажется, что у нее я научился есть ножом и вилкой и узнал, что фруктовое крепленое с винзавода в Окентье — это не вино в принципе.

— У вас дома этого церемониала не было?

— Было по-другому. Прошу не забывать, что я из крестьянской семьи. А, кроме того, я все же убегал из своего дома. Мне там чего-то не хватало.

— Вы чувствовали себя деревенщиной?

— Не совсем... Все же благодаря прочитанным книгам во мне была некоторая утонченность, так что совсем уж троглодитом я, пожалуй, не был. Однако, по сравнению с интеллигентным домом, это было некое варварство. В отсутствие ее родителей мы с приятелями опустошали их бар и устраивали в квартире бедлам, а ее мать, когда возвращалась домой, брала гитару и пела русские песни. У нее был прекрасный голос.

Так что с любовью, которая ворвалась в мою жизнь вместе с этой своей Россией, у меня исчезло презрение ко всему русскому. Ведь, с одной стороны Брежнев, а с другой — любовь. Легко выбрать.

— Ну и эта их музыка... Кстати, этот Шнуров с «Ленинградом», которым вы меня сейчас мучаете — скорее, похабщина, чем лирическая меланхолия.

— Да ладно, сразу похабщина. Поэзия с элементами социальной критики. Беру с собой в восточное путешествие.

— Почему вы считаете, что у вас больше прав на этот Восток, чем у западноевропейских туристов?

— Это мои страны, потому что я жил при коммунизме и, в каком-то смысле, чувствую себя там как дома. Я езжу туда, чтобы что-то узнать о себе, а для них это посткоммунистическое сафари. Они передвигаются караванами мощных внедорожников, которые потребляют на сто километров столько топлива, сколько эти люди зарабатывают в месяц. У моей тачки тоже был нехилый расход, согласен, но я чувствовал, что я там по другой причине.

— Вы хотите сказать, что они ощущают свое цивилизационное превосходство над странами Востока?

— Думаю, да. И это отдаляет меня от них. Конечно, люди имеют право ездить, куда хотят, но мне не нравится, когда кто-то без дела слоняется по моим странам.

— Слоняется?

— Они не совсем понимают, где находятся. Знаете, путеводители, в определенном смысле, оглуляют так же эффективно, как телевидение. Я узурпирую право на эти страны, видимо, из тщеславия, но мне нравится воображать, что я все же открываю там что-то еще. Ну и, может быть, что я в большей степени их житель, чем эти высокие блондины, не говорящие по-русски. Я чувствовал по отношению к ним настоящее превосходство, потому что, в свою очередь, очень слабо говорю по-английски. Так что я, помогая им купить картошку^[1] и пиво, в некотором смысле брал реванш за свое неполноценное пребывание в англоязычных странах.

Теперь я жалею, что *з меня был такой плохой учебник*. Слишком поздно понимаешь, что язык — это не только средство колонизации, но и ценность сама по себе.

— **И о чем вы разговаривали с туземцами?**

— В глухой дыре Сарыташ, прямо перед таджикской границей, продавец в магазине знал, откуда я, благодаря Бонеку, Валенсе и Левандовскому^[2]. Однако, из-за соучастия в опыте коммунизма и посткоммунизма, в разговорах сразу появлялись Брежнев. И Сталин. Признаюсь, когда везущий вас через пустыню Гоби водитель начинает говорить о «Четырех танкистах» — это вызывает своего рода восторг. Этот сериал до сих пор идет по монгольскому телевидению. Фильм о победе над общим врагом, которая свершилась при помощи коммунизма, там, похоже, хит. Миф о войне в посткоммунистических странах необычайно живуч. И не только в тех, которые непосредственно ее испытали. «Какое счастье, что нет войны», — слышал я в Таджикистане, в котором этой войны на самом деле и не было. В свою очередь, в Казахстане, в гостиничном ресторане ко мне подсел 20-летний парень и начал говорить, что мы *вместе* победили Гитлера — поляки, русские, казахи. У 20-летнего парня, которому бы погрузиться в сеть глобализма, попсы, первая сказанная фраза связана с войной. Что столько поляков и русских *погибло*. И евреев. Невероятно. Как будто общий опыт войны и коммунизма передается, как генетическая память.

— **Вы считаете, что они разочарованы тем, что ничего не вышло?**

— Они разочарованы и чувствуют себя преданными. И предали их братья-славяне. Они не понимают, как мы могли не верить в этот коммунизм так же глубоко, как они. Его крах — это катастрофа. Катастрофа невообразимого масштаба, которой

проникнута вся Россия, не считая, может быть, Москвы и Петербурга.

Знаете, там речь шла не о каком-то материализме, отказе от собственности, а об отмене материи, ее преодолении, чтобы она никогда больше не разделяла людей. Они хотели аннулировать ее, вывернуть наизнанку, чтобы полностью от нее освободиться. В этом состояла парарелигиозность коммунизма. Увидеть остатки этого — вот зачем я туда езжу.

— Пустые, съеденные ржавчиной микрорайоны? Искореженные тротуары? Это ведь есть и у нас.

— Ну, там же всё чудовищных размеров. Больше пространства, больше хаоса, больше печали и больше претензий. Когда они взялись за эту материю, то строили гигантские вещи, с гигантскими затратами, а в результате все это оказалось недееспособным. Постсоветская архитектура в провинции вызывает отчаяние. Все развалившееся, перекошенное. Это противоположность — не знаю — созидательности, организации, миропорядка. Какой-то антилогос. Пространство оказалось сильнее. Им удалось его покорить, но не очеловечить.

— Так о чем они жалеют?

— О величии. О проекте космического масштаба. Они тоскуют об этом. Кроме того, они потеряли часть чудесного мира, часть прекрасных далеких стран. Это, должно быть, похоже на польскую тоску по Львову, с той разницей, что наш Львов был нашим частным, провинциальным делом, а у них все же была мировая империя. Они чувствуют, что их стало меньше.

В нашем издательстве скоро выйдет книга Светланы Алексиевич, которая опросила несколько сотен россиян на тему коммунизма. Три четверти этих ответов — тоска по эгалитаризму, по величию проекта, предполагавшего переустройство мира, по неосуществленной мегаутопии. Это потрясающие высказывания, из которых пробивается надежда, что, может быть, ее все-таки удалось бы осуществить.

Ну, а величие русского духа помогает им как-то жить с этим поражением.

— Вы иронизируете? Что же такое этот русский дух?

— Не знаю, это понятие очень тонкое, нередко фиктивное, а еще это российский экспортный товар, как нефть или газ. Может быть, это максимализм? Когда делают революцию, то разносят все, не думая о последствиях. Когда пытаются

восстановить позиции мировой державы, то входят в чужую страну и аннексируют ее, не обращая внимания на весь мир. Это взрывоопасная смесь — комплекс превосходства, смешанный с комплексом неполноценности.

— В этом мы похожи.

— С той разницей, что мы более разорваны между Востоком и Западом и находимся в плену своего предназначения. Каждый недоволен тем, кем он есть, какое место занимает в Польше, каждый хочет быть «не-поляком», кем-то другим. Одни стремятся быть более либеральными и западными, другие — более правыми. Одни хотят возвращения к славянским корням, а другие хотят быть космополитами. И все сваливают из этой польскости, относясь к ней как к тюрьме. 120 газет и журналов советуют тебе в кого переодеться, чтобы не выделяться, чтобы не было стыдно. Мы все время как бы в бегах.

Русские в меньшей степени испытывают такие противоречия, так как в России западничество было ничтожным. Русская идентичность более определенная. Кроме того, мы, к счастью, поменьше.

— Трудно выйти из тени России.

— А зачем выходить? Мы должны справиться с нашим прошлым, договориться с ним. Признать, что мы не были вечными бунтовщиками. Прошлое — важная составляющая идентичности, в сущности, единственная, так как прошлое у нас одно. Я согласен на него. Может быть, мне легче, потому что не вся моя жизнь прошла при социализме. Я прекрасно проводил время, ну, может быть, немного скованный границами. Конечно, у взрослых людей, которые боролись с системой, которые тосковали по другому миру, по возможности сделать карьеру, по развитию, вероятно, иной взгляд на это.

— Можем ли мы освободиться от этого кацапа из анекдотов?

— Не знаю, возможно ли это, но нужно что-то делать, а не только требовать бесконечных извинений. За разделы, за Сибирь, за Катынь, за войну, за Смоленск. Истерические требования признать наше существование, стремление любой ценой обратить на себя внимание. Неустанные поиски виновных вместо того, чтобы взяться за дело и серьезно поработать над своей идентичностью, обрести уверенность и внутреннюю силу. Когда в голове все перемешалось, и не

сложилась идентичность, принуждаешь других к самоуничтожению. Благородный и достойный человек не ожидает извинений, понимая сложную природу жизни. Напомню, что джентльмен по определению — это тот, кто не добивается своих прав.

— Но в нашей-то культуре чести...

— Нет. Человек чести не требует, чтобы перед ним бесконечно и за все извинялись. Это мальчишество, а не честь.

— Человек чести вызывает на поединок.

— Ну, пожалуйста, давайте выйдем на поединок с Россией. Один раз получилось. У Пилсудского. Но ненадолго.

— Помнится, с помощью Божьей Матери.

— Вот именно. Это у Божьей Матери получилось. Но, кажется, кодекс Бозевича^[3] женщин из группы людей, обладающих честью, исключил.

— А может быть, это все от страха? Добавим, исторически обоснованного.

— Трудно выбраться из объятий географии и забыть, что Россия граничит, с кем захочет. Нужно придумать способ сосуществования, ведь мы же не в состоянии сделать так, чтобы Россия исчезла. В крайнем случае, она сама себя может уничтожить, но это будет проблема для всех соседей и для большей части мира.

— Тем временем она поглощает восточную Украину.

— В Курске из эсэмэсок от друзей я узнал, что упал самолет. Первая мысль, что это русские, как у них принято, чужими руками. И снова смена кадра: Курская дуга, битва, война и еще кровавое солнце над степью. Я ехал 16 часов и так смертельно устал, что у меня не было сил добраться до пограничного переезда. Я остался в придорожном отеле по российскую сторону. Портье говорил, что хотели сбить Путина, но у них не вышло. Утром, за чашкой кофе, я увидел танки. Я испугался, что будет война, что я не выеду из России, и меня интернируют в каком-нибудь лагере.

— Опять Сибирь и колючая проволока?

— Это первое, что приходит в голову. Наверное, было бы интересно, но мне уже хотелось вернуться. На российской

стороне границы абсолютное спокойствие. Шутки, анекдоты и все по-человечески. Еще несколько лет тому назад российско-украинская граница — это напряжение, никаких шуток, все мрачные, а тут, в тени сбитого самолета и надвигающейся войны, вполне нормальные отношения. У украинцев на границе уже стояли войска. Молодые парни-призывники и женщины с «калашниковыми» за спиной. Я спросил старого таможенника: «Ну и что будет?». «П...ц будет», — ответил он.

— Будет?

— Все указывает на то, что он был прав. Европе наплевать на эту страну. Подозреваю, что и на нас ей будет наплевать в случае чего.

— Несмотря на Дональда Туска во главе Евросоюза?

— Я бы этого не переоценивал. Приятно, но не более того. Между прочим, занятно представить себе Туска трагической фигурой: Россия стоит у границ, брюссельский Туск пытается что-то с этим сделать, а они там, хоть убей, не хотят расстаться со своими айфонами, машинами, турами по программе «все включено», не говоря уже о том, что никто не собирается умирать за какой-то Киев или Белосток. Интересная картинка.

— И что?

— Не знаю, мне трудно это представить. Но с 1945 года, когда они к нам въехали и остались, мир не особенно поумнел. Во всяком случае, я учу русский язык при помощи Шнура и Бичевской.

— Как вы думаете, можно ли быть гражданином России в том смысле, который мы вкладываем в понятие гражданин Европы? Можно чувствовать ответственность или вообще связь с тем, что вытворяет страна протяженностью в 9 тыс. км?

— С перспективы Забайкальска кажется, что Россия может сделать собственно все что угодно, а у ее жителей это вызовет очень слабый интерес — или не вызовет никакого.

Но парадоксально, что они гордятся этой большой страной, прежде всего, ее размерами и тем, что она опасна, а в то же время никоим образом не чувствуют себя ее хозяевами. Россия принадлежит Путину или другому царю. Как общество они совершенно разбиты, опустошены, что не мешает им жить в убеждении, что как целое они — носители цивилизации,

православия и истинной веры. Что они избранный народ, который спасет этот мир, и так далее.

Мне трудно судить, ведь я провел в этой России всего два месяца, больше интересуясь тем, что можно увидеть, чем общественной и политической жизнью.

— Что больше всего ужасало вас в этой России?

— Ее бесчеловечность. Это чрезвычайно сложный вопрос, так как русские на уровне личного общения очень человечны, но в то же время видно, что это государство организовано не по человеческим меркам. Наверное, по меркам русских. Расстояния, бесправие и абсолютная власть. Любой мент может тебя пристрелить, если для него в этом будет какая-то выгода. Другая цивилизация. У человека нет никаких шансов в противостоянии с властью. Даже у распоряжавшегося миллиардами Ходорковского не было шансов. Это меня пугает. Такой бесформенный страх. Но я люблю ездить в страны, где чувствую страх. Расстояние, отчуждение, разницу в менталитете, которая не позволит мне и другому человеку понять друг друга. Страх того, что мы будем говорить, но не найдем понимания. Такие страны самые интересные. Ну, не по швейцариям же мне, право слово, ездить.

— Вы поехали, чтобы увидеть лагерь Ходорковского. Зачем?

— В Краснокаменске наш водитель сам предложил проехать, не останавливаясь, мимо лагеря. Несколько убогих бараков, много колючей проволоки и ржавые вышки по углам. Мы спрашивали, за что сидит Ходорковский. Он сказал, что «Путин его посадил». По его понятиям, это был исчерпывающий ответ. Он рассказывал нам о своем сыне, который воевал в Чечне, а сейчас пытается устроиться в ФСБ. Он говорил об этом так естественно, как будто речь шла о работе на бензоколонке. Насилие власти так глубоко пропитало повседневную жизнь, что стало незаметным.

— Вы написали, что нигде в России вам не было так страшно, как в Чите.

— 3 августа город захватили дикие солдатские орды, это было какое-то монголо-татарское нашествие. Необузданная животная солдатская сила, безумствующая с позволения властей. Вопли, пьянство, купание в фонтанах. Сотни парней, празднующих день воздушно-десантных войск. Дикость этой солдатни была эманацией власти, которая позволяет себе

гораздо большее. Она выходит за рамки закона, а люди поддаются без боя. Такого нельзя не бояться.

— Мама не понимает, чем вас притягивает этот Восток.

— Ну да, она бы предпочла, чтобы я ездил на Запад. А еще лучше, чтобы вообще не ездил. Моя мама никогда нигде не была. И она, и папа покинули свои деревни в рамках великого переселения проклятого народа. Из холопской деревни в господский город. С востока на запад, в столицу, которую патриотический порыв превратил в скелет, и его снова нужно было наполнить человеческим мясом. Повстанцы, Гитлер и коммунизм позволили им захватить метрополию. Однако до центра они не дошли. Остановились в предместьях, как большая часть плебейской конкисты. Сомневаюсь, что она была счастлива.

— Ее старость вызывает у вас нежность или раздражение?

— Я испытываю сложные чувства, и их амплитуда, скажем так, весьма велика.

Но все же это великий урок. Возможно, самый большой из всех, которые способны дать нам родители. Мы можем научиться у них, как стареть и как умирать. Может быть, это последнее проявление любви к нам? Чтобы мы всё узнали из первых рук. Не от чужих, а из первоисточника. Что вот, стареет что-то, чем мы являемся физически, наше тело. Наверное, отсюда эта амплитуда чувств.

— Вы говорите с ними об этом?

— Мама относится к своей смерти с юмором, но я вижу, что она тоже ее боится.

— Вы говорите родителям, что вам будет их не хватать?

— Нет.

— Почему?

— В нашем доме не говорилось о чувствах. Впрочем, в нашем доме мало разговаривали. Мой папа большую часть жизни молчал.

— Как вы думаете, он тоскует по социализму? По фабрике?

— Знаете, он, собственно, строил эту свою фабрику. Гордился ей. Когда Польша стала свободна, ее купили корейцы.

Наступили новые азиатско-корпоративные порядки, и папа перестал чувствовать себя там как дома. К счастью, он ушел на пенсию.

— Значит, и он мог бы читать Лоретанскую литанию^[4] коммуне? Коммуна милосердная, молись за нас. Коммуна верная, благоразумная, коммуна Спасителя. Вы знаете, это прекрасная сцена.

— Ну что ж, спасибо. Ведь как-то они ей молились. Благодаря ней они продвинулись по социальной лестнице, и им было лучше, чем при господах. Конечно, город ими брезговал, однако, лицемерный рабоче-крестьянский союз все же повышал их самооценку. Без этого квазисоциалистического эксперимента они не достигли бы того, о чем мечтали, то есть, не жили бы в относительном достатке и относительной безопасности. Поэтому я стараюсь вернуть этому прошлому достоинство.

— Мне кажется, что наши родители все-таки стыдятся этого коммунизма. Они становятся правыми, сочиняют, что никогда не были в партии, пытаются вернуть себе статус субъекта, который утратили при коммунистах.

Это капитализм-то дает им статус субъекта? Вертишься во всем этом как белка в колесе. Они должны гордиться тем, что выпало им на долю. Что получили более глубокий экзистенциальный опыт, чем люди Запада. Меня бесит, кстати, что Запад отказывается признавать, что коммунизм — это также и его история. Это паранойя. Ведь, на самом деле, это западный эксперимент на живом организме, который подхватили русские и продолжили его в России, где капитализм был еще в пеленках. Разговоры о том, что нет, это не мы, мы не принимали в этом участия — просто подлость. Вы не принимали, потому что трусили и отгородились железным занавесом. И поделили Европу на Восток и Запад.

Мне кажется, что поколение наших родителей, — так же как русские, очень подобным образом, — тоже чувствует себя преданным. Я думаю о том, что бы они ответили, если бы у них спросить, что бы они предпочли — скажем — свободу и капитализм в нынешней версии, или софт-коммунизм в версии Эдварда Герека с большим количеством денег и колбасы.

— А вы бы что выбрали?

— Скорее всего, я уклонялся бы от ответа и, как старый ловкач, искал бы какой-нибудь личный, частный третий путь. Как

какое-нибудь лицо без гражданства. Был бы романтическим анархистом, сам не знаю... Знаете, «Солидарность» была социалистическим движением. Рабочим был нужен социализм с человеческим лицом, а не прыжок в глубокую, мутную воду капитализма. Они хотели не свободы, а справедливости. Всегда начиналось с колбасы, а потом приходили спецы по свободе и говорили от имени всех.

Моей маме никогда не нужна была свобода. Ей была нужна безопасность. А свобода опасна, это риск.

У меня впечатление, что мы фетишизируем ее. Мы свихнулись на нынешней свободе. На этих юбилеях и восторгах. Разве толпы поработанных телевидением и рекламой малолеток это свобода? Или эти отформатированные студенты в костюмах под галстуком, получающие образование в пижонских экономических ВУЗах? Конечно, на первый взгляд, это не такая мучительная форма рабства — кровь не льется, люди умирают дома и в больницах, а не в лагерях и тюрьмах, но, в то же время, почти невозможно жить вне той свободы, которая им предлагается. «Будь свободным или сдохни». Как в Иностранном легионе.

Анджей Стасюк (р. 1960 г.) — поэт, писатель и публицист. За книгу «По дороге в Бабадаг» получил в 2005 г. литературную премию «Нике». Живет в Низких Бескидах. Вместе с женой Моникой Шнайдерман руководит издательством «Чарне».

— Вы счастливчик. Разъезжаете по Польше и всему миру, сделав из этого тему для литературы.

— Так сложилось, что моя жизнь стала моей профессией. Простите, но отчаиваться из-за этого я не собираюсь. На катушку у меня в мозгу постоянно наматываются пейзажи, люди, мнения, впечатления. Я стараюсь, чтобы то, что я вижу и слышу, проникало глубже. Чтобы прошивало навывлет. Люблю, когда это потом проявляется в неожиданный момент. Как утром в Борисоглебске. Мужики идут на работу, автобусы из парка выезжают, а я вижу, как отец учит свою дочурку ездить на велосипеде. В глубине России такой укол в сердце... Ведь я свою Тоську так этому и не научил. Терпения не хватило. Друзья ее учили.

Или в городе Ош в Кыргызстане, в детском парке со старинной каруселью, каких даже в польских парках уже нет. Взрослые и дети, с десятков тысяч людей, стреляют по воздушным шарикам, едят сахарную вату, проверяют силу своих ударов. Цивилизация слишком утонченных удовольствий или развлечений еще туда не добралась. Вволновал меня этот город и эти люди, вспомнились приуроченные к храмовым праздникам народные гуляния у моих деда и бабки в Грудеке. Я во второй раз вошел в ту же реку, хоть эта река и текла в Кыргызстане. Это чудесные моменты. Ведь ради них и путешествуешь. Ради звуков. Ради образов. Ради запахов.

— Вы тоскуете по временам социализма?

— Вы спрашиваете, не страдаю ли я коммуноностальгией?! Еще люди услышат.

— Ну, вы написали книгу о коммунизме. Очень личную и тем самым довольно, я бы сказала, ностальгическую.

— Я пытаюсь соединить картинки детства с картинками далеких стран, которые мне в какой-то степени напоминают это детство. Да, я езжу на восток, чтобы взглянуть на свое детство, увидеть, во что превращается коммунизм, ведь я его дитя. Мне это нужно. Кроме всего прочего, там просто красиво. В Европе такого нет. У меня сдвиг на почве пространства и бесконечности. Я религиозная натура, а тамошние пространства — это какой-то субститут абсолюта. Невозможно себе представить, как мир может быть таким большим и едва задетым цивилизацией. Словно сразу после сотворения.

— Проверяете, какой судьбы мы избежали?

— Мы хотим вычеркнуть эту судьбу, удалить, стереть. Признать не существовавшей. Это сбивает с пути. Обнуляет нам память. Я предпочитаю знать, из чего мы выбрались и чего избежали.

Я отправляюсь в страну, в тени которой рос, и чувствую, что есть в ней какая-то неоднозначная сексапильность. Страх и влечение. Только не надо делать из меня русофила лишь потому, что я выбиваюсь из нарратива презрения и агрессии. Кроме того, видно, что там происходят вещи во всех отношениях интересные. Боже мой, эти автоэротические байки о «конце истории». Мы хотели вычеркнуть, депилировать, дезодорировать прошлое, которого мы стыдимся, а тут, пожалуйста: вот оно, за порогом, на Украине, прошлое в измененном, сегодняшнем облике.

Между прочим, я никогда не видел в своих краях столько автомобилей с российскими номерами. Россияне возвращаются из отпусков и, похоже, боятся ехать через Украину. Предпочитают через Словакию и Польшу, а это ведь враг. Но как-то же надо возвращаться на эту родину.

— В детстве Россия — это был «отстой». Откуда это у нас?

— Не сразу. Вначале были прекрасно изданные сказки. «Конек-горбунок» и «О рыбаке и золотой рыбке». Помню последнюю иллюстрацию — бабка, сидящая над разбитым корытом. Кстати говоря, довольно пророческая картинка, если взглянуть на постсовременность... Сказки принимались без отторжения, но потом появились телевизоры, а в них трансляции съездов КПСС. Невозмутимые зомби Косыгина, Громыко, Брежнева. Безжизненные говорящие камни вместо мультиков или вестернов — так выглядел в глазах ребенка Советский Союз.

— Мрачный, тяжелый и хамский, по вашему замечанию.

— Для ребенка просто ужасно скучный. Так же как эмалированные красные звезды с лицом Ленина. Мы коллекционировали металлические значки, но этого хлама никто не хотел. У меня была одна-две, но я стеснялся даже взять их в школу. На Ленина никто не хотел меняться. Русские войска, расквартированные в районе варшавской Праги, — это тоже был отстой. Невыразительные лица, скрытые в тени фуражек. На фоне пражской гудящей толчеи, валютчиков и царящей там люмпен-анархии они выглядели, как заводные фигурки. Вроде бы они были символом присутствия чужой армии, но не несли в себе никакой мощи. Иногда это были азиаты. Я их потом встречал. 60-летние мужики в Азии вспоминали службу в Легнице и польских девушек. Говорили, что было здорово, жаль, мол, что это закончилось. Я жалею, что не видел этой «малой Москвы». Могла бы получиться отличная история о симбиозе поляков и русских.

— Мы смеялись над ними. Они были героями анекдотов.

— «Русский» — это было ругательство. Кто-то худший, достойный презрения. И несмотря на бедный репертуар кинотеатров, на русские фильмы мы не ходили, ни за что. И о русских автомобилях не мечтали. Плохо смотрелась эта Россия, навязывавшая нам Брежнева, значки с Лениным и скучные фильмы. Ничего другого у них не было. А в то же время, эти скука и хлам были результатом присутствия чего-то гораздо большего.

— Вы думаете, что эти насмешки маскировали тревогу?

— Взрослые, безусловно, лучше понимали, как устроен наш мир, и жизнь в тени России не могла оставить их равнодушными. Однако у нас дома о России вообще не говорили. За исключением воспоминаний деда о том, как во время войны он продавал им самогон. И рассказов матери, которая запомнила раскосых солдат русской пехоты, которые варили кур вместе с перьями, а на руках носили по трое часов. Революция — это был никакой не Маркс, указывающий миру путь, а опустившийся Тамерлан в погоне за домашней птицей и хронометрами.

До дня объявления военного положения я не ощущал никакого страха перед ней. Она стала реальной лишь в тюрьме, когда через радиоузел нам включили декрет о военном положении. Я боялся, что нас погрузят в вагоны и вывезут в Сибирь. Старая история — Сибирь, лагеря, проволока. Ну, а после выхода из тюрьмы именно Россия меня цивилизовала.

— Как?

— Я влюбился в наполовину русскую девушку из интеллигентной семьи. Воскресные обеды, беседы, накрытый скатертью стол и сопутствующий этому определенный церемониал. Мне кажется, что у нее я научился есть ножом и вилкой и узнал, что плодовое крепленое с винзавода в Окентье — это не вино в принципе.

— У вас дома этого церемониала не было?

— Было по-другому. Прошу не забывать, что я из крестьянской семьи. А, кроме того, я все же убегал из своего дома. Мне там чего-то не хватало.

— Вы чувствовали себя деревенщиной?

— Не совсем... Все же благодаря прочитанным книгам во мне была некоторая утонченность, так что совсем уж троглодитом я, пожалуй, не был. Однако, по сравнению с интеллигентным домом, это было некое варварство. В отсутствие ее родителей мы с приятелями опустошали их бар и устраивали в квартире бедлам, а ее мать, когда возвращалась домой, брала гитару и пела русские песни. У нее был прекрасный голос.

Так что с любовью, которая ворвалась в мою жизнь вместе с этой своей Россией, у меня исчезло презрение ко всему русскому. Ведь, с одной стороны Брежнев, а с другой — любовь. Легко выбрать.

— Ну и эта их музыка... Кстати, этот Шнуров с «Ленинградом», которым вы меня сейчас мучаете — скорее, похабщина, чем лирическая меланхолия.

— Да ладно, сразу похабщина. Поэзия с элементами социальной критики. Беру с собой в восточное путешествие.

— Почему вы считаете, что у вас больше прав на этот Восток, чем у западноевропейских туристов?

— Это мои страны, потому что я жил при коммунизме и, в каком-то смысле, чувствую себя там как дома. Я езжу туда, чтобы что-то узнать о себе, а для них это посткоммунистическое сафари. Они передвигаются караванами мощных внедорожников, которые потребляют на сто километров столько топлива, сколько эти люди зарабатывают в месяц. У моей тачки тоже был нехилый расход, согласен, но я чувствовал, что я там по другой причине.

— Вы хотите сказать, что они ощущают свое цивилизационное превосходство над странами Востока?

— Думаю, да. И это отдаляет меня от них. Конечно, люди имеют право ездить, куда хотят, но мне не нравится, когда кто-то без дела слоняется по моим странам.

— Слоняется?

— Они не совсем понимают, где находятся. Знаете, путеводители, в определенном смысле, оглуляют так же эффективно, как телевидение. Я узурпирую право на эти страны, видимо, из тщеславия, но мне нравится воображать, что я все же открываю там что-то еще. Ну и, может быть, что я в большей степени их житель, чем эти высокие блондины, не говорящие по-русски. Я чувствовал по отношению к ним настоящее превосходство, потому что, в свою очередь, очень слабо говорю по-английски. Так что я, помогая им купить картошку^[5] и пиво, в некотором смысле брал реванш за свое неполноценное пребывание в англоязычных странах.

Теперь я жалею, что з меня был такой плохий учебник. Слишком поздно понимаешь, что язык — это не только средство колонизации, но и ценность сама по себе.

— И о чем вы разговаривали с туземцами?

— В глухой дыре Сарыташ, прямо перед таджикской границей, продавец в магазине знал, откуда я, благодаря Бонеку, Валенсе

и Левандовскому^[6]. Однако, из-за соучастия в опыте коммунизма и посткоммунизма, в разговорах сразу появлялись Брежнев. И Сталин. Признаюсь, когда везущий вас через пустыню Гоби водитель начинает говорить о «Четырех танкистах» — это вызывает своего рода восторг. Этот сериал до сих пор идет по монгольскому телевидению. Фильм о победе над общим врагом, которая свершилась при помощи коммунизма, там, похоже, хит. Миф о войне в посткоммунистических странах необычайно живуч. И не только в тех, которые непосредственно ее испытали. «Какое счастье, что нет войны», — слышал я в Таджикистане, в котором этой войны на самом деле и не было. В свою очередь, в Казахстане, в гостиничном ресторане ко мне подсел 20-летний парень и начал говорить, что мы вместе победили Гитлера — поляки, русские, казахи. У 20-летнего парня, которому бы погрузиться в сеть глобализма, попсы, первая сказанная фраза связана с войной. Что столько поляков и русских погибло. И евреев. Невероятно. Как будто общий опыт войны и коммунизма передается, как генетическая память.

— Вы считаете, что они разочарованы тем, что ничего не вышло?

— Они разочарованы и чувствуют себя преданными. И предали их братья-славяне. Они не понимают, как мы могли не верить в этот коммунизм так же глубоко, как они. Его крах — это катастрофа. Катастрофа невообразимого масштаба, которой проникнута вся Россия, не считая, может быть, Москвы и Петербурга.

Знаете, там речь шла не о каком-то материализме, отказе от собственности, а об отмене материи, ее преодолении, чтобы она никогда больше не разделяла людей. Они хотели аннулировать ее, вывернуть наизнанку, чтобы полностью от нее освободиться. В этом состояла парарелигиозность коммунизма. Увидеть остатки этого — вот зачем я туда езжу.

— Пустые, съеденные ржавчиной микрорайоны? Искореженные тротуары? Это ведь есть и у нас.

— Ну, там же всё чудовищных размеров. Больше пространства, больше хаоса, больше печали и больше претензий. Когда они взялись за эту материю, то строили гигантские вещи, с гигантскими затратами, а в результате все это оказалось недееспособным. Постсоветская архитектура в провинции вызывает отчаяние. Все развалившееся, перекошенное. Это противоположность — не знаю — созидательности,

организации, миропорядка. Какой-то антилогос. Пространство оказалось сильнее. Им удалось его покорить, но не очеловечить.

— Так о чем они жалеют?

— О величии. О проекте космического масштаба. Они тоскуют об этом. Кроме того, они потеряли часть чудесного мира, часть прекрасных далеких стран. Это, должно быть, похоже на польскую тоску по Львову, с той разницей, что наш Львов был нашим частным, провинциальным делом, а у них все же была мировая империя. Они чувствуют, что их стало меньше.

В нашем издательстве скоро выйдет книга Светланы Алексиевич, которая опросила несколько сотен россиян на тему коммунизма. Три четверти этих ответов — тоска по эгалитаризму, по величию проекта, предполагавшего переустройство мира, по неосуществленной мегаутопии. Это потрясающие высказывания, из которых пробивается надежда, что, может быть, ее все-таки удалось бы осуществить.

Ну, а величие русского духа помогает им как-то жить с этим поражением.

— Вы иронизируете? Что же такое этот русский дух?

— Не знаю, это понятие очень тонкое, нередко фиктивное, а еще это российский экспортный товар, как нефть или газ. Может быть, это максимализм? Когда делают революцию, то разносят все, не думая о последствиях. Когда пытаются восстановить позиции мировой державы, то входят в чужую страну и аннексируют ее, не обращая внимания на весь мир. Это взрывоопасная смесь — комплекс превосходства, смешанный с комплексом неполноценности.

— В этом мы похожи.

— С той разницей, что мы более разорваны между Востоком и Западом и находимся в плену своего предназначения. Каждый недоволен тем, кем он есть, какое место занимает в Польше, каждый хочет быть «не-поляком», кем-то другим. Одни стремятся быть более либеральными и западными, другие — более правыми. Одни хотят возвращения к славянским корням, а другие хотят быть космополитами. И все сваливают из этой польскости, относясь к ней как к тюрьме. 120 газет и журналов советуют тебе в кого переодеться, чтобы не выделяться, чтобы не было стыдно. Мы все время как бы в бегах.

Русские в меньшей степени испытывают такие противоречия, так как в России западничество было ничтожным. Русская идентичность более определенная. Кроме того, мы, к счастью, поменьше.

— Трудно выйти из тени России.

— А зачем выходить? Мы должны справиться с нашим прошлым, договориться с ним. Признать, что мы не были вечными бунтовщиками. Прошлое — важная составляющая идентичности, в сущности, единственная, так как прошлое у нас одно. Я согласен на него. Может быть, мне легче, потому что не вся моя жизнь прошла при социализме. Я прекрасно проводил время, ну, может быть, немного скованный границами. Конечно, у взрослых людей, которые боролись с системой, которые тосковали по другому миру, по возможности сделать карьеру, по развитию, вероятно, иной взгляд на это.

Россия граничит, с кем захочет. Когда пытаются восстановить позиции мировой державы, то входят в чужую страну и аннексируют ее.

1. Здесь и далее слова, выделенные курсивом, сказаны по-русски.
2. Збигнев Бонек и Роберт Левандовский — знаменитые польские футболисты.
3. Владислав Бозевич (1886–1946) — капитан Войска польского, автор «Польского кодекса чести».
4. Лоретанская литания — католическая молитва к Богородице, состоящая из повторяющихся коротких молитвенных воззваний.

ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ

• «Эва Копач, новый премьер-министр, представила состав своего правительства. (...) Януш Пехоцинский, лидер Крестьянской партии ПСЛ и министр экономики, остается на должности вице-премьера. Еще одним вице-премьером будет Томаш Семоняк, министр национальной обороны. (...) Также Эва Копач коротко ответила на вопросы журналистов. (...) „Вместе с другими европейскими странами мы будем решительно поддерживать наших соседей в их конфликте с Россией”. На этом ведущий завершил пресс-конференцию». (Агата Кодзинская, «Газета wyborcza», 20-21 сент.)

• «В своем выступлении премьер Эва Копач призвала лидера партии „Право и Справедливость” Ярослава Качинского прекратить польско-польскую войну. (...) „Я обращаюсь к Ярославу Качинскому — господин председатель, давайте снимем с Польши это проклятие ненависти”, — предложила Эва Копач. Депутаты коалиции „Гражданская платформа” — Крестьянская партия ПСЛ наградили ее аплодисментами. После выступления Эвы Копач Качинский подошел к Туску, пожал ему руку и пожелал успехов на должности председателя Европейского совета. „Это, безусловно, заслуга Эвы Копач. Случившееся можно назвать не только политической сенсацией, но и самым настоящим чудом. Столько лет никому не удавалось достичь чего-либо подобного, а тут достаточно было одного слова со стороны госпожи премьер-министра, как Ярослав Качинский встал, подошел ко мне с доброй, человеческой улыбкой и сказал: «Держись, желаю тебе всего доброго»», — рассказал Дональд Туск. (...) После восьми вечера Сейм вынес вотум доверия правительству Эвы Копач. „За” проголосовало 259 депутатов, „против” — 183, семеро воздержались. После голосования Эва Копач заявила, что в понедельник она летит в Брюссель. Это будет первый зарубежный визит нового премьер-министра». (Рената Грохаль, «Газета wyborcza», 2 окт.)

• «Выступая перед парламентариями, Эва Копач заявила: „Сегодня в этом зале находится ветеран боевых действий в Афганистане, полковник Лешек Стемпень, который был тяжело ранен, рискуя жизнью и здоровьем ради отчизны. Господин полковник, я искренне благодарю вас от лица всех поляков”.

Камеры показали худощавого, сидящего офицера, а все присутствующие, включая президента и дипломатический корпус, встали, чтобы почтить полковника. Это первый случай в истории III Речи Посполитой, когда Сейм так отмечает заслуги солдата. (...) Стемпень был первым польским военным, которого ранили в ходе борьбы с террористами, начатой после атаки на Нью-Йорк 11 сентября 2001 года. (...) После Второй мировой войны за пределами Польши погибло либо пропало без вести 120 польских военных, участвовавших в миссиях ООН и операциях НАТО. Больше всего потерь Польша понесла в Афганистане (45 убитых и 360 раненых), а также в Ираке (22 убитых и 79 раненых)». (Войцех Чухновский, «Газета wyborcza», 3 окт.)

• «Я понимаю, что мне будет нелегко в одночасье сформировать уважительное общественное мнение в отношении ветеранов, столь характерное для США или Великобритании. Я знаю — чем меньше город, тем хуже относятся к ветеранам, тем чаще их обвиняют в том, что на войну они ездили зарабатывать деньги. Пусть, мол, они потеряли там руки и ноги, подорвали психику, но ведь и компенсацию получили немалую. (...) У меня есть друзья, живущие в глубинке, и вот там к ним очень часто относятся как к наемникам. Наверное, во всем виновата зависть и наш польский менталитет, побуждающий обязательно поставить на место каждого, кто не вписывается в общие рамки, даже если человек возвращается домой без ноги или руки. (...) Ущерб моему здоровью составил 80%. (...) В армии сейчас работают 53 военных с высокой степенью утраты здоровья. Вот уже шесть лет я занимаюсь помощью ветеранам. (...) 21 декабря, в третью годовщину гибели в Афганистане пяти польских военнослужащих, мы открываем Центр ветерана боевых действий за пределами отечества. (...) Я воспринимаю это и как свой личный успех», — полковник Ежи Стемпень, директор Центра ветерана боевых действий за пределами отечества. («Впрост», 6–12 окт.)

• «Сержант Рафал Целебудзкий из бригады поддержки корпуса „Север-Восток” погиб в результате покушения в Кабуле. Двое других польских военнослужащих были легко ранены. (...) Это уже 44-й польский военный, погибший в ходе афганской миссии». («Газета wyborcza», 17 сент.)

• «Бывший министр иностранных дел Радослав Сикорский вчера стал вторым главным человеком в стране — маршалом Сейма. За его кандидатуру проголосовало 233 депутата, против было 143. От голосования воздержались члены фракций Союза

демократических левых сил и „Твоего движения”». («Дзенник газета правна», 25 сент.)

• «Переход полномочий премьер-министра от Дональда Туска к Эве Копач породил целую волну обещаний социального характера. (...) Для их выполнения потребуется свыше 30 млрд злотых, что, в свою очередь, означает увеличение бюджетного дефицита на две трети либо резкое повышение налоговых ставок на 11%. Сегодня через Польскую туристическую палату в госбюджет ежегодно поступает 44 млрд злотых, из частных же фирм — 23 млрд злотых. (...) Эксперты предупреждают: наших средств может не хватить. (...) Чтобы выполнить все обещания, экономика должна расти в темпе, превышающем 4%, иначе придется еще больше влезать в долги», — подчеркнул Якуб Борковский из банка «Креди Агриколь». (Эльжбета Глапак, «Жечпосполита», 9 окт.)

• «В 2013 году государственные расходы выросли по сравнению с предыдущим годом почти на 21 млрд злотых, то есть почти на 3%. По данным Республиканского фонда, дефицит всей финансовой системы достиг 76 млрд злотых. Эта сумма превышает официальные данные Главного управления статистики (70,6 млрд злотых согласно принятой в ЕС методологии расчетов). (...) Почти на 25% выросли расходы, связанные с деятельностью органов власти и управления, в том числе канцелярии сейма, сената, аппаратов премьер-министра и премьера, министерств и ведомств, филиалов правительственных структур и органов управления воеводств, а также Института национальной памяти. (...) Эти расходы составили почти 5,3 млрд злотых, это более чем на 1 млрд больше, чем в предшествующем году. (...) Главной же статьей государственных расходов остаются пенсии и пособия. (...) На эти цели государство в прошлом году потратило почти 217 млрд злотых, что составило одну треть всех государственных затрат, учтенных Республиканским фондом». (Марек Ходзинский, «Дзенник газета правна», 2 окт.)

• «В 2013 г. Польша истратила на государственную поддержку частных предприятий 21,4 млрд злотых. Больше всего средств было вложено в транспортную отрасль, в основном на развитие железнодорожного транспорта. Также щедро дотировались энергетика и горнодобывающая промышленность. „Деньги часто тратятся совершенно без толку. Государство годами финансирует одни и те же фирмы и отрасли”, — считает Анджей Садовский, вице-президент Центра им. Адама Смита». («Жечпосполита», 10 окт.)

• «Если бы не маловероятная, хотя и вполне реальная угроза лишения нас дотаций ЕС, наше руководство тут же бросило бы страну в воронку разбазаривания бюджетных средств и лавинообразного нарастания государственного долга. (...) Именно для того, чтобы не нарушать условий Маастрихтского договора, согласно которому дефицит государственных финансов не должен превышать 3% ВВП, была разрушена пенсионная система. Вместо того, чтобы уменьшать расходы, были ограблены Открытые пенсионные фонды». (Павел Яблонский, «Жечпосполита», 25 сент.)

• «В зоне евро экономический рост в этом году составит 0,8%, в США — 2,2%. (...) Согласно прогнозам Международного валютного фонда, рост польского ВВП в этом году составит 3,2%, в следующем — 3,3%, а в 2019 г. — 3,6%. (...) „Польская экономика держится очень хорошо. У нее сильный внутренний рынок, стабильная ситуация на рынке труда. Хотя, безусловно, ситуация в Германии и дальнейшее развитие российско-украинского конфликта будут продолжать оказывать на вас самое непосредственное влияние”, — заявил Томас Хелблинг, директор Всемирного экономического отдела исследований МВФ». (Патриция Мациевич, «Газета wyborcza», 8 окт.)

• «Польша — одна из самых успешных стран ЕС с точки зрения развития предпринимательства. В Германии, которая по численности населения превосходит нас в два раза, всего на 700 тыс. частных фирм больше (в Польше их 1 475 тыс., в Германии — 2 201 тыс.); по количеству же малых предприятий Германия опережает Польшу лишь на 400 тыс. фирм (в Польше их 1 407 тыс., в Германии — 1 809 тыс.). Эта сфера бизнеса предоставляет рабочие места 5,67 млн поляков, что составляет две трети от всех занятых лиц. (...) Сектор малого и среднего бизнеса обеспечивает 47,3% ВВП». (Якуб Капишевский, Беата Томашкевич, «Дзенник газета правна», 1 окт.)

• «Всё меньше становится сапожников, часовщиков, скорняков, кожевников. На карте современного города нет места мастерам ручной работы — разве что можно выкрутиться, обозвав это «современным дизайном» и приклеив ярлык „art-market”. Все прочие ремесленники, с молотком или отверткой в мозолистых, потрескавшихся руках, сидят по своим норам и углам, молясь, чтобы им не повысили арендную плату. (...) В Дании или Франции такие палатки по оказанию мелких услуг давно перестали приносить прибыль, зато к ним относятся как к своего рода музеям под открытым небом или даже как к национальному достоянию. Им снижают арендную плату и даже создают для таких ремесленников

специальные улицы, всячески холя их и лелея». (Сильвия Хутник, «Газета выборча», 19 сент.)

• «Настоятель прихода Пресвятой Девы Марии и Матери Церкви в Гливице разрешил во время поста есть мясные продукты, если они куплены в одном конкретном магазине. (...) В прошлую пятницу благодаря настоятелю клиенты магазина „Марцинишин” получили возможность есть купленное там мясо без всяких угрызений совести. (...) Мясокомбинат Тадеуша Марцинишина отказался прокомментировать ситуацию». (Катажина Вишневская, «Газета выборча», 29 сент.)

• «Рост финансовых активов в Польше достиг 7,6% — это превышает средний показатель среди входящих в ЕС стран Восточной Европы. (...) Самыми популярными по-прежнему остаются вклады с 45% годовых. В 2013 г. их стоимость возросла на 7,2%. (...) Общая стоимость активов индивидуальных домашних хозяйств с 2007 г. выросла на 120 млрд евро, то есть на 48%». («Жечпосполита», 24 сент.)

• «Совет монетарной политики снизил процентную ставку Национального банка Польши на 0,5% — это самая низкая ставка в истории (2%)! Совет борется с дефляцией, хочет, чтобы мы больше покупали, желая таким образом ускорить темп развития экономики. Снизятся суммы кредитов, но вместе с ними и проценты от банковских вкладов». («Газета выборча», 9 окт.)

• «В первую очередь следовало бы отбросить установку, свойственную всем министрам, отвечающим за взаимодействия с гражданами, согласно которой каждый гражданин — потенциальный преступник. (...) Фискальное законодательство изначально предусматривает, что каждое предприятие и даже частное лицо, заполняющие налоговую декларацию — это потенциальные воры. Поэтому закон должен работать так, чтобы поймать вора. Да вот только в действительности подобный подход бьет рикошетом по честным людям. Очень многие предприниматели жалуются, что они даже не успевают сделать что-либо противозаконное, как к ним уже устремляются полчища контролеров из казначейства, без устали доказывая, что закон те все-таки нарушили. Государство не доверяет гражданам, а граждане не доверяют государству. Это заколдованный круг недоверия, разорвать который очень сложно», — проф. Януш Чапинский. («Польска», 29 сент.)

• «Согласно отчету Главного управления статистики „Бедность в Польше в 2013 г.”, процент лиц, находящихся в нашей стране

за чертой бедности и едва-едва поддерживающих биологическое существование, в 2012 г. составил 6,8%». («Газета wyborcza», 17 сент.)

- «Более ста тысяч злотых в месяц будет получать Игорь Остахович, бывший пиарщик премьер-министра Дональда Туска. Специально для него контролируемый государством топливный концерн „Орлен” создал одну из руководящих должностей». («Жечпосполита», 26 сент.)
- «Игорь Остахович, пиарщик Дональда Туска, отказался от должности в концерне „Орлен”, где мог зарабатывать 2,5 млн злотых в год». («Газета польска цодзенне», 27–28 сент.)
- «Если премьер-министр страны получает 15 тыс. злотых, а директор какой-нибудь фирмы — 50 тыс. злотых, директор же банка — 200 тыс. злотых в месяц, становится ясно, что мы имеем дело с самой настоящей паранойей. (...) К сожалению, среди политиков нет людей, способных на смелые решения. (...) Поэтому стало обычным делом, когда специалист высокого класса работает в администрации за скромную зарплату, зато потом правительство устраивает его в государственную компанию на высокооплачиваемую должность. (...) Из нелегально записанных разговоров политиков и руководителей государственных компаний можно сделать вывод, что нефтяной концерн „Орлен” финансирует разного рода мероприятия, к примеру, во время выборов, чтобы поднять настроение избирателей и заодно помочь партии „Гражданская платформа” выиграть выборы». (Доминика Веловейская, «Газета wyborcza», 26 сент.)
- Поддержка партий: «Гражданская платформа» — 33%, «Право и справедливость» — 31%, Союз демократических левых сил — 10%, крестьянская партия ПСЛ — 6%, «Конгресс новых правых» — 4%, «Польша вместе» — 2% «Твое движение» — 1%, «Солидарная Польша» — 1%, «Национальное движение» — 1%. Не определились с симпатиями — 10%. Опрос института «Номо Номіні», 3–4 октября. Избирательный порог составляет 5%. («Жечпосполита», 8 окт.)
- «Больше всего поляки доверяют президенту Брониславу Коморовскому (79%), новому маршалу Сейма Радославу Сикорскому (49%) и новому премьер-министру Эве Копач (48%)». («Жечпосполита», 25 сент.)
- «Согласно опросу ЦИОМа, проведенного перед выборами в сеймики воеводств, на выборах депутатов в городе, гмине или повате мы чаще голосуем за беспартийных кандидатов (65%),

чем за тех, кто пользуется поддержкой какой-либо партии (17%). (...) В выборах планируют принять участие 65% опрошенных. 46% говорят, что точно пойдут на избирательные участки, 20% не планируют голосовать, а 14% точно уверены, что на выборы не пойдут». («Газета wyborcza», 17 сент.)

• «У нас есть партии-пустышки, состоящие из марионеток, во всем послушные своему руководству, но абсолютно беспомощные по части программы. (...) Политикой мы не занимаемся, политиков презираем, самое большое, что мы можем — это посмеяться над ними. Но ведь это значит, что мы отказались от своего права быть гражданами, поскольку гражданство означает, в первую очередь, живой интерес к общественно-политическим процессам. (...) Именно поэтому демократии и умирают — так увяла и ушла в небытие просуществовавшая два столетия дворянская демократия I Речи Посполитой. (...) Еще в первые годы после перемен 1989 г. мы каким-то чудом умудрились выбирать руководителями самых достойных, хотя на первых свободных выборах проголосовало всего 62% избирателей, после чего ситуация только ухудшалась. Сегодня подобного рода способности мы полностью утратили». (Ежи Сурдыковский, «Жечпосполита», 3 окт.)

• «В рейтинге профессий политики находятся в самом низу. Намного более высокие позиции занимают уборщицы, неквалифицированные рабочие, уже не говоря о квалифицированных. (...) Возглавляет список пожарный, а на втором месте находится профессор университета. (...) Поляки не ценят политику саму по себе — они ценят лишь ее плоды. Уже в 1989 г. власть выбирали постольку, поскольку ждали от нее улучшения своего материального состояния. (...) Польский подход к политике характеризуется как максимализмом, так и минимализмом: поляки очень требовательны к политикам и совершенно не требовательны к себе. (...) Они постоянно жалуются на политическую ситуацию, но сами почти не пытаются ее улучшить. Свое недовольство они выражают при помощи избирательской пассивности и равнодушия. (...) Эта сформировавшаяся в Польше своеобразная политическая, а скорее аполитическая, культура является одним из главных поражений минувших 25 лет. Мы не понимаем специфики общественно-политических отношений, не умеем быть самими собой. К любому конфликту мы относимся как к общественной патологии либо как к глобальной борьбе добра со злом. В лучшем же случае мы, словно рафинированные эстеты, называем политику „грязным делом“ — дескать, порядочные

люди такими вещами не занимаются», — проф. Анджей Вашкевич. («Газета wyborcza», 3 окт.)

• «Двенадцатого сентября, в 25-ю годовщину формирования первого некоммунистического правительства, был опубликован „аудит польской демократии“. Его подготовила группа ученых под руководством профессора Радослава Марковского. (...) Методология „аудита“ была основана на аналогичных исследованиях, проводимых в других странах. (...) Польша занимает в нашем регионе второе или третье место с точки зрения качества демократии (на первом месте находится Эстония). Ученые оценили по десятибалльной шкале показатели, непосредственно влияющие на качество демократии: участие общества в политике (гражданские права и их реализация), правопорядок, масс-медиа, коррупция, государственное управление, политические процедуры, партийная система, публичная ответственность власти, реакция властей на требования общественности, демократия на местах. Самой высокой оценки (9) удостоились польские политические процедуры и институты, а именно избирательное право и организация выборов. Наиболее низкую оценку (между 5 и 7) мы получили за правопорядок и государственное управление». («Газета wyborcza», 16 сент.)

• «В списке новаторов Центрально-Восточной Европы „New Europe 100“ оказалось 28 поляков, среди них преобладают ученые и специалисты по инновационным технологиям. (...) Рейтинг „New Europe 100“ составляется ежегодно». (Олаф Шевчик, «Газета wyborcza», 7 окт.)

• «2,2 млн поляков в 2013 г. находились за границей более трех месяцев. Годом ранее их было 2,13 млн. (...) Количество поляков, проживающих за границей, по сравнению с 2002 г. увеличилось на 1,41 млн. (...) В Германии живет 560 тыс. польских эмигрантов, это на 125 тыс. больше, чем три года тому назад. (...) В Великобритании в 2013 г. проживало 650 тыс. поляков, (...) а в Ирландии и Голландии — 115 и 103 тыс. соответственно. (...) Мартин Галент, исследователь эмиграции из Института европейстики Ягеллонского университета, утверждает, что большинство этих людей уже никогда не вернется». (Бартош Марчук, «Жечпосполита», 24 сент.)

• «В польских ВУЗах сегодня учатся в четыре с лишним раза больше иностранных студентов, чем десять лет назад. Их количество пополняется в основном за счет украинцев. Три года назад украинских студентов у нас было 5 тыс., сегодня же — 15 тысяч». (Анна Виттенберг, «Дзенник газета правна», 24 сент.)

- «В 2013 г. польские пограничники задержали 3 700 нелегальных мигрантов, это на 20% больше, чем за 2012 г., когда было задержано 3 000 человек. (...) Большинство задержанных в 2013 г. составили граждане Украины — 1 444 человека (в 2012 г. их было 1388), России — 944 человека (в 2012 г. — 232), Беларуси — 271 (244), а также Грузии — 186 (217)». («Газета wyborcza», 29 сент.)

- «Польша направит 58 наблюдателей на досрочные выборы в украинский парламент, которые состоятся 28 октября». («Жечпосполита», 9 окт.)

- «Польша планирует поставки угля на Украину — об этом в пятницу в Киеве заявил маршал Сената Богдан Борусевич. (...) Борусевич заверил также, что Польша будет поставлять Украине газ. Во время своего однодневного визита в Киев маршал Сената встретился с президентом Украины Петром Порошенко и премьер-министром Арсением Яценюком». («Газета wyborcza», 11 окт.)

- «Киевские службы охраны общественного порядка закупят у фирмы „Маскпол” более десяти тысяч комплектов бронежилетов и касок по цене 1,3 тыс. евро за новый комплект, соответствующий самым высоким стандартам НАТО. (...) В начале июля украинцы получили заказанную в „Маскполе” первую партию из 2 тыс. бронежилетов и 6 тыс. касок польской модели. (...) В августе компания реализовала очередную партию из тысячи бронежилетов и 8 тыс. касок». (Збигнев Лентович, «Жечпосполита», 8 окт.)

- «Если не считать образовательных программ Фонда свободы и гуманитарного конвоя ассоциации „Поколение”, наша активность на Украине, по сути, сводится к нулю. Мы перестали оказывать поддержку реформам местного самоуправления Украины. (...) Заморожены программы лечения в Польше больных и раненых. Так и не появился польско-украинский фонд предпринимательства, с инициативой создания которого выступил сам президент, не заработала комплексная программа молодежного обмена, не был создан польско-украинский исторический институт. (...) Даже звонков и встреч на высшем уровне с Киевом было куда меньше, чем с Парижем и Берлином», — Павел Коваль, бывший министр иностранных дел, депутат Европарламента. («Жечпосполита», 26 сент.)

- «За последние семь месяцев объем экспорта в Россию по сравнению с аналогичным периодом прошлого года сократился на 10,5%. Товарооборот с Украиной снизился еще больше, на 25–27%. (...) Экспорт в Германию, которая является главным

покупателем польских товаров, вырос за семь месяцев на 8,7% и составляет сейчас 24,2 млрд евро. На 7,4% увеличился также товарооборот с Италией. (...) Экспорт в другие развитые страны, не входящие в ЕС, вырос на 21%». (Марек Ходзинский, «Дзенник газета правна», 18 сент.)

• «Российский „Аэрофлот” приостановил рейсы в Краков. (...) Руководство краковского аэропорта недоумевают относительно причин такого решения». (Дзенник газета правна», 17 сент.)

• «В пятницу в Бельведерском дворце министры обороны Польши, Литвы и Украины в присутствии президента Бронислава Коморовского подписали договор о создании трехнациональной бригады. (...) Штаб-квартирой бригады будет Люблин. К боевым действиям бригада будет полностью подготовлена в течение двух лет». («Газета wyborча», 20–21 сент.)

• «Североатлантический альянс выдвинул бывшего коменданта Академии национальной обороны на пост советника по вопросам реформы военного образования Украины при министре обороны этой страны. (...) Генерал, проф. Богуслав Пацек вот уже несколько месяцев руководит натовской программой DEEP (Defence Education Enhancement Program) на Украине. В программе участвуют эксперты из почти двадцати стран, в том числе из США, Германии, Великобритании, Словакии, Греции, а также из нескольких польских военных ВУЗов». («Жечпосполита», 30 сент.)

• «Представляет ли нынешняя ситуация какую-либо угрозу для Польши? Разумеется, представляет. (...) В случае каких-либо попыток силового решения проблемы Польша тут же окажется между молотом и наковальней. (...) В то же время маловероятно, чтобы Россия, воодушевившись победой в Крыму, напала на Польшу. (...) Очевидно, что экономическое сотрудничество между нашими странами гарантирует нашу безопасность в значительно большей степени, чем вооруженные силы. В свою очередь, сотрудничество возможно только между равными партнерами, оно основано на паритетных началах. Стабильной, уверенной в себе и заинтересованной в партнерстве России будет просто необходим мир и покой в Европе». (Сергиуш Митин, «Техника войскова история», № 5 (17), 2014)

• «„Если бы я захотел, российские войска в течение двух дней были бы не только в Киеве, но и в Риге, Таллине, Вильнюсе, Варшаве и Бухаресте”, — такую фразу собирался произнести президент Российской Федерации в разговоре с президентом

Петром Порошенко. Об этом Владимир Путин проинформировал находившегося в прошлую пятницу в Киеве председателя Европейской комиссии Жозе Баррозу». (Анджей Ломановский, «Жечпосполита», 19 сент.)

• «В четверг вечером на форуме ООН выступал президент Бронислав Коморовский. „Организация Объединенных Наций была создана, чтобы уберечь следующие поколения от ужасов войны”, — начал он. Коморовский вспомнил о появившейся после Первой мировой войны Лиге наций, которой не удалось предотвратить следующую мировую войну. „Демократический мир трагически ошибся, выбрав близорукую политику удовлетворения аппетитов диктатора за счет более слабых стран”, — напомнил президент. „Оккупация Крыма и агрессия на востоке Украины нарушает нормы международного права, растаптывая фундаментальные ценности Объединенных Наций. (...) Совет безопасности ООН оказался в этой ситуации практически беспомощен, в том числе и потому, что был связан собственным регламентом, — заявил Коморовский. — И если не откорректировать положения регламента, мы продолжим погрязать в собственной немощи”». (Мариуш Завадский, «Газета wyborcza», 26 сент.)

• «Большинство поляков (88%) следит за событиями на Украине. Также большинство опрошенных (78%) полагает, что конфликт на Украине угрожает безопасности Польши, а 72% уверены, что и безопасности всей Европы — таковы результаты сентябрьского опроса ЦИОМа. Поляки считают, что международная общественность не предпринимает достаточных мер для урегулирования украинского кризиса. Каждый пятый опрошенный (21%) высказывается за отправку на Украину международного воинского контингента». («Жечпосполита», 2 окт.)

• «По данным Союза предпринимателей и работодателей, 100 тыс. малых и средних предприятий готовы создать отряды территориальной самообороны». (Анджей Талага, «Жечпосполита», 4-5 окт.)

• «Кроме военных, около 30 тыс. человек учатся обращаться с оружием и участвовать в партизанских акциях». (Петр Козубаль, «Жечпосполита», 25 сент.)

• «Когда Ян Херманович, владелец ресторана „Пясковница” в Сопоте, вывешивал на дверях заведения табличку „Россиян не обслуживаем”, он принимал во внимание возможные убытки, однако такого оборота событий явно не предвидел. Сегодня „Пясковница” ежедневно забита до отказа. Владельцу с

благодарностью звонят люди из самых разных уголков мира, даже из Австралии и Новой Зеландии. Но есть и другая сторона медали: о Хермановиче написали в „Российской газете” и на всевозможных русскоязычных интернет-порталах. Начались провокации. (...) Как объясняет Херманович, его бы замучила совесть, если бы он не отреагировал на то, что вытворяют на Украине „зеленые человечки”. (...) В дом отдыха „Жемесьльник” в Закопане приезжают те, кто ищет гостиницы подешевле. (...) Теперь же ни одному россиянину номер там не сдадут — Петр Зыгарский решил россиян больше не принимать и вывесил на здании украинский флаг. (...) Проф. Кристина Скажинская считает, что в основе происходящего находятся три сильные эмоции: беспокойство, досада и недоверие. Причиной беспокойства является непредсказуемость Владимира Путина. Досада вызвана тем, что Европу лишили покоя. А недоверие связано с неприятностями, которые когда-то Россия причинила нам и нашим близким. (...) В северной же части Польши, на границе с Калининградской областью, после введения Путиным продовольственного эмбарго, приграничное движение только усилилось. (...) Возле польско-российской границы строится всё больше магазинов. (...) По данным Главного управления статистики, в последнем квартале прошлого года россияне потратили у нас более 188 млн злотых, а в первом квартале этого года — уже 227 млн злотых». (Малгожата Швенхович, Эвелина Лис, «Ньюсуик Польша», 15–21 сент.)

- «Удивительно, что маленькая, насчитывающая едва ли миллион жителей Эстония задержала и выслала больше российских шпионов, чем Польша», — Эдвард Лукас. («Ньюсуик Польша История», 10/2014)

- «Во время своего визита в Польшу министр обороны Великобритании объявил о совместных учениях „Black Eagle”. (...) Они начнутся в конце октября — начале ноября и продлятся до конца года». («Польша збройна», сент.)

- «Спровоцированная Россией война на Украине теперь определяет польскую зарубежную политику, заставляет искать подходящих союзников и задает основные направления в деятельности наших дипломатов». (Ежи Хацинский, «Жечпосполита», 2 окт.)

- «Вице-премьер и министр обороны Томаш Семоняк (...) вызвал широкий резонанс своей критикой в адрес Франции, которая поставляет оружие россиянам. Также Т. Семоняк заявил, что самым надежным союзником Польши являются США. Странно, что французов это задело. Они словно не

понимают, что поставки в Россию суперсовременного вооружения, с помощью которого россияне могут атаковать своих западных соседей, может серьезно осложнить аналогичные торговые операции с другими покупателями — в данном случае, с Польшей, то есть с одним из тех самых оказавшихся под возможным ударом соседей. Тем более сейчас, когда российская агрессия из учебников истории переместилась в реальность. Французы поняли, что могут потерять почти 6 млрд долларов, если проиграют в Польше торги века на поставку вооружения для ВВС, пытаются заработать 1,2 млрд евро на продаже русским десантных кораблей „Мистраль”». (Ежи Хацинский, «Жечпосполита», 1 окт.)

• «Гливицкая фирма „Флайтроник” уже не первый год поставляет польским вооруженным силам беспилотные самолеты „FlyEye” собственного производства. (...) Машины этого типа использовались во время боевой миссии в Афганистане. (...) В Гливице продолжается работа над двумя очередными беспилотниками. Первый — это „FlySAR”, самолет, способный выполнять задания в течение 15 часов и перевозить груз весом не менее 40 кг. (...) Второй самолет — это „Manta”. (...) Он может взлетать как горизонтально, так и вертикально, (...) оставаясь в воздухе целых 20 часов. (...) У самолета собственная система антиобледенения и автономная система позиционирования, независимая от GPS-навигатора, что затрудняет действия противника». (Лукаш Залешинский, «Польска збройна», окт.)

• «Сегодня беспилотник может себе купить кто угодно. Цена начинается уже от нескольких сотен злотых, но такие модели являются скорее игрушками, нежели профессиональным оборудованием. Продвинутые же машины могут переносить предметы с места на место. (...) Самые современные летательные аппараты используются в армии». («Жечпосполита», 2 окт.)

• «Йенс Столтенберг (с 1 октября — генеральный секретарь НАТО) из Варшавы направляется в Стамбул. Польша и Турция столкнулись с двумя самыми серьезными из всех стоящих перед НАТО стратегическими вызовами. Польша граничит с Украиной, у которой Россия сначала силой отняла Крым, а теперь поддерживает вооруженный мятеж на Донбассе. На турецкой же границе продолжается борьба с „Исламским государством”». (Павел Вронский, «Газета wyborcza», 7 окт.)

• «В ноябре количество иностранных военных, проходящих подготовку на территории Польши, достигло 2 тысяч. (...) На

полигоне в Дравске Поморском начинают обучение военнослужащие 1-ой боевой бригады из 1-ой кавалерийской дивизии армии США. (...) С ними в Польшу прибыли 12 единиц тяжелого вооружения: танки „М1-Абрамс” и транспортеры „М2 Аз Брэдли”. (...) Они пробудут в Польше до Рождества, после чего их заменят военные из 2-го кавалерийского полка, дислоцируемого в Германии. (...) В конце месяца на полигон в Жагане придут 1,1 тыс. британских военнослужащих из 3-й танковой дивизии. С ними придут почти 500 машин, в том числе танки „Челленджер” и боевые машины пехоты „Варриор”. (...) Учения продолжатся до конца ноября». (Марек Козубаль, «Жечпосполита», 8 окт.)

- «Опросы ЦИОМа показывают, что присутствием в Польше войск НАТО были бы довольны свыше половины поляков. Впервые сторонников присутствия в нашей стране чужой армии оказалось больше, чем его противников. (...) По мнению большинства опрошенных в нынешней ситуации альянс обязан аннулировать соглашение о взаимных отношениях, сотрудничестве и безопасности между НАТО и Российской Федерацией». («Впрост», 13–19 окт.)

- «Россия добивается, чтобы в Польше был поставлен памятник советским солдатам, „замученным в польских лагерях смерти” (на такой формулировке и соответствующей надписи на памятнике настаивает российская сторона). (...) Таковую заявку подало российское посольство. (...) „Ни один народ не ставит памятники захватчикам”, — комментирует ситуацию проф. Томаш Наленч, историк, советник президента. (...) Тема польских зверств активно пропагандировалась в 80-е годы. Мнимые убийства советских военнопленных должны были „оправдать” катынское преступление. Советские солдаты, разумеется, оказывались в польских лагерях для военнопленных, но умирали главным образом от ран и болезней. В то время как в апреле 1940 г. сотрудниками НКВД были хладнокровно расстреляны 21 тыс. польских военнопленных». (Якуб Щепанский, «Польска», 10 окт.)

- «Почему мы, поляки, до сих пор не поставили памятника пленным красноармейцам, чтобы восстановить таким образом историческую справедливость? В Кракове, Тухоле, Стшалкове — там, где были лагеря для военнопленных во время войны 1920 года». (Павел Вронский, «Газета wyborча», 10 окт.)

- «Станислав Скальский сбил Фридриха Виммера 1 сентября 1939 года. Оказавшись у разбитого самолета, он перевязал немца и отправил его в польский полевой госпиталь. После войны Скальский восемь лет провел в тюрьме, из них целый

год в „камере смерти”. Виммер, как военнопленный, работал на Кавказе. Два бывших врага встретились... в 1990 году». («Польска збройна», сентябрь; телеканал TVP, 1 сент., 10.05.)

- «Три года тюрьмы без права на условный срок получил сегодня бывший сотрудник госбезопасности Тадеуш Желазовский. К такому наказанию суд приговорил его за издевательства над харцерами, арестованными в период сталинизма». «88-летний Желазовский — это последний оставшийся в живых участник группы сотрудников польской госбезопасности, которые в 1951 году в Варшаве занимались раскрытием подпольных харцерских организаций, возникших после того, как коммунисты распустили официальное харцерское движение». (Войцех Чухновский, «Газета wyborcza», 8 окт.)

- На территории следственного изолятора в Белостоке, «в открытых общих могилах археологи нашли останки военных, женщин и маленьких детей. (...) Это жертвы немецких и советских репрессий, погибшие здесь в период с 1941 по 1956 годы. (...) На сегодняшний день археологи обнаружили свыше 40 захоронений, в некоторых из которых лежало более 270 человек. (...) Следователями найдены очередные участки, на которых также могут находиться останки жертв массовых убийств». («Жечпосполита», 24 сент.)

- «Три семейные пары, которые во время Второй мировой войны укрывали евреев, были в понедельник награждены в Гливице медалями „Праведник среди народов мира” (...) Зофья Хабнер вместе со своим мужем в 1942 году во Львове спасла вынесенную из гетто четырехлетнюю девочку. Ирена и Мариан Кралы взяли под свою опеку двух девочек; Юлия и Казимеж Зенчики в своем хозяйстве на окраине Тернополя укрывали 13 человек, бежавших из гетто». («Газета wyborcza», 7 окт.)

- «„Для беженцев из ГДР Варшава была воротами к свободе, в Германию”, — говорит посол Германии в Польше Рольф Никель. Вместе с группой бывших беженцев он открыл мемориальную доску, посвященную событиям 25-летней давности. Доска разместилась на ограде бывшего посольства ФРГ. Здесь с августа по ноябрь 1989 года была оказана помощь почти шести тысячам жителей ГДР, нелегально покинувшим свою страну, всё еще управляемую коммунистической диктатурой». («Газета wyborcza», 20–21 сент.)

- «Подорванное многочисленными побоями и годами репрессий здоровье — это проблема многих деятелей оппозиции. Стоимость необходимых им лекарств во много раз

превышает их финансовые возможности. (...) Среди этих людей много тех, кто вследствие репрессий не мог найти работу либо работал за гроши, поэтому теперь они получают очень маленькую пенсию, зачастую минимальную — 844 злотых без вычета налогов. (...) Многие бывшие оппозиционеры совершенно одиноки. (...) Многие из них попадают в ночлежки, где им приходится очень нелегко. Они не алкоголики, не бомжи — они просто оказались за бортом жизни и не знают, как себя вести в подобной ситуации. Часто их обкрадывают, забирая последнее. Случаются и избиения...». (Ольга Василевская, «Впрост», 6–12 окт.)

• «В списке ста самых богатых полек, опубликованном еженедельником „Впрост“, 88 место занимает обладательница состояния в 25 млн злотых, совладелица холдинга „Агора“, издатель „Газеты выборчей“ Хелена Лучиво. (...) В 70-е годы она была редактором ряда оппозиционных неподцензурных изданий, в том числе «Тыгодника Мазовше», который она возглавляла в 80-е годы, во время военного положения». («Впрост», 5 окт.)

• «Когда на интернет-портале erознаn.pl появились тревожные сигналы о том, что ослы совокупаются на глазах у детей, за дело взялась депутат от партии „Право и справедливость“ Лидия Дудзяк. Животных разделили сеткой, а исполняющий обязанности директора зоопарка Лешек Антковяк заверил, что такое больше не повторится. (...) Теперь на выручку ослам спешат интернет-пользователи — сотни людей подписали соответствующую петицию на сайте petycjaonline.pl». (Людмила Мананникова, «Газета выборча», 25 сент.)

• «Атакованные депутатом партии „Право и справедливость“ ослы из познанского зоопарка снова вместе. Руководство зоопарка извинилось за то, что пара была разделена. (...) История осликов растрогала интернет-пользователей. Петицию о воссоединении осликов подписали почти 7 тыс. человек. Со вчерашнего дня ослы снова вместе». («Газета выборча», 26 сент.)

ВЫПИСКИ ИЗ КУЛЬТУРНОЙ ПЕРИОДИКИ

Неужто в Польше действует цензура? Правда ли, что католическая Церковь угрожает в Польше демократии? И католики в современной Польше лишены своего права на религиозную свободу? Таких вопросов сегодня, после 25 лет функционирования новой демократии, может возникнуть и больше, а вдобавок это вопросы, которые, вероятно, придется признать по сути неразрешимыми.

Данную проблему поднимает в газете «ПлюсМинус», приложении к «Жечпосполитой» (№ 40/2014), Мариуш Цеслик в статье, озаглавленной «Опасные темы». Исходным пунктом рассуждений публициста стала, в частности, ситуация врача, профессора Богдана Хазана, который, следуя велению собственной совести (называемой также декларацией веры), не позволил находящейся под его опекой пациентке воспользоваться ее правом прервать беременность. В результате врач, занимающий также должность директора одной из больниц, был уволен со своего поста. Автор указывает также другие случаи, доказывающие, по его мнению, что существует конфликт между «лагерем прогресса», представленном властями и некоторыми влияющими на общественное мнение группами, и защищающими принципы людьми Церкви, а в результате этого конфликта исповедующие католицизм притесняются и ущемляются в правах: «В стране, где к этой конфессии принадлежит свыше 90% граждан, факт, что высокопоставленный чиновник является преданным сторонником католического учения, не должен никого удивлять. Тем временем сразу же, при этом не только со стороны политиков, но и журналистов, появляется требование освободить его от занимаемой должности. Согласно такой логике, можно быть христианином при условии, что в своей профессиональной деятельности человек не следует требованиям веры». И в завершение: «Как видно, из года в год свобода слова в Польше все более ограничивается, а список опасных тем постоянно удлиняется. Сегодня к ним относятся вера, геи, еврейский вопрос, сомнительные эпизоды в биографии — и кто знает, что будет дальше. Публично говоря о верности учению Церкви, можно заслужить репутацию фундаменталиста; поднимая тему сексуальных меньшинств —

прослыть гомофобом; исследуя прошлое героев или выдающихся творцов, можно получить волчий билет «больного от ненависти» человека, а антисемитом становишься почти автоматически — достаточно затронуть любой спорный вопрос, связанный с евреями. Писать и говорить правду стало в Польше, как видим, опасным занятием».

Мариуш Цеслик, конечно, шутит, когда говорит, что в Польше ограничена свобода слова: ни на одну из тем, которые он называет, не распространяется запрет, и каждый волен писать и говорить все что угодно, но делать это на свой страх и риск (ибо увеличение свободы уменьшает чувство безопасности; так не бывает, чтобы одновременно была и свобода, и ощущение безопасности!), поэтому приходится принимать на себя ответственность за сказанные или написанные тобою слова. В Польше пока нет цензуры, хотя, разумеется, некоторые ограничения существуют, например, законодательно запрещено призывать к расовой ненависти. Кроме того, действует старый принцип римского права: то, что не запрещено, тем самым разрешено. Это не значит, что не существует рискованных тем, требующих особого чувства ответственности за слово.

Но, конечно же, все еще остается открытым вопрос о взаимоотношениях юриспруденции с законами божественными, именуемыми у нас «естественным правом». В обширном интервью, которое дал ежемесячнику ордена доминиканцев «В дрозде» (№ 10/2014) теолог Ярослав А. Сосновский, озаглавленном «Дело не в Боге и не в Церкви», читаем, в связи со случаем доктора Б. Хазана: «Вернемся, однако, на минуту к сопротивлению совести. Некоторые обвиняют людей, обратившихся к такой возможности, в слабости. Говорят: не сумели получить демократического большинства, поэтому сейчас выдумывают себе какую-то клаузулу совести. (...) А я бы хотел особенно подчеркнуть, что воспользоваться сопротивлением совести — это проявление не слабости человека, а проявление его высшей храбрости. Ибо правом можно обеспечить свободу совести и реализацию клаузулы сомнения, но закон не гарантирует, что каждое использование клаузулы совести будет под защитой. И лучше бы нам таких регуляций никогда не пробовать вводить. (...) Ибо мы не знаем: тот, кто решился на сопротивление по совести, поступил так из объективного порядка вещей или исходил из своих чувств и представлений. Поэтому охват охраной каждого акта обращения к клаузуле совести грозил бы анархией. (...) Если для нас исходный сигнал — это казус профессора Хазана,

давайте вернемся к этому примеру. Допустим, что врач диагностировал патологию беременности. Он, однако, опасается, что, если скажет об этом пациентке, та захочет беременность прервать. Поэтому, пользуясь правом на клаузулу совести, не говорит об этом. Но так врачу поступать нельзя! Пациентка — в силу права пациента на информацию и законной ответственности матери за ребенка, которого вынашивает, — должна знать, в каком положении она находится. Нам же твердят, что врач-католик должен свою совесть распространить также на пациентов, а это означало бы, что он не только их лечит, но и направляет морально. Но ведь таких прав никто врачу не давал. Он имеет право поступать в соответствии со своей совестью, но веление собственной совести не может навязывать другим. Так что если бы он скрыл информацию о состоянии беременности, это было бы очевидное злоупотребление и такое поведение следует осудить. Вдобавок, из того, что он информирует пациентку о состоянии беременности, вовсе не следует, что тем самым он подталкивает ее к аборту и предлагает свои услуги. (...) Если мы предоставляем человеку конституционное право на свободу совести, то такое право дается именно для того, чтобы он мог им пользоваться. А здесь у нас была бы ситуация, в которой врач одно действие — отказ в аборте — осуществляет по велению совести, а уже следующее — указание на другого врача [который может сделать аборт] — должен осуществить вопреки своей совести. Рассуждая таким образом, легко дойти до абсурда».

В древние времена такой абсурд называли трагедией — ведь то, с чем мы имеем дело сейчас, это классический пример описанного в «Антигоне» Софокла выбора. Разве что здесь профессор Хазан, обреченный выбирать между законами божескими и людскими, меньше страдает от последствий своего решения, чем зависимая от него женщина, которой это решение касается и которая не может воспользоваться своими правами пациента. Следует добавить (или напомнить — ведь дело было громкое), что ребенок, который родился в результате этого решения, был практически лишен мозга, и жизнь его была весьма коротка. Тем не менее, защищая принципы свободы совести, профессор Хазан был последователен в своих действиях, проявляя поистине драматическую, железную волю. Ему пришлось нарушить принципы статутного права, чтобы остаться в согласии с учением Церкви. Не случайно интервью с Ярославом А. Сосновским анонсируется на обложке журнала словами: «Клаузула совести. Когда мы имеем право воспротивиться закону».

Это, конечно, важная тема, но она не кажется мне особенно опасной. Присутствие верующих в общественной жизни — это данность. Открытым вопросом остаются отношения принципов веры и принципов установленного светским государством права в действиях верующих людей, особенно в области государственной службы. Как видно на примере профессора Хазана, здесь может доходить до неразрешимых по своей природе конфликтов. Если выход — это ясно обозначенное подчинение статутного права принципам веры, то тогда необходимо отказаться от светского государства и согласиться на государство религиозное, как это происходит в мусульманских странах, живущих по законам шариата. Третьего, в принципе, не дано, хотя практика общественной жизни допускает, как в Польше, смешанный вариант, то есть неформальное, но уважаемое, с учетом сильной позиции Церкви, «право воспротивиться закону». А здесь открывается по-настоящему важная и заслуживающая дискуссии тема, обращение к которой будет, несомненно, для инициатора такого обсуждения рискованным.

Все же ни эта, ни другие темы не подвергаются в Польше цензуре. Тем не менее, как кажется, иного мнения придерживается фельетонист и прозаик Мартин Вольский, который в заметке «Вечно живая цензура», помещенной в еженедельнике «До жечи» (№ 42/2014), сначала описывает цензуру ПНР: «Замысел был простой: ПНР должна себя являть как истинный рай без конфликтов и проблем, сомнительных решений властей и даже без стихийных бедствий. Поэтому фамилии вредителей (чаще всего литераторов), которые эту картину стремились исказить, направляя протесты, например, против конституции, или публикуя за границей пасквилы на партию и правительство, просто устранялись. В такой список можно было попасть, но также — при не до конца понятных обстоятельства — из него выбыть». А вот нынешняя цензура, хотя формально ее и нет, более коварна и в принципе неуловима. М. Вольский заявляет: «Нет никаких черных списков, но можно назвать сотни людей, словно обреченных на небытие. О них нельзя писать и говорить даже критически, что в ПНР было разрешено даже в адрес врагов. Может, существует какой-то распределитель, ячейки при премьере, президенте, министре внутренних дел? Сомневаюсь. Процесс исключения тоже подвергся приватизации. В свое время нас мог изничтожить отдел печати при ЦК, сегодня — какая-то дамочка с Польского телевидения. Причем вездесущим становится принцип: „Лучше без!“ И все. Я никогда не думал, что мне доведется взгрустнуть по спискам запрещенных фамилий. Зная правила, можно было найти метод их обходить

и одолевать. Зная, что запрещено, можно было найти обходные пути».

Таких жалоб все больше, особенно в СМИ, считающихся правыми или даже «непокорными». Механизм, однако же, прост: авторы подобных грустных раздумий не могут согласиться с фактом многоголосья общественной жизни — а так уж повелось в нормальном мире, что разные общественные группы имеют свои медиа. Когда партия «Право и справедливость» пришла к власти, чистка на государственном радио и телевидении имела радикальный характер, и целый ряд людей, в том числе я, подверглись неформальному «запрету», лишившись возможности выступать в средствах массовой информации, которые взяли в свои руки приверженцы правящей команды. Дело в том, что так в Польше происходит после каждой смены властей, и противостоять этому пока никто не сумел. Имеются медиа определенных групп, предназначенные для «своих». Так что когда М. Вольский пишет о том, что «можно назвать сотни людей, обреченных на небытие», то было бы очень мило с его стороны, если бы на страницах того же еженедельника «До жечи» он этот список предал гласности и выяснил, что и в данном органе об этих людях писать нельзя и всем будет «лучше без» их текстов. Если этот тайный список действует также и здесь, то, конечно, есть за что бороться. А если нет — так и говорить не о чем.

ЕВРЕИ XXI ВЕКА

Польское государственное телевидение в октябре анонсировало показ рекламного ролика, пропагандирующего толерантность по отношению к гомосексуальным союзам. Героини коротенького фильма, транслируемого между рекламой стиральных порошков, средств от гриппа и семейных автомобилей с вместительным багажником — женская пара, жизненные партнерши, которые убеждают телезрителей, что они нормальная семья, хоть и немного другая. Так что, им наверняка пригодится семейный автомобиль из очередной рекламы.

Польше же пригодится эта социальная кампания, убеждающая граждан освободиться от стереотипов и предрассудков. Сегодня большинство поляков все еще не согласны с предоставлением равных прав гомосексуалистам. Правда, никто официально не требует наказывать за пропаганду гомосексуализма, правда, в Польше действуют гей-клубы, издаются журналы и регулярно проходят уличные «Парады равноправия», однако, доньше не удалось легализовать не только гомосексуальные браки, но даже партнерские связи.

Польский лагерь гомофобии силен и влиятелен. Об этом свидетельствует хотя бы реакция на планы польского телевидения. Заявленный к показу рекламный ролик еще не вышел на экраны, а католическо-националистические правые круги уже впали в истерику, добиваясь отмены трансляции. Кристина Павлович, католический депутат от партии «Право и справедливость», выступления которой часто отличает повышенный уровень эмоций и пониженный уровень рационального мышления, объявила, что фильм нарушает конституцию, определяющую брак как союз мужчины и женщины и налагающую на государство обязанность поддерживать понимаемую таким образом семью.

Трудно будет депутату К. Павлович убедить своими аргументами знатоков права. Ни одним законом не запрещено пропагандировать в Польше партнерские союзы, а из того факта, что брак — это союз мужчины и женщины, не вытекает запрет на существование альтернативных союзов. Государственное телевидение уже ответило, что его миссия — распространение толерантности, и поэтому, несмотря на

протесты правых, реклама будет бесплатно транслироваться 10 раз в рамках социальной кампании.

Интересно, какой была бы реакция телевизионного руководства в России. Правда, российский закон запрещает пропаганду среди несовершеннолетних «нестандартных сексуальных отношений», однако, фильм, во-первых, адресован не несовершеннолетним, а всем гражданам, а во вторых, в нем пропагандируется не сексуальное поведение, а жизненное партнерство, охватывающее намного больше сфер жизни, нежели один только секс. Наконец, в третьих, цель кампании – именно убедить зрителей, что в союзе двух лиц одного пола нет ничего нестандартного. То есть, по оценке авторов, фильм пропагандирует именно стандартные отношения. На самом деле, интересно было бы, в виде эксперимента, принести такой материал на московский телевизионный канал.

В то же время, скорее, не вызывает сомнений то, какой была бы реакция телевидения в Гамбии, где за гомосексуальный акт грозит 14 лет тюрьмы. Тамошний президент Яхья Джамме еще шесть лет тому назад призвал всех гомосексуалистов покинуть страну. Он пригрозил, что если они этого не сделают, им отрубят головы. Выступая в феврале по телевидению, он сказал: «Мы будем искоренять эту заразу, именуемую гомосексуалистами или геями, так же или еще более агрессивно, как мы боремся с комарами, разносящими малярию».

Скорее всего, также не вызывает сомнений возможная реакция телевидения в консервативной Великобритании, где с марта этого года гомосексуалисты могут заключать полноправные браки. «Это важный шаг вперед», — заявил лидер здешних правых, премьер Дэвид Камерон после принятия нового закона. И добавил: «Когда закон встает на пути любви, этот закон нужно изменить».

В первые два десятилетия XXI века вопрос отношения к правам гомосексуалистов неожиданно стал важнейшей линией раздела в идеологической войне, ведущейся по всему миру. Сегодня уже не традиционные, слегка запылившиеся и покрытые паутиной гражданские свободы, такие как свобода слова или религии, возбуждают эмоции и приводят к жарким спорам. Сегодня мир спорит из-за прав геев и лесбиянок.

Линия фронта пролегла поперек традиционных политических лагерей и разделяет важные институты и социальные сообщества. В том числе и католическую Церковь. Спор о правах

гомосексуалистов в Церкви был одним из главных предметов дискуссии на октябрьском синоде в Ватикане. Вначале казалось, что мы станем свидетелями революции в этом насчитывающем 2 тысячи лет институте. Из документа, представленного в ходе заседаний, мы узнали, что Церковь должна найти «братское пространство» для гомосексуалистов. Что «гомосексуальные личности обладают талантами и достоинствами, которые они могут предложить христианскому сообществу».

Однако консервативный лагерь предпринял эффективную контратаку, и из заключительного документа, принятого в конце заседаний, эти подрывные тезисы исчезли. И все же битва, проигранная церковными реформаторами, определенно не означает еще окончания идеологической войны.

В официальной пропаганде и неофициальных высказываниях многих представителей правых гомофобов звучат отголоски, хорошо знакомые нам из прошлого. Когда сегодня мы слышим тезисы о «педерастической и дегенерировавшей Европе», о гомосексуальной мафии, которая хочет навязать здоровому обществу свои нездоровые стандарты, о большом влиянии гейских кругов в театре, мире искусства и в среде интеллектуалов, о гомосексуальном лобби, которое тайным и коварным образом приобретает влияние и правит западным миром — вспоминаются лозунги, провозглашавшиеся семьдесят и восемьдесят лет тому назад идеологами национал-социализма. С той небольшой разницей, что тогда роль чудовища, которым будоражили и гипнотизировали народ, играли евреи.

Сегодня наследники этой идеологии очень следят за тем, чтобы не подвергнуться обвинениям в антисемитизме, к которому мир особенно чувствителен после трагического опыта холокоста. Так что антисемитизм перестал быть лакмусовой бумажкой и хорошим средством для разоблачения последователей коричневых идей.

Сегодня лучше спрашивать о мнении на тему гомосексуалистов.

НАШЕ ПОЛЬСКОЕ «НАЦИОНАЛЬНОЕ ЧТЕНИЕ»

Современность и анахронизм. О содержании этих понятий решил напомнить по случаю ежегодной президентской акции «Национальное чтение»^[1] журналист «Газеты выборчей» Роман Павловский. Импульсом к такому уроку стала для него проходившая в нынешнем году всенародная читка исторической трилогии Генрика Сенкевича («Огнем и мечом», «Потоп» и «Пан Володыёвский»), которое открыл в Саксонском саду Варшавы президент Бронислав Коморовский. В своем обращении к собравшимся президент, стремясь охарактеризовать влияние этого творения нобелевского лауреата на поляков, использовал, как это обычно бывает во время выступлений такого рода, несколько довольно патетических формулировок. Прозвучали такие слова, как честь, самопожертвование и т.п. Тональность этой речи, а также впечатления от самого произведения склонили Павловского к тому, чтобы высказать нескольких горьких истин по поводу польского менталитета, который, по его мнению, оказался явно вывихнутым из-за чтения исторических романов автора «Камо грядеши». И таким вот образом мы узнаём, что указанная трилогия, писавшаяся «для ободрения сердец»^[2] в эпоху истерзанной разделами Польши, — это «адская смесь», которая отравляет общественную жизнь и коллективное воображение. И что именно трилогия Сенкевича повинна в вездесущем китче «псевдоусадебной архитектуры», в «безумной езде польских водителей», в воинствующем католицизме родом из редутов Ясной Гуры^[3]. Более того, она источник ксенофобии и национализма, выражающегося в таких презрительных определениях казацких повстанцев Богдана Хмельницкого, как чернь, толпа, быдло. Свое высказывание Роман Павловский припечатывает утверждением, что «прав был Станислав Бжозовский, когда писал, что Сенкевич — это классик польской темноты и шляхетской дремучести. Вытаскивать его сегодня на читательские знамена, — это анахронизм». А воплощением современности становится для Павловского как раз сам выдающийся критик Станислав Бжозовский (1878–1911). Сформулированная последним чуть больше ста лет назад критика Сенкевича с прежней силой бьет по захолустной польской провинциальности. Таким образом, вполне уместно

будет несколько глубже вникнуть в смысл сказанного Р. Павловским и попытаться вычитать оттуда нечто сверх того, в чем он со слепым гневом обвиняет наследие Сенкевича. Задуматься над ролью литературы, интеллигенции, а также уходящего времени, которое меняет наше восприятие некоторых вещей — в том числе классики.

В 2001 г. философ, социолог и публицист Дариуш Гавин в статье «Сенкевич как модернист», опубликованной в краковском ежемесячнике «Знак», писал: «У типичного интеллигента, как правило, есть вполне сложившийся взгляд на Сенкевича. Состоит он, в общем-то, из нескольких обиходных фраз, в которых всё еще звучат отголоски направленной против Сенкевича кампании начала XX века. Это Бжозовский подал сигнал к атакам варшавского еженедельника „Глос“ на автора трилогии, а также подсказал очередным поколениям радикальной интеллигенции, каким образом следует думать о главном идеологе „Польши, впавшей в детство“^[4]». Романа Павловского можно отнести к кругу адресатов этого высказывания — та же самая бешеная ярость, тот же тип протеста. Павловский пишет о характерном для Сенкевича «некритическом обожании прошлого», а перед глазами у нас встает фраза из «Легенды Молодой Польши» о Милюсинских, неспособных «поверить, что существует какой-то другой мир», за пределами польского семейного очага, у которого «жизнь всегда была одинаковой, одинаково простой и беспроblemной», концентрируясь, самое большее, вокруг огорчения, что «кто-то их незаслуженно угнетает». Эта природная мартирологическая склонность поляков, освобождающая их от ответственности за сегодняшний и завтрашний день, вырастала у Бжозовского до кардинального греха. Именно это и приводит к тому, что поляк ставит мартирологию выше работы. Однако разве сегодня при чтении трилогии на передний план выдвигается проблема мартирологии? Быть может, существуют какие-то другие предпосылки, определяющие ценность этого произведения?

Сенкевич, помещая действие своих романов в бурный для Речи Посполитой Обоих народов XVII век (1647–1673 гг.), давал читателю понять, что поляки, несмотря на подавляющее превосходство сил у агрессоров, посягавших на независимость Речи Посполитой, умели ее защитить и отразить врага. На эту концепцию опиралась идея написать роман «для ободрения сердец». В подобной ситуации осада Збаража, защита Ясной Гуры или Каменца-Подольского действительно становилась символом того, что «еще Польша не погибла, пока мы живые». Всё сказанное, плюс привлекательная для читателя форма приключенческого романа с любовным мотивом, привело к

тому, что трилогия быстро вошла в канон польской мифологии. Ценности, на которые в трилогии положен особый акцент, — привязанность к традиции, самопожертвование ради независимости, вооруженное выступление в ее защиту — вырастали до уровня добродетелей поляка-патриота. Сенкевич создал красочную фреску. Не вникая в глубины психологических установок своих персонажей, он вызвал к жизни богатырей героической борьбы за польское дело. Упростил запутанную историю Польши с целью создать повествование, способное сплотить поляков, подарил им миф, и именно в этом акте творения уже упоминавшийся ранее Дариуш Гавин видит притягательную силу прозы Сенкевича, обаянию которой поддались сонмы читателей. По его мнению, автор трилогии тем самым предоставил инструмент для создания современной нации. «Современная нация, — как он доказывает, — должна обладать идентичностью, построенной на мифической картине прошлого, поскольку простой народ всегда с неприязнью относится к революционным переменам; даже если он черпает из них пользу, то все же предпочитает верить, что его жизнь по-прежнему укоренена в извечном *illud temporis*». К ужасу интеллигентов-прогрессистов, соратников и единомышленников Станислава Бжозовского, именно вариант польскости под знаком меча и breviария, окрашенный кодексом рыцарской чести, стал для широких масс польского общества более убедительной и доступной точкой отсчета. Социализм автора «Легенды Молодой Польши» вместе с его туманными и эклектичными умозаключениями на тему исторической роли пролетариата оказался чрезмерно интеллектуализированными мечтаниями — пустыми и несбыточными. Размышляя над причиной этого, следует критически взглянуть на то, каким способом Бжозовский занимался философией. Вместо философской системы он предлагал серию интеллектуальных впечатлений, провозглашаемых под воздействием самых разнообразных мыслителей, зачастую не имеющих друг с другом ничего общего: Ницше, Маркса, Жоржа Сореля или кардинала Ньюмена. При чтении сочинений Бжозовского складывается впечатление, что он старался проникнуть в тайны как можно большего числа европейских философов, охватить как можно больше материала, не обращая при этом внимания на характер того общества, в котором он жил. Подобный подход заставлял его презирать то, с чем он сталкивался, то общество, каким это являлось на самом деле. Попытки создать модель поляка, осознающего свое место в мире и свою миссию, не удались. Теперь трудно даже понять, какую форму должна была принять эта модель, складывающаяся из общих фраз и избитых истин, окрашенных некой прометеевской идеологией, носителем

которой замышлялся польский пролетарий. В «Легенде Молодой Польши» автор «Идей» заявляет, что «до настоящего момента идеогенетическим типом был поляк, стелющийся гнездышко назло всему миру». Его противоположностью должен стать «новый тип поляка, изо всех сил старающегося завладеть миром» и «в границах своей жизни править им», — иначе говоря, это «польский производитель, польский сознательный рабочий, который принимает в свое владение всю страну, который преобразует Польшу в существующий сам по себе спонтанный организм свободно правящего собой труда». Как показала история, чтобы построить независимую Польшу, апеллировать лишь к классовому интересу явно недостаточно. Убедительным примером чего является Юзеф Пилсудский, пришедший в политику из Польской социалистической партии, который, как он сам говорил, сошел с социалистического трамвая на остановке «Независимость». Гораздо лучшим средством, позволяющим создать единую мифологию, оказались ценности родом из трилогии Сенкевича — это именно они, невзирая на экономические антагонизмы, стали для общества связующим, скрепляющим веществом; именно такого рода нарратив воздействовал на польскую общественность, а вовсе не рассуждения об исторической миссии пролетария, проповедовавшиеся Бжозовским. Таким образом, Бжозовский в своих размышлениях не поднялся выше неких интеллектуальных впечатлений, которые конечно же представляют интерес в качестве критики патологических проявлений польскости, но не несут в себе позитивной программы, обеспечивающей новую модель жизни, а уж тем более не в состоянии лечь в основу общенационального мифа. Тем самым с точки зрения мифа они лишены всякой ценности.

Обращаясь к антисенкевической кампании, которую вел Бжозовский, следует также помнить, что она была сформулирована сто с лишним лет назад, и за это время значительно изменилось то, как мы читаем и воспринимаем произведения нобелевского лауреата. К осторожной оценке идейных ценностей творчества Сенкевича призывал в 1956 г. автор исторических текстов и публицист Павел Ясеница. В своей статье под названием «Побратимская кровь», писавшейся в контексте чтения книги «Огнем и мечом», он отмечал, что, хотя «ее автор воспекает таких политиков и деятелей, которые не обладали политической правотой», однако «те явления, которые Сенкевич ощущал и изображал неверно, в наше время всё больше похожи на разноцветную фреску, изображающую спор за доспехи Ахилла». Сегодня это утверждение автора «Польши Пястов» и «Польши Ягеллонов» представляется еще более актуальным. Об этом могут

свидетельствовать голоса тех, кто полемизирует с Р. Павловским, — режиссера Анджея Сарамоновича и писателя Кшиштофа Варги. Общий знаменатель их высказываний — это констатация, что трилогию мы прежде всего воспринимаем сквозь призму превосходно сконструированного сюжета. Анджей Сарамонович в поисках ответа на вопрос, чем объясняется успех Сенкевича у читателей, отмечает: «Поляки читают его уже сотню лет не потому, что он будит в них захолустно-провинциальную национальную гордость, а потому что Сенкевич рассказывает потрясающие истории. Столь же умело и увлекательно, как Александр Дюма, Лев Толстой или Умберто Эко. За его персонажами хочется идти, не отставая, читатели жаждут быть такими героями и скучают без них, стремясь снова и снова возвращаться к ним. Сенкевич обладал большим даром, отнюдь не столь уж частым даже у более глубоких по сравнению с ним писателей: он умел превращать читателей в детей. Однако не ради того, чтобы — как внушает Павловский — пичкать их ядом инфантильной иллюзии, но чтобы дать им минуту-другую покоя и расслабленности. Ведь (кроме всего прочего) именно для этого — а, может быть, даже в первую очередь для этого — и существует литература. «Для ободрения сердец» — не столько польских, сколько истерзанных неудобствами взрослой жизни. И за это — вечная ему слава». Похожего мнения придерживается Кшиштоф Варга. При этом он обращает внимание на стереотипный характер высказываний Романа Павловского. «Если чтение Сенкевича усиливает шляхетские, мегаломанские, националистические стереотипы, — утверждает писатель, — то подход к делу, который демонстрирует Павловский, укрепляет стереотип Сенкевича исключительно как автора одной лишь кровавой трилогии, особенно антиукраинского романа „Огнем и мечом“. В этом смысле „Потоп“ следует признать антишведским, а „Пана Володыёвского“ — антитурецким. Что же касается всей трилогии, то ее, следуя логике Павловского, надо признать антипольской, учитывая, сколько там встречается отбросов общества, предателей, мерзавцев и бандитов, и все они — поляки. Дорогой Роман, ты борешься со стереотипами, с помощью стереотипов, демонстрируя при этом цензорские замашки, считая, что написанное полтора столетия назад должно содержать твои сегодняшние политические взгляды».

В ответ на подобные критические замечания своих коллег Роман Павловский вносит кое-какие коррективы в свое высказывание. «Проблема с трилогией заключается не в том, что это плохая литература, а что ее используют в плохом деле. Для многих читателей она по-прежнему остается источником

знаний об истории Речи Посполитой XVII века, кладезем национальных премудростей, а также образцом патриотических взглядов и поступков. Я не против трилогии — я протестую против того, чтобы делать из нее национальную Библию, а общепольское ее чтение, к сожалению, этому способствовало». Однако не скрывается ли в данном высказывании мегаломания интеллектуала, старающегося навязать свою точку зрения? Не скрывается ли тут покровительственный тон арбитра, который не верит, что сегодняшние читатели в состоянии критически читать и анализировать произведения Сенкевича? Коль скоро Сенкевич даже сегодня вызывает жаркие споры полемистов, это означает, что читать его необходимо. Проблема — в другом: беспокоит характер ведущейся полемики, ее качество, которое в версии Р. Павловского оставляет желать лучшего. Как заметил К. Варга, дискуссия сосредоточилась вокруг стереотипов и лозунгов, где современность и анахронизм оказались лишь пустыми, лишенными всякого содержания словами. В высказываниях Павловского чувствуется точно такое же, как и у Бжозовского, отсутствие эмпатии по отношению к согражданам. И дело вовсе не в том, чтобы идеализировать соотечественников и насильно приписывать им положительные качества там, где таковые отсутствуют. У них обоих видно манихейское деление людей на прогрессивных и отсталых. Слишком легко провести границу между просвещенными гражданами (иными словами, той горсткой, которая читает Бжозовского) и мракобесами, зачитывающимися Сенкевичем. Быть может, как раз здесь, а вовсе не в восприятии Сенкевича, таится симптом того высмеиваемого шляхетского высокомерия, которое позволяет «возвышенной интеллигенции» формулировать столь дешевые и легковесные суждения об остальной части общества (читай: черни). Только вот оказывается, что эта интеллигенция абсолютно не ориентируется, какое оно, это общество. На самом деле она и не хочет по-настоящему его понять, так как располагает заранее подготовленным и сложившимся мнением о нем. Она ведет себя, словно барин в фольварке, трактующий своих подданных снисходительно и свысока, со злыми издевками попрекая их в невежестве и примитивизме духа. Слишком уж легко прогрессивный польский интеллигент, если можно воспользоваться такими старомодными словами, впадает в самолюбование и употребляет формулировку «мракобесы». Ему мнится, что сам он находится на лучшей, более просвещенной стороне, забывая о чувстве эмпатии, которое столь важно в гуманитарной проблематике.

Сенкевич, равно как и Бжозовский, безусловно, заслуживает более основательного обсуждения. Разумеется, трудно вместить все «за» и «против» в короткий очерк. Однако эти два феномена польской культуры непременно должны дожидаться углубленного анализа, который выходил бы за рамки шаблонного, стереотипного мышления. И тогда окажется, что якобы националист Сенкевич вовсе не так уж слепо привязан к понятиям нации и народа, что он способен на более глубокую рефлексия по поводу опасности плохо понимаемого, переходящего в шовинизм патриотизма. Доказательством этого пусть послужит его датированный 1905 годом ответ на анкету французского еженедельника «Le Courrier Européen»: «Я принадлежу к числу тех, которые провозглашают, что идея Родины должна занимать первое место в душе и сердце человека. (...) Надлежит любить родину больше всего на свете, и думать надлежит прежде всего об ее счастье. Но одновременно первейшая обязанность подлинного патриота — бдительно следить за тем, чтобы идея его Родины не только не вошла в противоречие со счастьем человечества, но стала бы одной из его основ. Только в таких условиях существование и развитие Родины станут делом, в котором заинтересовано всё человечество. Другими словами, лозунгом всех патриотов должны быть слова: „Через Родину — к человечеству“, а вовсе не: „За Родину — против человечества“».

В случае Бжозовского хорошо бы было применить более личный, персональный подход. Тогда стал бы заметен весь трагизм этой короткой, тридцатитрехлетней жизни. Жизни, заполненной борьбой с материей жестокого мира и с самим собою. Где вопрос: «Как жить?» — склоняет автора романа «Пламя» к непрерывным поискам формулы, которая подошла бы как отдельной личности, так и человеку, являющегося частью большей общности, в том числе общности национальной. В таком контексте чтение написанного Бжозовским незадолго до кончины и опубликованного посмертно «Дневника» было бы важнее, нежели чтение его программных произведений, «Идей...» и «Легенды Молодой Польши», потому что последние уже сильно устарели. Чего нельзя сказать об отчаянных фрагментах «Дневника», заполненных драматическими постулатами типа: «Стараться, чтобы ни один день не проходил без того, чтобы мысли воспарили к принципиальным целям и задачам». Или воззваниями: «Чем бы ни был твой умственный мир, ты обязан сделать из него инструмент борьбы и работы! он должен быть твоим основанием». Предсмертные заметки Бжозовского гораздо ближе миру общечеловеческих ценностей и тревог, нежели истины, заключенные в его философских трудах.

Следовательно, мы должны постоянно читать и перечитывать, не забывая при этом про чувство эмпатии, стараясь преодолеть предубеждения, избавляясь от поверхностной легковесности стереотипов и от клише всевозможных прописных истин. Таким должно быть наше чтение.

1. В 2012 г. президент Бронислав Коморовский положил начало акции «Национальное чтение», в рамках которой по всей Польше проходят встречи и собрания, во время которых читаются самые выдающиеся произведения польской литературы. Согласно программным принципам, «основной целью данного мероприятия является популяризация чтения книг, привлечение внимания к богатству польской литературы и к необходимости заботиться о польском языке, а также укреплять чувство единой идентичности». Во время первой акции читали «Пана Тадеуша» Адама Мицкевича. Следующая была посвящена произведениям Александра Фредро. А в этом году организаторы решили вспомнить трилогию Генрика Сенкевича. Обосновывая данный выбор, президент подчеркивал, что «трилогия — это картина разнородной и мультикультурной Польши, это выражение наших национальных устремлений и мечтаний, хроника наших ратных, а также духовных побед, (...) мифический рассказ о поисках правды, о необходимости духовной метаморфозы, о самоотверженности и чести». Прим. автора.
2. Формулировка «для ободрения сердец» — это основная идея и главная цель создания всей трилогии, что сам автор не преминул подчеркнуть в конце последней ее части, романа «Пан Володыёвский». Здесь и далее прим. пер.
3. Ясна Гура (буквально: «Светлая гора») — собор и оборонительный монастырь ордена паулинов в Ченстохове, главный центр культа Девы Марии в Польше. С конца XIV или начала XV века в монастыре хранится окруженная почитанием византийская икона Ченстоховской Божьей Матери, поклонение которой стало целью миллионов паломников, в т.ч. зарубежных.
4. Так называлось эссе из сборника С. Бжозовского «Легенда Молодой Польши» (1909), посвященное в значительной степени Г. Сенкевичу, который, по мнению С. Бжозовского, как раз и возвеличивал «Польшу, впавшую в детство».

РЕФОРМЫ — НЕ ФУНТ ИЗЮМУ, НО ОНИ ВОЗМОЖНЫ

«Надо сделать так, чтобы политики не вмешивались в экономику и не нарушали конституции, принимая плохие законы. И чтобы этих законов было поменьше», — говорит Лешек Бальцерович.

— «Надо бороться», — так озаглавлена ваша последняя книга. Всегда ли имеет смысл бороться?

— Во-первых, надо верить в то, за что борешься. Во-вторых, да, имеет смысл, если есть хоть какой-то шанс выиграть. В-третьих, не стоит бороться за вещи малозначительные. Зачем? А если серьезно, это название в какой-то мере отражает мою жизненную позицию. Если не принимать в расчет детство, когда я любил драться, потому что любил побеждать, то в тот период, когда я занимался общественной деятельностью, я знал, что, чтобы добиться чего-то в области экономического развития Польши, надо преодолевать всякого рода препятствия. Иногда приходится идти на конфликт, который, к счастью, можно решить мирным путем. Ведь не всегда и не всех получится убедить. Этим я отличался от премьера Ежи Бузека, которого очень люблю, но он, похоже, считал, что каждого можно уговорить. Я полагаю, что не каждого, и полезно знать, кого на свою сторону перетащить не удастся, чтобы использовать другую стратегию. Но слово «борьба» означает не физическое столкновение, а конфликт, который в условиях демократии разворачивается в публичной дискуссии.

— Вы не всегда боролись до конца. Я имею в виду, например, борьбу с самим собой. Вот скажем: когда я перестану побеждать, то уйду из спорта. Вас интересовали только победы?

— Профессиональным спортом занимаются только ради победы. Я не знаю ни одного профессионального спортсмена, который бы тренировался не для того, чтобы побеждать. Если доходишь до какого-то предела, когда побеждаешь всё реже, то надо сказать себе: «Зачем я это делаю?». Так было и в моем случае, когда мне было лет 20 или 21. По каким-то причинам я стал реже выигрывать, поэтому надо было делать что-то другое.

— Когда началась ваша эпопея со спортом, он был для вас средством борьбы с лишним весом. Потом это изменилось?

— Так было в самом начале, в средней школе, с пятого по седьмой класс. Это были те давние годы, когда у Польши была прекрасная легкоатлетическая команда. О ней так и говорили «чудесная команда» или «Вундертим». Из-за этого я и заинтересовался легкой атлетикой. Я тогда так похудел, что в седьмом классе выигрывал соревнования по бегу на 60 метров. Кроме того, я унаследовал от отца силу и в средней школе выиграл чемпионат по метанию диска.

— «Икона польской трансформации», «человек, который построил в Польше капитализм» — как вы воспринимаете такие определения?

— Может, вы и какие-нибудь ругательства припомните? (Смеется.)

— Я помню только: «Бальцерович должен уйти».

— В любой стране, в которой кто-то проводит реформы, всегда находится такой, кто вопит, что тот-то и тот-то должен уйти. Это не было для меня сюрпризом. Если вернуться к вашему вопросу, то эти определения нравятся мне больше, чем ругательства, но я стараюсь не принимать их слишком близко к сердцу. (Смеется.) Честно говоря, я предпочитаю, когда говорят «строитель», а не «отец», так как не чувствую себя патриархом. Зато я могу сказать, уже не в шутку, а на основе наблюдений, что если кто-то берется за трудную задачу и у него что-то не получается, то он начинает терять популярность. Это пример тех людей, которые берутся за сложные реформы, но не проводят их до конца, так как боятся потерять популярность, и в результате теряют ее окончательно. А если кто-то знает, что надо рисковать, чтобы хорошо выполнить задачу, то вначале он популярен, потом популярность падает, а когда задача решена, то и популярность возвращается. Я говорю об этом без всякого кокетства.

— И вы, действительно, спокойно спали, зная, что поляки теряют все свои сбережения? Некоторые до сих пор говорят: «Бальцерович меня обокрал».

— Сбережения люди потеряли тогда, когда в бешеном темпе росла инфляция, а процентные ставки были очень низкие. Это был результат деятельности предыдущего правительства, того, что было до правительства Тадеуша Мазовецкого. Посмотрите, что произошло после 1989 г. благодаря новой экономической

политике: снижение роста инфляции, введение стабильной валюты, которую можно легально обменять на любую другую. Люди получили возможность без особого риска хранить сбережения в банках и получать проценты.

— **Вы говорите: «Когда я ввел возможность свободного валютнообмена, я воспринимал это как акт освобождения людей». Вы чувствуете себя отцом обменных пунктов?**

— Во времена ПНР злотые можно было обменять у валютчиков, но это было запрещено. Валютчики делали это в подворотнях, и это и были наши ПНР-овские обменные пункты. Если кто хотел поехать за границу и легально получить деньги, то должен был обратиться к властям, чтобы те выделили ему 100 долларов. А если власти ты не нравишься, то тебе ничего не выделят. Отсутствие валютнообмена, таким образом, делало людей зависимыми от политиков. Введение свободного валютнообмена — это один из очень важных фактов освобождения людей от влияния политиков. Вообще чем меньше непосредственного политического влияния в обществе, тем лучше для общества.

— **Это все знают.**

— К сожалению, не все. Ведь многие требуют большего вмешательства государства. А это означает усиление влияния политиков. Поэтому надо об этом говорить и стараться разоблачать разнообразные мифы, что политик — это добрый волшебник.

— **Мало кто знает, что ваш родной дом в Торунь располагался по соседству с владениями отца Рыдзика.**

— Это случайное совпадение. (Смеется.) Это были годы, когда у моих родителей был дом недалеко от места, в котором возникла крепость отца Рыдзика. Соседом родителей был садовник, который и подарил отцу Рыдзику свою землю. Но когда это произошло, я уже учился в Варшаве.

— **Пути отца Рыдзика и ваш никогда не пересекались?**

— Никогда. (Смеется.) Хотя все может быть, я этого не проверял. Ведь для людей, которые время от времени выступали у отца Рыдзика, я был одним из отрицательных персонажей. Но раз уж мы об этом заговорили, то я кое-что добавлю. Этого нет в книге. Когда выезжаешь в Торунь через так называемое Якубское Предместье, то там стоит своего рода памятник станции «Радио Мария». Когда-то там были

мясоперерабатывающие предприятия, которые должны были быть приватизированы. Приватизация была «заморожена» вследствие целой кампании, проведенной радиостанцией отца Рыдзыка. В течение последних 15–20 лет эти здания стоят совершенно пустые. Таков триумф тех, кто заблокировал приватизацию. Там ничего нет.

— В детстве вас обзывали кулаком, буржуем. Вы чувствовали, что вы из «зажиточных крестьян»?

— Эти прозвища отражали влияния Ленина и Сталина. «Кулак» — это было такое определение, которое в Советском Союзе могло стоять жизни. Хозяин, у которого было несколько гектаров, отличался тем, что не был совсем уж бедным. В пропаганде ПНР это было страшное ругательство, импортированное из бывшего Советского Союза. Почему меня так называли? Мой отец был родом из деревни Вроцки, так что я сын фермера, и могу сказать, что о земледелии знаю больше, чем большинство членов Польской крестьянской партии. Мой отец был управляющим государственной свинооткормочной фермы. Потому что если свиней было много, то в ПНР они должны были быть государственными. (Смеется.) Но кроме того, отец, будучи человеком очень предприимчивым, старался улучшить условия жизни семьи посредством частного хозяйства, насколько это позволял социализм. Поэтому у нас были коровы, свиньи, куры, утки.

— ...нутрии...

— А я был вовлечен в помощь по хозяйству, что не всегда мне нравилось.

— Чему вас научила предприимчивость отца?

— Я убежден, что если бы мой отец жил при капитализме, то он был бы крупным предпринимателем. Но он не имел такой возможности. Он мог только выращивать нутрий.

— И велеть вам чистить их клетки.

— В порядке воспитания. (Смеется) А это было не такое просто дело.

— Нутрии кусались.

— Чтобы они не кусались, надо было поймать их за хвост и поднять. Тогда они уже не могли укусить. С лисами я поступал так же. Это была неплохая тренировка реакции.

— **Вы не вынесли из родительского дома религиозности. О себе вы говорите как об агностике. То есть о человеке, который признает, что не знает, существует Бог или нет. Вы никогда не ощущали божественного промысла, какого-то чуда?**

— Ну, как-то не пришлось. (Смеется.) Вера — это не вопрос разумных доводов, хотя их пытаются приводить. Это вопрос внерациональный. Стоит добавить, что некоторые люди, верящие в идеалы христианства, не всегда соблюдают обряды, а некоторые, соблюдающие их, необязательно верующие. Еще я думаю, что в некоторой степени это вопрос случая. Если повезет встретить умного священника...

— **Вам не повезло.**

— Так же, как не повезло с умными офицерами в военном училище.

— **Трудно себе представить, что будущий профессор, министр финансов, вице-премьер чистит клетки нутрий, кормит сывороткой свиней.**

— Это была очень хорошая школа. Гораздо хуже было бы, если бы кое-кто только читал книги, которые, кстати говоря, я любил читать. Но тогда я не имел бы представления о других вещах. Эта работа меня многому научила.

— **Но когда в 1989 г. вам предложили войти в правительство, вы признались, что семейный бюджет находится в ведении жены.**

— Ну, не мог же я рисковать семейными деньгами. (Смеется.) У нас было разделение обязанностей. Как экономист я верю в разделение обязанностей. Если ты на руководящей должности, то много не заработаешь. К счастью, в Польше в отличие от России или Украины, на политике нельзя обогатиться. И это правильно. Может, я преувеличиваю с зарплатами, может, они должны быть выше (я говорю не о себе, так как я делал это не ради денег). Но я могу сказать, что материальное положение моей семьи значительно улучшилось, как только я ушел, наконец, из правительства. Но политиков надо ругать не за то, что они слишком много зарабатывают, а за то, что плохо руководят.

— **Работу надо превратить в хобби и не терять времени — это одна из ваших максим, которая есть в книге. Вам**

действительно не случилось ничего не делать, позволить себе ни о чем не думать, дать мозгу отдохнуть.

— Ну что вы, я обожаю читать детективы! Никто меня не заставляет. Я их читаю, смотрю фильмы. День без детектива — это потерянный день.

— Ну нет, это не считается. Вы же во время чтения думаете, пытаетесь разгадать, кто убийца.

— Но ведь людям доставляет удовольствие то, что дает пищу для размышления. Самое плохое, что может быть — это скука. Почему заключение — это страшное наказание? Потому что это ужасно скучно. Я опускаю другие причины, такие, как зависимость от других людей. Развлечение — это ведь не абсолютное бездействие, это интересное времяпрепровождение. Для страны лучше всего, если в ней есть много трудолюбивых, у которых такая работа, которая является одновременно их хобби. Но это должна быть работа очень интересная. Не из каждой работы можно сделать хобби. Хотя даже не самая интересная работа лучше, чем отсутствие какой бы то ни было работы. Или надо найти способ, чтобы что-то скучное не было скучным. Например, я изучал иностранные языки, а раз я не был сыном дипломата и не учился за границей, то мне оставалось только читать книги на иностранных языках и выискивать интересные выражения. Это было как охота: о, это интересно. Запишу! А потом надо было повторять, чтобы запомнить и использовать это.

— Раз уж разговор зашел о скуке, то когда я читала главу о ваших студенческих годах, я подумала, что вы, должно быть, были тогда скучнейшим типом. Никаких развлечений...

— Как это? А спортивные мероприятия?

— В какой-то момент вы закончили со спортом. В общежитии вам было не очень.

— Но позвольте, не может быть «очень», если живешь в комнате, где вас пятеро. К счастью, мне попались неплохие ребята, я с ними подружился.

— Но живя в Варшаве, где бьет ключом студенческая жизнь, вы каждые выходные ездили к родителям.

— В ПНР ирландских пабов не было.

— Студенты всегда найдут, куда пойти развлечься. А вы были таким правильным...

— Вы думаете, что в книге я рассказал обо всем? Ведь я думаю написать еще одну. (Смеется.)

— Тогда понятно. Ведь хотя это и автобиография, в ней больше внимания уделяется вашей общественной деятельности, чем личной жизни. Впрочем, она все равно читается как приключенческий роман...

— Да, кое-какие приключения у меня были ...

— Только читая это, осознаешь, каков был темп перемен и какое напряжение этому сопутствовало.

— Это не обычная автобиография, где рассказывается обо всём подряд. Впрочем, это было бы скучно. Я сделал акцент на таких моментах, когда надо было бороться, чтобы изменить что-то в общественной жизни. Таких моментов, начиная с 1989 г., было много. И тогда, и потом, когда после двух лет приятного времяпрепровождения вне политики я поддался уговорам вернуться в нее, и снова было несколько баталий, потом была Уния Вольности, борьба за конституцию, и надо было драться за свои взгляды, вести предвыборную кампанию. Я стартовал в Катовице как совершенный аутсайдер и победил на выборах. Потом, чтобы осуществить разные реформы, надо было выдержать немало интересных схваток в коалиции с партией «Акция выборча „Солидарность”». Надеюсь, это позволит читателям понять, что кроется за проведением реформ, и что реформы — это не фунт изюму, но что они возможны. Это также мой жизненный принцип. Обычно сначала я стараюсь решить для себя, имеет смысл за это браться или нет. Если имеет, то появляется другой вопрос: а возможно ли это?

— В вашей книге мне всё же не хватило образа живого человека. Вы предстаёте там как кто-то очень трудолюбивый, почти трудоголик, как чрезвычайно занятый человек, который постоянно должен бороться за какие-то важные для Польши вещи, а я с удовольствием почитала бы о том, как вы ходили на свидания.

— Что-то надо оставить для следующей книги. (Смеется.)

— Книга показывает, что ваши взгляды менялись. Во время учебы вы, например, верили, что государство должно вмешиваться в экономику.

— Когда я учился, я знал гораздо меньше. В те времена экономическое образование не давало представления о свободной рыночной экономике, хотя в Польше оно не было

совсем уж пропагандой. Многим вещам я научился позже, я много читал, думал, анализировал, и уже посредством самообразования, благодаря заграничным научным стажам пришел к тем убеждениям, которые не были чистой идеологией, а основывались исключительно на опыте. И еще я пришел к выводу, что за свои убеждения стоит бороться, если это возможно.

— Вы по-прежнему считаете, что экономика решает проблемы людей?

— Семейных проблем не решает, проблем воспитания детей тоже. Однако большинство человеческих желаний она может осуществить. Если у человека нет квартиры, он хочет квартиру, если нет машины, он хочет машину, а если квартира уже есть, то человек хочет квартиру побольше — это нормальные стремления людей. И только растущая, развивающаяся экономика позволяет эти желания удовлетворять. Постоянная борьба о социальное государство, которое дает одним, а забирает у других, приводит к тому, что материальных благ будет все меньше, потому что не будет роста экономики. Я считаю, что в независимой Польше не было и нет более важной задачи, чем обеспечить экономический рост. Причем, чтобы экономика развивалась, необходимо в корне перестроить государство. Сделать так, чтобы политики не вмешивались в экономику. Чтобы не нарушали конституции, принимая плохие законы. Чтобы вообще этих законов было поменьше. Чтобы правосудие действовало более справедливо и не так медленно. Во время ПНР и Советского Союза у нас не было возможности улучшить наше государство. После 1989 г. такая возможность появилась.

— А ведь чуть было не случилось так, что в политике вас могло бы и не быть. И не было бы плана, который в народе называют «планом Бальцеровича». А всё из-за вора, который снял с вашей машины колесо, поэтому вы не уехали в Англию, и Тадеуш Мазовецкий успел пригласить вас в свое правительство. Если бы вор не украл колесо, не быть вам вице-премьером.

— Это доказывает роль случая.

— А может, это Божий промысел?

— Ловко вы к этому перешли. (Смеется.) Таких забавных эпизодов у меня было много.

— Интересно, отдает ли тот вор себе отчет в том, что сделал?

— Может, скажем, чтобы он объявился? Надо бы его наградить. (Смеется.)

— Вы думали о том, как выглядела бы Польша сегодня, если бы вы не вошли в состав правительства Тадеуша Мазовецкого?

— Я могу на этот вопрос ответить по-другому. Я знаю несколько стран, где изначально экономическая ситуация была не хуже, чем у нас. Например, Украина. Сегодня на Украине уровень дохода на душу населения в три раза меньше, чем в Польше, и я говорю не о том, что Россия творит на Украине сейчас, а о том, что было до этого. Сегодня на Украине уровень жизни в три раза ниже, чем в Польше, это следствие того, что Польша развивалась гораздо быстрее. Что стало причиной сегодняшней ситуации на Украине? То, что с самого начала там не было хорошей команды. Мы в течение нескольких первых лет проводили реформы, а они позволили загнить старой системе. Это решающим образом повлияло на то, что их уровень жизни так существенно отличается от нашего.

— А сегодня, спустя 25 лет, вы бы всё сделали так же? Я имею в виду реформы.

— Я бы старался сделать еще больше, хотя не знаю, возможно ли это. Нас было несколько десятков человек — я говорю о нашей экономической группе. Мы работали в два раза быстрее, чем обычно, но в четыре раза быстрее не получилось. Поэтому мы и допустили несколько ошибок.

— Самой большой ошибкой, по-вашему, были либеральные реформы Яцека Куроня, защищающие пенсионеров и безработных.

— Яцек сделал это не специально. Он тоже тяжело работал, был перегружен, где-то ему просто не хватило опыта. Во всяком случае, оказалось, что произошел резкий скачок расходов на пенсии. Оздоровление финансов произошло в 1990 г., но уже в 1991 г. дали о себе знать последствия пенсионного закона. Ну, и ситуация в мире была хуже, чем можно было ожидать. Но в том, что это было самой большой ошибкой того времени, ни один политик не признается. Они либо не понимают этого, либо не хотят идти на конфликт.

— Что изменится в Польше благодаря тому, что Дональд Туск стал главой Европейского Совета?

— Это его большой личный успех. Если говорить о стране, то последствия могут быть разными. В огромной мере они зависят от того, кто будет преемником. Если это будет человек, который пойдет тем же путем: начнет откладывать реформы и стараться понравиться этаким этаким, но при этом у него не будет риторических способностей Туска, то это плохо кончится и для партии «Гражданская платформа», и для всей Польши. Но если во главе «Гражданской платформы» и коалиции появится самобытная фигура, которая не позволит управлять собой из Брюсселя, откажется от политики, многих оттолкнувшей от «Гражданской платформы», и вернется к первоначальной программе, то это будет хорошо и для партии, и для Польши.

— **Вы видите такую личность в «Гражданской платформе»?**

— Я не самый большой специалист по «Платформе», и не уверен, что «Гражданская платформа» так уж хорошо разбирается во мне. Но если говорить серьезно, первый сценарий очень опасен. Политики вообще склонны замалчивать проблемы, которые проявятся позже. Если в обществе нет людей, которые предостерегают, говорят об этих проблемах заранее, то мы сталкиваемся с ними, когда они уже серьезны. Поскольку я считаю, что самое важное для Польши — это догнать Запад в экономическом плане, то наибольшей угрозой является то, что этот рост резко упадет, если мы не улучшим условия для честного бизнеса и предпринимательства. Я не вижу никого в политике, ни в одной из партий, кто бы систематически указывал на эту проблему, с тем чтобы ей противостоять.

— **А Януш Корвин-Микке? Уже в течение 40 лет он исповедует те же экономические взгляды.**

— Если бы он ограничился только этими взглядами, то я мог бы закрыть глаза на то, в какой форме он их выражает. Я бы сказал: направление верное, но форма слишком уж яркая. Однако есть, к сожалению, и другие его убеждения, которые компрометируют его в глазах большинства, — это его высказывания, касающиеся демократии, Путина или женщин. С этим ни в коей мере нельзя примириться. Жаль только, что это второе течение деградирует первое.

— **За что вы будете бороться теперь?**

— Самый важный вопрос — остановится польская экономика или будет по-прежнему догонять Запад? Я буду бороться за реформы, стимулирующие развитие экономики, а для этого мне понадобится поддержка общественного мнения.

НАША ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ БЫЛА ВЕСЬМА ПРОДУКТИВНОЙ....

— Вы руководите работой Союза с 11 ноября 2011 года...

— После ухода со своего поста Станислава Костецкого, который руководил работой Союза в 1995–2011 гг., меня выбрали исполняющим обязанности председателя. Год спустя, в ноябре 2012 г., на съезде нашей организации, меня выбрали председателем СПУ.

— В Киеве вы оказались сразу после вуза...

— Я окончил Львовский политехнический институт, получив специальность химика пластмасс. Прежде это направление пользовалось большой популярностью. Сразу после окончания учебы меня направили на работу на авиационное предприятие в Киеве. Я занимался там стеклами для самолетов АН 24.

Свое польское происхождение я никогда не скрывал. Я родом из Белоруссии, где поляков не особенно преследовали за само происхождение, как это было на Украине, но это не значит, что ничего такого вообще не было. Я помню, как в школе меня дразнили словом «полячок». У нас была большая семья. Восемь человек. У каждого в документах было написано — поляк. У отца и матери тоже — поляки.

Прежде, еще до учебы во Львове, я закончил техникум в Калининграде, где нас готовили для бумажного производства. После техникума я получил направление на учебу во Львов. Это был 1962 год.

— Когда вы включились в деятельность польской организации?

— Польскими вопросами я начал заниматься с 1989 года. Тогда я навестил своего брата в Польше. И там я прочел у него, кажется в «Газете wyborчей», что в Киеве создана польская организация.

Начало полонийному движению (хотя многие считают, что поляки на Украине это не Полония) было положено в 1988 году. Именно тогда, еще до распада СССР, начали складываться

первые польские организационные структуры. В июле 1988 года учредили Польскую культурно-просветительскую секцию при советском обществе «Дружба», которую несколько месяцев спустя преобразовали в Польское культурно-просветительское общество на Украине.

— А до этого?

— Поляки жили на Украине с давних пор. Наши судьбы оказались весьма трагическими, особенно в XX веке. Исторические последствия оказали большое влияние на сегодняшнее состояние здешнего польского национального сообщества.

Нельзя забывать, что на Советской Украине, в тридцатые годы прошлого века, разные формы репрессий коснулись свыше 150 тысяч поляков. Еще больший ущерб был нанесен нашим сородичам во время Второй мировой войны и после нее. В 1939–1950 гг. с бывших территорий Второй Речи Посполитой, находящихся сегодня в составе украинского государства, убыло 1,5 млн поляков. В это число входят и наши соотечественники, депортированные в глубь России в 1940 году, а также те, кто был репатриирован в ПНР сразу же после установления новой государственной границы.

Не менее ста тысяч польского населения стали жертвами геноцида, осуществлявшегося на Волыни и в Восточной Галиции. Оставшиеся же на территории Советской Украины поляки подвергались денационализации, которая была элементом проводившейся тогдашними властями национальной политики.

Коммунистическая пропаганда была направлена на советизацию населения и уничтожение любых проявлений польскости в сознании людей. Этому служила деполонизация. Уничтожалась память о названиях сел, городов, улиц, памятников и т.д. Таким образом поляки, остававшиеся на Украине, фактически были обречены на постепенную денационализацию и социальную маргинализацию. Им запрещалось культивировать любые национальные традиции, при этом официальные власти ПНР не предпринимали почти никаких действий, направленных на оказание помощи соотечественникам за восточной границей.

Я хотел бы еще добавить, что число поляков, согласно переписи населения в 1959 году, составляло 363 тысячи, а тридцать лет спустя, в 1989 году, по официальной переписи, их было уже 219 тысяч, из которых едва лишь 12% знали польский язык.

Наименьший показатель численности польского населения на Украине — всего 144 тысячи человек — дала очередная перепись, которая была проведена в 2001 году. Считается, однако, что эта перепись была сфальсифицирована.

— Сегодня такие номера, наверное, уже не проходят? А что можно сказать о сегодняшней ситуации польского населения?

— Поляки на Украине проживают сегодня очень разрозненно, они рассеялись по разным уголкам нашей страны. И можно уверенно сказать также, что тысячи жителей Украины не перестают ощущать себя поляками, хотя благоприятных условий для этого у них нет. Своеобразной формой демонстрации своей национальной принадлежности стала для них традиция давать детям и внукам исконно польские имена. В 60-х и 70-х была доступна подписка на польскую прессу, можно было купить польские книги. Гораздо легче, чем раньше, стало также навещать в Польше своих родственников. Можно было участвовать в службах, которые проводились в уцелевших еще кое-где римско-католических костелах.

После распада СССР, уже в независимой Украине, в повседневной жизни поляков появились новые сложности. Важнейшим для поляков всегда оставался вопрос возрождения национальной жизни, а также борьба за экономическое выживание. Жители сегодняшней Украины, в том числе и поляки, переживают трудности — найти себя и восстановить свое национальное самосознание нелегко. Последние события на Майдане изменили эту ситуацию кардинально.

— Что изменилось со времени Майдана?

— Польша многое сделала для Майдана. В этих событиях активно участвовали члены нашей организации. Дважды мы готовили там польские блюда. Среди других там также жил поляк (Антоний Дидковский). На Майдане были представлены и другие нацменьшинства, проживающие на Украине. Мое выступление, когда я произносил на Майдане речь, несколько раз прерывалось аплодисментами. Украинцы теперь весьма позитивно настроены в отношении поляков и Польши. Надо суметь этим воспользоваться.

— А какую роль в пробуждении национального самосознания играет на Украине римско-католическая Церковь?

— На протяжении многих лет нам казалось, что возрождению польского самосознания может способствовать католическая Церковь, которая быстро восстанавливала свои приходы,

епархии и создала новую административную структуру. Однако сегодня ее роль все больше сводится к решению чисто религиозных вопросов, все меньше — национальных. Так, собственно, выглядит повсеместно миссия Церкви на практике. Поэтому ничего удивительного, что в храмах постепенно перестает звучать польский язык, все меньше там польских национальных акцентов. За счет выпускников местных духовных семинарий среди католического духовенства постепенно увеличивается число не-поляков.

— Давайте, может быть, вернемся еще раз к началу полонийного движения в свободной Украине...

— Начало его относится ко времени Горбачевской «перестройки». На учредительном съезде, о котором я говорил ранее, открывавшемся 5 июля 1988 года и проходившем в зале Украинского общества дружбы и культурных связей с заграницей, учредившем тогда Польскую культурно-просветительскую секцию, присутствовали представители польских сообществ из Киева, Житомира, Хмельницкого, Винницы и Львова. Многие из депутатов по-прежнему работают в наших союзных структурах.

В первых руководящих органах Польского культурно-просветительского общества оказались: Анатолий Ромейко, Станислава Левинская, Анатолий Куликовский, Адольф Кондрацкий, Виктория Радик, Ян Глинчевский, Франтишек Мицинский, Зыгмунт Житкевич и Станислав Костецкий. Одним из важнейших достижений Общества стали подготовка и проведение I Конгресса поляков Украины в мае 1990 года. Конгресс состоялся в Доме Художника на Львовской площади в Киеве. Впервые также состоялась торжественная заупокойная месса в память замученных в Быковне^[1] жертв тоталитарного режима.

На II Конгрессе, который состоялся 19 октября 1991 года, Общество было преобразовано в независимый Союз поляков Украины (СПУ). Его председателем был избран тогда Станислав Шалацкий. В декабре 1988 года было создано Общество польской культуры Львовской земли — сегодня это одна из крупнейших польских организаций в рамках Федерации. В 1992 году была создана вторая общеукраинская полонийная организация — Федерация польских организаций на Украине. При ее создании важную роль сыграло польское консульство во Львове. Федерация была создана как конкурентная организация по отношению к нашему Союзу, который считался в то время якобы «прокоммунистическим». Председателем Федерации

тогда была избрана учительница физ. воспитания Эмилия Хмелева, которая и по сей день исполняет эту функцию.

Появление двух, параллельно действующих в масштабе всей страны, организаций следует признать, с учетом истекшего времени, начинанием весьма полезным. Здоровая конкуренция еще никому не помешала. Хотя с позиций сегодняшнего дня, конечно, нелегко сказать, было ли это действительно необходимо или в игру входили, скорее, политические вопросы, а возможно, и личные интересы?

— Значит, с 1992 года на Украине действуют две полонийные организации?

— Существование двух организаций отвлекало внимание полонийного движения от целей, к достижению которых оно стремилось, лишало возможности заявить о себе во весь голос, выступая единым фронтом перед лицом властей как украинского, так и польского государства. Я считаю, что полонийное движение на Украине больше потеряло с возникновением двух организаций, чем приобрело. Идеальной наверняка могла бы стать ситуация, когда одна солидная сила представляла бы надлежащим образом интересы всех поляков Украины. Но сегодня мы имеем то, что имеем.

— А чем с точки зрения программных задач отличаются сегодня друг от друга Союз и Федерация?

— Да особенно ничем. Обе организации ставят перед собой задачу возрождения национального самосознания, а также обучения родному языку и сохранения польских традиций и обычаев.

— А вам не хотелось бы создать одну сильную польскую организацию на Украине?

— Кажется, лет 5 тому назад, была создана специальная комиссия. Мы обратились к Федерации с просьбой провести переговоры о сотрудничестве. Состоялись даже несколько встреч — по 3 человека с каждой стороны. На последних совместных переговорах мы даже договорились, что в очередных встречах примут участие наши председатели и определят принципы дальнейшего сотрудничества. Однако очередной встречи так и не произошло. Теперь в своей работе мы стараемся хотя бы не мешать друг другу. Каждая из двух организаций готовит преимущественно самостоятельные мероприятия, приуроченные к государственным, национальным, церковным праздникам и т.п.

— Что было дальше с вашим Союзом?

— В 1995 году Союз избрал своего второго председателя. В течение 16 лет им был Станислав Костецкий. С 1999 года я был его первым заместителем. Мой предшественник старался руководить самостоятельно. А в отставку он ушел потому, что занялся организацией партии «Поляки Украины».

Во время его многолетнего срока полномочий в Союзе были созданы отраслевые организации: Союз польских ученых Украины, председателем которого является проф. Хенрик Стронский, Польское медицинское общество на Украине во главе с проф. Анатолом Свенцицким, Международный союз польских предпринимателей, Ассоциация фермеров, а также многочисленные молодежные организации и множество других. Сегодня наш Союз имеет более 100 филиалов в 19 округах и насчитывает свыше 26 тыс. членов.

У Общества польских ученых Украины, созданного в 1998 году, есть свои действующие филиалы в 14 областях Украины. Эта организация стремится в своей деятельности к постоянной консолидации научного потенциала поляков на Украине. Важной задачей для них является ведение научных исследований — изучение состояния польского меньшинства на Украине, а также изучение истории поляков, обнаружение белых пятен и исправление устоявшихся ошибочных мнений. Для реализации своих целей Общество инициировало и провело цикл научных конференций под названием «Поляки в Киеве» (2001 г., Киев), «Поляки на Подолье» (2002 г., г. Каменец-Подольский), «Польская семья на востоке» (2007 г., Кировоград), «Польская дипломатия на Востоке» (2010 г., Харьков) и «Польские усадьбы и резиденции на Украине» (2014 г., Винница).

Большой популярностью пользуются издаваемый этой организацией ежегодник «Киевский дневник», а также последняя монография «Польская дипломатия на Востоке в XX — начале XXI века» (книга издана под ред. Хенрика Стронского и Гжегожа Серочинского).

Польское медицинское общество на Украине возродилось в 1994 году. Сегодня оно объединяет более 280 врачей из 16 областей Украины. К важнейшим направлениям его деятельности относится медицинская помощь полякам на Украине — особенно пенсионерам и ветеранам Войска Польского, изучение вклада польских врачей в развитие украинской медицины, организация помощи в оформлении медицинских стажировок для врачей и студентов медицинских факультетов в Польше, а

также участие в международных научных конференциях в Польше. В 2010 году, благодаря усилиям Польского медицинского общества, был создан отдел польской медицинской книги при Национальной медицинской библиотеке в Киеве.

— А в чем состоит повседневная уставная деятельность Союза поляков Украины?

— Направления нашей культурно-просветительской деятельности мы определили для себя еще на I Конгрессе поляков. Важнейшими были признаны тогда вопросы обучения польскому языку, вопросы истории и культуры.

Сейчас на Украине у нас 5 школ, где преподавание ведется на польском языке, одна из них находится в Довбыше, две во Львове, в Мостисках и, наконец, в Городке, где школа построена благодаря сотрудничеству нашего Союза с Ассоциацией «Вспульнота польска». Главной целью мы считаем открытие польских школ в Киеве и в Житомире. Следует при этом помнить, что открытие новых школ зависит прежде всего от воли родителей будущих учеников. На сегодняшний день на Украине явно недостаточно школ с преподаванием на польском языке.

На практике, правда, есть и другие формы обучения польскому языку. Есть, например, классы с польским языком преподавания, есть также обучение польскому языку как иностранному или факультативное изучение языка. Однако наибольшее распространение получили польские субботние и воскресные школы, которые существуют и действуют при полонийных организациях и приходах. Вся ответственность, в том числе и организационная, за процесс обучения ложится преимущественно на плечи обществ, входящих в наш Союз, и профессиональных преподавателей, а желающих учиться польскому языку становится все больше.

Наблюдается все же значительная разница в уровне образования в школах, где преподавание ведется на польском языке, и в субботне-воскресных школах. Также факультативные формы обучения польскому языку в украинских школах не могут сравниться с программой польских школ, где уже учащиеся младших классов изучают польскую историю, географию и культуру. Однако любопытно, что в последние годы необычайно возрос интерес украинской молодежи как к учебе в польских вузах, так и к обучению польскому языку.

Важным моментом в развитии полонийного движения стало начавшееся в 1992 г. издание своей газеты. Сегодня она выходит один раз в две недели под названием «Дзенник київський». Эта газета стала настоящим печатным органом нашей организации, отражающим жизнь поляков не только в Киеве, но и на местах. Большой популярностью пользуется также сайт газеты в Интернете.

Руководит этим органом печати на протяжении многих лет редактор Станислав Пантелюк, опытный журналист, переводчик и общественный деятель, первый редактор ежеквартальника «Крыница», издававшегося с 1994 года и посвященного религиозной тематике, а также вопросам наследия латинской цивилизации на Украине. Сегодня редактором «Крыницы» является Дорота Яворская.

Одной из задач газеты «Дзенник київський» является популяризация польской культуры на Востоке, а также забота о польских государственных интересах. Осуществляется также презентация и поддержка всяческих действий, служащих защите общественных интересов польского меньшинства на Украине. Газета стремится достойно представлять Польшу и ее культуру в украинском обществе. Коллектив редакции всегда принимает участие в мероприятиях Полонии и регулярно публикует отчеты.

Следует отметить, что польская периодическая пресса, выходящая на территории сегодняшней Украины, является одним из важнейших инструментов возрождения общественно-культурного самосознания здешнего польского сообщества. При том, что на рынке СМИ Украины фактически отсутствуют книги и пресса из Польши, именно местные польские газеты становятся зачастую единственным источником печатного польского слова в этой стране.

— Где еще, кроме Киева, выходят сегодня польские газеты и журналы?

— Во многих городах — в частности, во Львове, Бердичеве и Житомире. В Бердичеве выходит «Мозаика в Бердичеве», которой руководит ред. Лариса Верминская, а в Житомире «Тенча Житомерщизны», которую издает ред. Виктория Лясковская-Щур. Делаются также шаги в направлении создания и распространения телепрограмм, радиопрограмм, в том числе и в Интернете.

Следует также вспомнить здесь об опытном журналисте Эугениуше Голыбарде. Он автор более 20 книг прозы и поэзии, 6

из которых написаны на польском языке. Им также написаны многочисленные репортажи, печатавшиеся в газете «Дзеньник кийёвский». Он является автором двуязычных польско-украинских радиопередач, транслируемых украинским радио под названием «По-соседски. Польский вектор».

— Чем еще занимается ваш Союз?

— Одним из важнейших направлений нашей уставной деятельности мы считаем воссоздание польской элиты и польской интеллигенции. Именно с этой целью мы направляем нашу молодежь на учебу в вузах Польши. К сожалению, наши выпускники, по завершении обучения, обычно там и остаются. Они не хотят возвращаться на Украину. Определенным выходом из этой неблагоприятной для нас ситуации стало создание Фонда «Semper Polonia», который выделяет стипендии для молодых людей польского происхождения, которые учатся в украинских вузах.

Мы занимаемся также продвижением польской культуры. Наши творческие художественные коллективы выступают на многочисленных фестивалях и добиваются на них больших успехов. В каждом филиале нашего Союза проходят многочисленные концерты и торжественные мероприятия по случаю польских государственных и национальных праздников. Например, в Житомире проводится такой фестиваль как «Радуга Полесья», инициированный 20 лет назад Станиславом Шаласким и Валентином Грабовским. Этот фестиваль спустя годы превратился в международную встречу. В связи с церковными праздниками также организуются, скажем, рождественские встречи и фестивали с представлениями «вертепа», исполнением колядок, рождественских обрядовых песен и т.п.

Среди регулярно проводимых мероприятий следует отметить фестивали, которые мы проводим в Киеве (Фестиваль современной песни), Кировограде (Фестиваль польской классической музыки) и Одессе (Фестиваль музыки для детей).

Очень важным направлением нашей деятельности является опека над местами памяти, забота о сохранении национального наследия, а также ознакомление членов нашего Союза с вкладом выдающихся поляков в развитие мировой науки, культуры и т.д. В этом направлении весьма активно работает, скажем, в Киеве историческая секция общества «Згода», которое входит в состав нашего Союза. Это Общество заботится о польских захоронениях на Байковом кладбище. Благодаря их деятельности были приведены в порядок могилы

выдающихся поляков, жителей давнего Киева и обновлен памятник польским legionерам.

Наша деятельность в последние годы была весьма продуктивной. Если мы сравним начальный период, сразу после обретения независимости, с нынешним, то за это время произошли невероятные изменения. Прежде всего это, конечно, качественные изменения, но есть также и количественные. Возросла численность членов нашего Союза. Уже свыше ста организаций входит в его состав. Прежде их было гораздо меньше на востоке и юге Украины, больше — в центральных и западных районах. Некоторые старые организации перестают существовать, но на их месте возникают новые. За последний год количество членов нашего Союза возросло, например, на три тысячи человек.

Правда, вряд ли можно сказать, что 100% этих организаций работает активно. Из них, может быть, 80%, а возможно и больше — это организации, которые на самом деле работают. К сожалению, иногда бывает, что вновь возникающие организации учреждаются людьми, у которых чересчур большие амбиции, поэтому создаваемые ими общества — это скорее общества взаимного обожания, чем настоящие организации, занимающиеся возрождением и укреплением польского национального самосознания или обучением родному языку. К счастью, таких организаций все меньше.

В последнее время было проведено множество «круглых столов», организованных обществами национальных меньшинств Украины. В настоящее время, после событий на Майдане, был учрежден особый пост уполномоченного по вопросам национальных меньшинств в ранге вице-министра. До сегодняшнего дня национальными меньшинствами Украины занимался департамент по вопросам религии и национальных меньшинств при Министерстве культуры Украины.

— А как выглядит финансовое положение Союза? Кто вас поддерживает?

— От украинского правительства в последние годы мы почти ничего не получили. Я говорил об этом на страницах издания «Курьер галицийский» в беседе с журналистом Эугениушем Тузов-Любанским, нашу с ним беседу он опубликовал под названием «Бездомный Союз поляков Украины».

Совершенно иной подход к потребностям национальных меньшинств проявляется в самой Польше, там их деятельность

финансируется из бюджета государства. Например, украинское меньшинство в Польше получило на свою деятельность, в том числе на содержание помещений, издание газет и т.д. следующие квоты: Союз украинцев в Польше — более 1 млн 590 тыс. зл., Ассоциация лемков — 830 тыс. зл., а Союз украинцев Полесья — 337 тыс. зл. А вот наш Союз из бюджета украинского правительства, в том же году не получил почти ничего. Где же тут равные права и равное отношение? Отсюда следует, что польское государство проявляет заботу о меньшинствах, которые проживают на его территории, а украинское государство, к сожалению, нет.

Мое интервью в Польше получило широкую огласку. Я знаю, что соответствующие запросы по этому вопросу отправил тогдашний депутат Сейма Артур Гурский из партии «Право и справедливость». Однако я не получил информации относительно результатов этого запроса.

— Спасибо за беседу. Надеюсь, что ситуация поляков на Украине будет теперь быстро меняться к лучшему, чего я вам, господин председатель, искренне желаю.

-
1. Рощица в Быковне под Киевом — место погребения жертв массовых убийств сталинского периода. Число похороненных в этом районе жертв насчитывает 100–120 тысяч; в большинстве это украинские жертвы 1937–1938 гг. (период так называемого большого террора). В 1937 г. киевский НКВД обратился в министерство, ответственное за государственные леса, с просьбой выделить ему в указанных кварталах территорию для своих нужд. Было выделено 4,5 га. В Быковне находится также Польское военное кладбище, созданное в 2011–2012 гг. по инициативе Совета охраны памяти борьбы и мученичества. На кладбище в общих могилах покоятся останки 3 435 польских граждан из украинского Катынского списка, убитых в 1940 году сотрудниками НКВД. Это четвертое катынское кладбище, после открытых в 2000 г. кладбищ в Катынском лесу, в Медное и в Харькове.

ПОЛЬСКИЕ ЭКСПЕРТЫ РЕФОРМИРУЮТ УКРАИНУ

О том, как Киев хочет предупредить распад государства, и как польские специалисты помогают менять украинскую систему самоуправления, Михалу Циранкевичу рассказывает руководитель сообщества экспертов Мартин Свенцицкий.

— Почему власти Украины обратились именно к Польше с просьбой помочь реформировать систему самоуправления?

— Это связано прежде всего с успешно проведенной реформой самоуправления в Польше. В начале 90-х ее предложили и подготовили выдающиеся специалисты, среди которых был также проф. Ежи Регульский. Польская реформа повсеместно считается удачной, что в свою очередь создает хорошую репутацию существующей у нас системе самоуправления.

Украина, кстати, не первая страна, обратившаяся к польскому опыту. Наши эксперты принимали участие в проведении реформ самоуправления в Сербии и Казахстане. Я лично участвовал в экспертной поездке в Черногорию. Среди экспертов в Совете Европы также много поляков, им приходится бывать в различных посткоммунистических государствах, везде там, где что-то происходит в сфере самоуправления.

Важным фактом является и то, что непосредственно за реформу системы самоуправления на Украине отвечает вице-премьер министр Владимир Гройсман, в течение восьми лет занимавший пост мэра Винницы, города, который тесно сотрудничал с представителями польских органов самоуправления. Деловые встречи, реализация совместных проектов убедили премьера Гройсмана в том, что вместо того, чтобы создавать на Украине собственную модель местного самоуправления, можно воспользоваться проверенным и надежным польским примером.

— Есть ли что-то общее в польской и украинской системе местного самоуправления?

— В обоих государствах функционирует трехуровневая система самоуправления. На Украине — на уровне областей (которым соответствуют польские воеводства), районов (в Польше это

поветы) и общин. В принципе, на этом все сходства и заканчиваются. Далее проще сосредоточиться на отличиях, поскольку о существовании на Украине местного самоуправления как такового говорить пока не приходится.

— Почему?

— Приведем несколько примеров. Большая часть административных единиц на Украине не имеет собственного исполнительного аппарата. В конституции записано, что хотя советы на всех трех уровнях избираются на всеобщих выборах, однако исполнительный аппарат подчиняется администрации президента Украины. Это является главным препятствием, которое Украина должна будет преодолеть, поскольку без изменения конституции органы местного самоуправления не могут сформировать собственные исполнительные органы.

Другая проблема — это абсолютное отсутствие финансовой независимости местного самоуправления, что проявляется также в том, что советы общин, а также районные и областные советы не имеют бюджетных полномочий.

— Означает ли это, что местные органы самоуправления целиком финансируются из центрального бюджета?

— Нет. Украинские органы самоуправления имеют собственные доходы, но то, какую их часть они могут оставить «себе», является предметом ежегодных переговоров. Впрочем, обсуждению подлежит каждый пункт бюджета. Как в статье доходов, так и в статье расходов. Общины обсуждают свои бюджеты с районной администрацией, а районные и областные бюджеты утверждаются непосредственно в Киеве.

Полученные таким образом средства остаются на государственных счетах, а не перечисляются непосредственно на счет органов местного самоуправления. В результате повсеместной проблемой является многомесячная задержка различных оплат, таких как хотя бы как счет за венок, заказанный для торжественной церемонии, не говоря уже о более существенных выплатах. Орган самоуправления не может даже самостоятельно взять банковский кредит. Это тоже требует согласования.

— Что в таком случае входит в компетенции органов местного самоуправления и как они исполняют свои обязанности?

— Это следующая проблема, которую призвана решить реформа. В настоящее время разделение обязанностей между разными уровнями местного самоуправления или между органами самоуправления и государством настолько нечеткое, что в принципе трудно сказать, кто за что отвечает.

Другое дело, смогут ли общины в том виде, в каком они существуют сегодня, самостоятельно справляться с какими-либо задачами. Представьте себе, что сегодня их насчитывается около 12 тысяч, а значительная часть — это населенные пункты, насчитывающие не больше нескольких сотен жителей. Поэтому одной из приоритетных задач реформы системы самоуправления будет (на начальном этапе добровольное) объединение общин в более крупные образования.

— Каким образом власть намерена склонить общины к добровольному объединению?

— Все это описано в проекте закона, который в ближайшее время будет вынесен на обсуждение парламента. Согласно этому проекту, общины, которые будут соответствовать определенным параметрам, например, по числу жителей, получают задания, компетенции и финансы. Там же, где общины не объединятся, их функции будут переданы на районный уровень. И тогда районы будут решать — сколько денег и на какие цели получит такая «старая» община.

Конечно же реформа предвидит, что когда будет пройден этап добровольного объединения общин, процесс будет продолжаться, но уже в обязательном порядке и под давлением «сверху». В результате власти планируют сократить количество общин на 2/3.

Процесс объединения касается также районов, которых сейчас насчитывается 490, а в результате реформы останется не более половины. А вот количества областей (их сейчас 25) реформа не коснется.

— Каким образом группа польских экспертов предлагает властям Украины обеспечить финансовую независимость органов местного самоуправления?

— Над этим работает группа под руководством проф. Войцеха Мисёнга. Предполагается внедрить решения близкие к системе, существующей в Польше. Будет выделена группа налогов, которые будут полностью передаваться в распоряжение органов местного самоуправления, а также будут предусмотрены частичные перечисления от суммы

общегосударственных налогов, т.е. подоходного налога от юридических и физических лиц.

Также органы самоуправления нужно будет обеспечить имуществом, необходимым для эффективного исполнения задач, в том числе и недвижимостью. Должен отметить, что это очень непростая задача, потому что вопрос владения, например, землей на Украине, является действительно сложным. Скажу только, что там все еще действует мораторий на продажу земель, включая даже те, которые находятся в частных руках.

— Рассматривается ли возможность введения отдельного коммунального налога от физических лиц вместо перечисления части всеобщего подоходного налога? В Польше работа над таким решением ведется в канцелярии президента.

— В первом рапорте группы проф. Мисёнга такой концепции не было. Но это хороший вопрос, который я наверняка задам профессору Мисёнгу: рассматривалась ли возможность введения на Украине коммунального налога, а если нет, то почему?

— Какие предложения имеются у польских экспертов относительно финансирования сферы образования?

— Этот вопрос также живо обсуждается с властями Украины. Есть несколько концепций. Это может быть такое решение как у нас, когда определенная квота на ученика вносится в бюджет органа самоуправления и после этого самоуправление распоряжается этими деньгами по собственному усмотрению. Однако, поскольку эта модель и в Польше критикуется, мы размышляем над тем, не должна ли некоторая часть денег быть предназначена на конкретные цели, например, на учеников с ограниченными возможностями.

Другая идея — создание из учителей своего рода корпуса государственных чиновников. Тогда зарплата им будет выплачиваться из центрального бюджета, а органы самоуправления отвечали бы за текущее функционирование, за обустройство школ. Следующее предложение, чтобы деньги на образование приходили непосредственно в школы в форме надбавки на образование.

По этому вопросу мы планируем организовать в сентябре отдельную конференцию, на которой все эти варианты будут рассмотрены.

— Как решится проблема выравнивания доходов между органами самоуправления?

— Несомненно, будет введена какая-то форма выравнивающей субсидии. Может быть, даже что-то наподобие польского «уравнивающего» налога, то есть налога, которым будут облагаться наиболее богатые органы самоуправления. Однако это вопрос деликатный, поскольку мы не хотим повторять польских ошибок. К тому же несомненно, перераспределение такого налога будет основано на иных, чем у нас, принципы, которые не приведут к ситуации, когда самые богатые и самые бедные органы самоуправления поменяются в таблице местами.

— Польское законодательство определяет органы самоуправления как сообщества местных жителей. Самоуправление на Украине понимается так же как в Польше?

— Здесь есть определенная разница, и у меня создается впечатление, что Киев опасается такой формулировки местного самоуправления, особенно на уровне района и области. А все потому, что такое определение дает местным жителям право организовать референдум, чего власти Украины в районах и областях не хотят, даже если референдум будет ограничиться исключительно вопросами, входящими в компетенцию данного уровня местного самоуправления. Это, конечно, травма после событий в Крыму и страх перед действиями сепаратистского характера.

Поэтому власти Украины хотят, чтобы органы самоуправления на уровне районов и областей понимались как сообщества общин.

Это конечно же несколько усложняет организацию органов самоуправления на уровне районов и областей, так как из такого определения следует, что они должны избираться не местными жителями, а общинами. Однако мне кажется, что эта проблема преодолима.

Я хочу особо подчеркнуть, что власти Украины отнеслись к реформе самоуправления очень серьезно. И президент Петр Порошенко, и премьер Арсений Яценюк, и вице-премьер Владимир Гройсман рассматривают эту реформу как частичный ответ на весь этот кризис, в котором оказалась Украина. С ее помощью власти хотят сообщить регионам: «Вы получите больше свободы, собственные средства и собственное имущество, широкие компетенции и значительную автономию, в том числе в вопросе языка». Отсюда же

заявления президента Порошенко о том, что каждая область может иметь собственных героев и ставить им собственные памятники. Все для того, чтобы, хоть каким-то образом, сдержать сепаратистские движения.

Я думаю, что это еще одна из причин, по которым Украина выбрала польскую модель системы местного самоуправления, сильно децентрализованного, но действующего в рамках унитарного государства. Следствием крымских событий стало неприятие федерализации, нежелание признавать за областями права проводить, например, собственную zahraničnuju politiku или права выхода из состава Украины.

— Если бы вы стали уполномоченным по делам реформы системы местного самоуправления в польском правительстве, то какие изменения вы рекомендовали бы провести в первую очередь?

— Прежде всего нужно было бы решить вопрос функционирования метрополий. В Сейме появился проект закона о повете метрополии — и это хорошо, так как что-то происходит, вопрос обсуждается, идет дискуссия на эту тему, но у меня есть серьезные сомнения относительно того, в каком направлении движется этот проект. Имеет ли смысл создавать новый суперповет, сохраняя при этом уже существующие? Мне кажется, нет. Нужно бы создать новый повет метрополии, который включал бы в себя все гмины, входящие в ее состав, а остальные просто ликвидировать. В наших условиях число поветов уменьшилось бы на 70–80, а это существенно.

Стоит также рассмотреть какие-нибудь легкие формы, стимулирующие объединение органов местного самоуправления. В том числе создавая возможности более тесного сотрудничества между органами самоуправления. Ведь в результате упрочения связей эти сообщества сами могут прийти к выводу, что лучше объединиться в одно.

Мартин Свенцицкий — бывший мэр Варшавы, экономист, управленец, депутат Сейма. Возглавляет сообщество экспертов, помогающих властям Украины проводить реформы системы самоуправления.

ЗАПРЕТНЫЙ ПЛОД

В воскресенье на крупнейшем продовольственно-сельскохозяйственном рынке в Малопольше не слишком оживленно. Время от времени к продавцам подходят скучающие клиенты. Прицениваются к фруктам и идут дальше, потому что выбор большой. На прилавках царят яблоки. Польский рынок уже переполнен ими, а сезон только начинается. Один из садоводов откровенничает: он не знает, что делать с яблоками, которые вот-вот надо собирать. Как справляются производители с избыточным урожаем?

Гость из-под Люблина

Возле автомобилей, загруженных ящиками с яблоками, сливами и персиками, сидят фермеры из разных частей страны. Среди них садовод Кшиштоф Колодзейчик. Худощавый, лет пятидесяти. Он приехал из-под Люблина, из Закшева. В нынешнем году — в первый раз. А все из-за Путина с его эмбарго на польские яблоки. Кшиштоф знает, что в Люблинском воеводстве он урожай не продаст. Еще год назад в его деревне был закупочный пункт. Приезжали русские посредники, а как-то появился даже перекупщик из Радома: поехал в Россию — и теперь о нем ни слуху, ни духу. Несмотря на то, что стоимость производства килограмма яблок составляет один злотый, при закупке давали 17 грошей. Но все же это были какие-то деньги, а яблоки не пропадали. Кшиштоф не знает, кому и за сколько русские сбывали его яблоки. Важно, что благодаря им у него было на жизнь. Вместе с женой он окончил сельскохозяйственную школу по специальности садоводство. Другого источника дохода у них нет. Восемь гектаров сада занимают яблони, рядом один гектар вишни. В помощь себе Кшиштоф никого не нанимает, это ему не по карману. Добросовестно ведет дневник химической обработки во избежание претензий от ОПФ (Объединения по производству фруктов).

Чтобы добраться в Рыбитвы, Кшиштоф выехал из своего Закшева днем раньше, в девять вечера. У него осталось еще несколько ящиков доброго старого сорта «джерсимак» — крупных, сочных яблок с белой мякотью. Таких у других продавцов на рынке нет: сорт трудоемкий, требующий очень хорошей почвы. «С этим сортом рискуешь сильно. Без химии не обойтись. К сожалению, покупатель предпочитает яблоки

поменьше», — говорит Кшиштоф. Словно в подтверждение его слов, мимо прилавка проходит женщина среднего возраста и останавливается у соседа, рассматривая маленькие яблочки. Такая мода.

Кшиштоф доволен своим сортом, потому что, хотя издержки на производство немалые и уход нужен особый, урожай всегда обильный. Около четырех утра неожиданно появился клиент и купил 40 ящичков. Через два часа — второй. Загрузил 28. В Люблине так много не берут. По-видимому, оптовики, полагает садовод. Наш разговор прерывает мужчина, присматривающийся к яблокам Кшиштофа в 20-килограммовых ящиках:

— Почему?

— По 20 за ящик. Дешево. А вы, наверное, тоже с яблоками? — догадывается Кшиштоф.

Мужчина кивает и быстро ретируется.

Польский рынок уже заполнен яблоками, а сезон ведь только начинается. На деревьях у Кшиштофа висят яблоки сортов, которые покупали россияне: «джонаголд», «пауларед», «деликатес», «пирос». Садовод признается, что не представляет, что делать с урожаем, который вот-вот надо снимать. Показывает на знакомого, сидящего несколько прилавков дальше, который торчит здесь уже третьи сутки. За каждые надо платить 51 злотый.

— Второй день мне не потянуть. Буду сворачиваться. За топливо отдал 200 злотых. Транспортные расходы всю прибыль съедают. Заработал всего 100 злотых. Не знаю, приеду ли сюда еще, — грустно говорит Кшиштоф.

— А переработка, экология? Экологические продукты дороже — может, вы бы заработали на этом? — я пытаюсь найти решение.

Фермер объясняет, что согласно экологическим стандартам нельзя проводить опрыскивание, а «джерсима» без него болеет. «Даже если бы я попробовал, то все равно соседи пользуются химией, ветер перенесет что-нибудь на мои деревья, и мне придется вернуть экологический сертификат».

К разговору прислушивается загорелый мужчина в элегантной рубашке. Он зарабатывает разделкой рыбы в Исландии, а живет в Малопольше. «Когда-то мы не умели производить, а сейчас не умеем продавать. Зачем мы столько лет мы судорожно

держались за одного покупателя? Почему никто не знает, что у нас больше яблок, чем у китайцев, французов, американцев?» — пытается он начать дискуссию. Молчание люблинского садовода красноречивее резких слов элегантного господина...

Отец Кшиштофа Колодзейчика держал корову и свинью. Если переключиться на животноводство, надо вырубить часть сада, а Кшиштоф этого не хочет. Он признается, что иногда раздумывает: а сто́ит ли так надрываться, может лучше продать трактор, машину и жить себе спокойно? Но, честно говоря, он не знает, как еще мог бы заработать на жизнь. Сегодня он поторгует еще несколько часов, пока не надо платить за место за следующие сутки. Он еще не знает, будет ли снимать яблоки, которые дозревают. Нет холодного склада, соответствующего евросоюзским стандартам, а самостоятельно перерабатывать и сушить фрукты Кшиштоф не может, потому что это запрещено законом. Если повезет, может быть, ему удастся что-то продать на переработку. Да только слишком много желающих.

Рынок «Петрушковый» и оборотистый Рышард

В Малопольше на помощь крестьянам приходят объединения, организующие экологические и региональные ярмарки. Это настолько выгодно, что на рынок «Петрушковый» в Краков крестьяне приезжают, преодолевая иногда более 100 км в одну сторону. Рынок работает уже второй год, а идею обществу «Podgórze.pl» подали жители этого района. Раньше в окрестностях негде было купить свежих сельхозпродуктов. Общество приняло участие в польско-швейцарской программе сотрудничества. Продавцы могут торговать каждую субботу. Экологичность их продуктов проверяют члены общества, навещая хозяйства. Каждую субботу прилавков одного из фермеров ломится от огромного количества самых разных овощей. Трудно поверить, что, придерживаясь экологических стандартов, можно производить столько разных продуктов.

— Они провели на меня «налет», но я показал сомневающимся, что можно производить много здоровой продукции, — рассказывает фермер, пожелавший сохранить анонимность.

— Получается ли продержаться на овощах? — задаю вопрос без недоверия.

Хозяин — фермер с опытом. Когда в его родных местах я расспрашиваю, как найти его хозяйство, люди с уважением указывают дорогу. Чтобы заработать на жизнь, занимаясь сельским хозяйством, Рышарду несколько лет назад пришлось

учредить фирму. Он был первым в Малопольше. Сначала соседи крутили пальцем у виска. Потом прониклись уважением. Так и по сей день. Рышард знал, что стабильный заработок обеспечит ему только постоянный сбыт. И он его нашел. Его овощи скупают краковские центры социальной помощи. Заработок небольшой, но систематический. Он не тревожился, потому что знал: выращенные морковь и капуста уже заказаны. Центры помощи ведут расчеты только по накладной, так что фирма оказалась необходима. Чтобы выйти на покупателей, сельскохозяйственное предприятие, зарегистрированное как фирма, должно было принимать участие в торгах. В условиях торгов, помимо вопроса о цене овощей, был и вопрос о ценах на цитрусовые. Рышарду пришлось открыть вторую фирму, занимающуюся поставкой цитрусовых. Несколько дней назад над делом его жизни нависла тень Путина. Приезжает сын хозяина после визита в один из центров социальной помощи и сообщает, что овощей больше брать не будут. Причина? Меры правительства в связи с российским эмбарго. Краковские центры помощи бесплатно получают часть сельскохозяйственной продукции, которую отказалась покупать Россия. Пострадавшие крестьяне получают деньги от государства. «Дать одному и забрать у другого — это не решение», — возмущается решением правительства фермер из-под Кракова.

Рышард помнит времена, когда держал по 100 поросят и бычков, а семь тонн его капусты отправляли вагоном в Россию.

— Это было время так называемой коммуны. Крестьянам тогда было неплохо. Мясо у меня тоже шло в Россию.

Рышард, его жена Людмила и дети уже закалены в боях за выживание. Недавно снова было два «налета». На этот раз их хозяйство навестили контролеры из «Hazard Analysis and Critical Control Points» (анализ рисков и критические контрольные точки), из Государственной инспекции охраны растений и Государственной ветеринарной инспекции. Выдержали. С этим справились и с Путиным справятся.

Королева паприки

Рынок «Петрушковый» пользуется большим интересом со стороны местных гурманов, особенно из Подгужа. Что интересно: одни и те же продукты в экологических магазинах, как правило, продаются не так хорошо, как на рынке. Тяга горожан к природе становится едва ли не осязаемой. У прилавка на углу — большая очередь, и желающих не убывает. Симпатичная девушка продает паприку всех цветов радуги и

все возможные сорта тыквы. Молодая аграрница Дарья Лятало учится на юридическом факультете и вместе с родителями ведет овощное хозяйство в Вавженчице. Покупателям дает визитки, приглашает на фанпейдж и поражает профессиональным подходом. О своих продуктах она знает все. Это пример современного фермера-маркетолога, который знает, кому и что нравится. Детишки приходят к Дарье за розовой или коричневой паприкой. Красавец-мужчина возьмет маленькую острую паприку, чтобы приготовить блюдо для своей «второй половины». Цена — 10 злотых за килограмм — поначалу может отпугнуть. Клиенты покупают несколько штук и платят 3-4 злотых.

Паприка растет в хозяйстве родителей Дарьи, которые 20 лет назад получили его в наследство от своих родителей. Мама девушки очень любит кулинарные программы. Вот в них она и увидела разноцветную паприку, а Дарья быстренько по интернету нашла семена и заказала их в разных уголках мира. Год назад над Вавженчицами прошел град. Ветер порвал укрывающие паприку пленки, овощи погибли. «Чтобы выжить, всегда надо иметь аварийный вариант», — объясняет девушка. Аварийный вариант — это тыквы. Иногда в хозяйство семьи Лятало приезжают заграничные машины, клиенты-иностранцы удивляются, что знакомые им сорта прекрасно растут в польских условиях.

Четыре стихии

В объединение «Тракт четырех стихий» входят представители четырех гмин: Ланцкороны, Стрышова, Мухажа и Кальварии-Зебжидовской. Вместе с фондом «Партнерство в пользу окружающей среды» они приняли решение помочь крестьянам, которым негде и не за что перерабатывать продукцию. С помощью средств из Швейцарии удалось построить в Стрышове первый в Польше «продовольственный инкубатор». На практике это означает возможность воспользоваться высокотехнологичной сокоотжимной машиной и другим перерабатывающим оборудованием. Крестьяне в восторге: наконец-то весь урожай пойдет в дело. И можно не только переработать продукцию, но и легально продать на рынке или через магазин местных товаров. Самостоятельно крестьянин не может перерабатывать непроданные яблоки, потому что его связывают сложные правила. Машина для переработки яблок на сок стоит минимум 70 тыс. злотых, оборудование и другая аппаратура — еще столько же. Во Франции или Словакии фермеры могут легально осуществлять домашнее производство, перерабатывая

собственную продукцию и продавая ее. Мобильные сокоотжимные установки подъезжают прямо на ферму, правда, только туда, где окупаются транспортные расходы. Некоторые хозяева должны иметь, как минимум, 20 тонн на переработку.

В Ленкавице, за Ланцкороной и Стрышовом, живет Антоний Садзиковский. Машинист с 30-летним стажем, водил паровозы и электровозы. Посмеиваясь, говорит, что его фамилия кое к чему обязывает. Так что у него сад. Вместе с женой Юзефой он показывает свое королевство. Более двух гектаров сада. Ветви гнутся под тяжестью фиолетовых слив и налитых яблок. Среди крон видно голову сына. Михал помогает отцу снимать сливы к завтрашнему заказу из пекарни — 300 кг. Антоний гордится наследником, который охотно помогает родителям. Молодой фермер взял кредит на сельскохозяйственную деятельность и купил современный трактор. Расширил работу фирмы, оказывая сельскохозяйственные услуги. Развивает хозяйство, потому что, как и отец, любит работу на земле. Антоний говорит, что выгоднее всего — это все же выращивать яблоки. Он перешел на них в 90-х. С этими фруктами минимальный риск потерь. Одного опрыскивания довольно, чтобы урожай удался.

Годовой доход от фруктов — ок. 20 тыс. злотых. Реально этих денег хватает на покрытие части счетов и скромное питание. У Антония, однако, то преимущество, что, как мало кто в Польше, он может производить соки, пользуясь оборудованием объединения «Тракт четырех стихий». Вместе с сыном он учился делать хорошие соки. Ездили к Гжегожу Мухе в Камянную под Новый-Сонч. Раньше он давил яблоки в мясорубке. Сейчас с гордостью показывает оборудование, которым может пользоваться благодаря объединению. Угощает восхитительным яблочным соком без сахара и консервантов. «Такой сок, если его правильно приготовить, может стоять даже год и не испортится», — утверждает Антоний.

Через несколько дней в соседний Мухаж приедут немцы. Антоний повезет туда яблоки из старого сада на закупку. Немцы ищут яблоки некрасивые, маленькие, не подвергавшиеся химической обработке. Их интересуют старые сорта. Из польской скупки яблоки попадут в немецкие магазины экологических продуктов. Быть может, как и в прошлом году, немцы пришлют к Садзиковскому своего инспектора. В Мухаже закупочная цена вполне приличная. Не 17 грошей, как дают польские перекупщики, а минимум 29.

Увы, в нынешнем году урожай яблок удался. И девать их некуда. Польский рынок переполнен яблочным соком. Антоний хотел бы официально сушить яблоки, но сушилку отобрала санэпидстанция, а купить новую и оборудовать специальное помещение для фасовки — ему не по карману.

Анна Мончка

*

Еврокомиссия намеревается ввести в действие дополнительный механизм поддержки плодоовощного сектора, подпавшего под российское эмбарго. Из фондов Евросоюза планируется направить 125 млн евро на осуществление мероприятий в связи с переизбытком на рынке части урожая овощей и фруктов скоропортящихся сортов, которые нельзя долго хранить после сбора, а ни одного альтернативного российскому рынку сбыта не находится. Комиссия определила, что помощь должна распространиться на такую продукцию, как томаты, морковь, капуста, паприка, цветная капуста, огурцы и корнишоны, шампиньоны, яблоки, груши.

Указанные экстренные средства для преодоления затоваренности рынка должны быть направлены по преимуществу на бесплатное распространение вышеназванных фруктов и овощей по гуманитарным и благотворительным организациям и другим общественным институтам, а также на компенсацию производителям за «неуборку» или «незрелую уборку». Еврокомиссия объявила, что финансовая помощь будет распространяться на изъятие с рынка поставляемых товаров независимо от принадлежности производителей к каким бы то ни было группам или организациям, то есть охватывает также индивидуальных производителей.

Источник: Министерство сельского хозяйства и развития деревни.

В воскресенье на крупнейшем продовольственно-сельскохозяйственном рынке в Малопольше не слишком оживленно. Время от времени к продавцам подходят скучающие клиенты. Прицениваются к фруктам и идут дальше, потому что выбор большой. На прилавках царят яблоки. Польский рынок уже переполнен ими, а сезон только начинается. Один из садоводов откровенничает: он не знает, что делать с яблоками, которые вот-вот надо собирать. Как справляются производители с избыточным урожаем?

Гость из-под Люблина

Возле автомобилей, загруженных ящиками с яблоками, сливами и перси-ками, сидят фермеры из разных частей страны. Среди них садовод Кшиш-тоф Колодзейчик. Худощавый, лет пятидесяти. Он приехал из-под Люблина, из Закшева. В нынешнем году — в первый раз. А все из-за Путина с его эмбарго на польские яблоки. Кшиштоф знает, что в Люблинском воеводстве он урожай не продаст. Еще год назад в его деревне был закупочный пункт. При-езжали русские посредники, а как-то появился даже перекупщик из Радома: поехал в Россию — и теперь о нем ни слуху, ни духу. Несмотря на то, что стоимость произ-водства килограмма яблок составляет один злотый, при закупке давали 17 грошей. Но все же это были какие-то деньги, а яблоки не пропадали. Кшиштоф не знает, кому и за сколько русские сбывали его яблоки. Важно, что благодаря им у него было на жизнь. Вместе с женой он окончил сельскохозяйственную школу по специ-альности садоводство. Другого источника дохода у них нет. Во-семь гектаров сада занимают яблони, рядом один гектар вишни. В помощь себе Кшиштоф никого не нанимает, это ему не по карману. Добросовестно ведет дневник химической обработки во избежание претензий от ОПФ (Объ-едине-ния по производству фруктов).

Чтобы добраться в Рыбитвы, Кшиштоф выехал из своего Закшева днем раньше, в девять вечера. У него осталось еще несколько ящиков доброго старого сорта «джерсимак» — крупных, сочных яблок с белой мякотью. Таких у других про-давцов на рынке нет: сорт трудоемкий, требующий очень хорошей почвы. «С этим сортом рискуешь сильно. Без химии не обойтись. К сожалению, покупатель предпочитает яблоки поменьше», — говорит Кшиштоф. Слово в подтвер-ждение его слов, мимо прилавка проходит женщина среднего возраста и останавливается у со-седа, рассматривая маленькие яблочки. Такая мода.

Кшиштоф доволен своим сортом, потому что, хотя издерж-ки на производство немалые и уход нужен особый, урожай всегда обильный. Около четырех утра неожи-данно появился клиент и купил 40 ящиков. Через два часа — второй. Загру-зил 28. В Люблине так много не берут. По-видимому, оптовики, полагает са-довод. Наш разговор прерывает мужчина, присматривающийся к яб-локам Кшиштофа в 20-кологических ящиках:

— Почему?

— По 20 за ящик. Де-шево. А вы, наверное, тоже с яблоками? — догадывается Кшиштоф.

Мужчина кивает и быстро ретируется.

Польский рынок уже заполнен яблоками, а сезон ведь только начинается. На деревьях у Кшиштофа висят яблоки сортов, которые покупали россияне: «джонаголд», «пауларед», «деликатес», «пирос». Садовод признается, что не представляет, что делать с урожаем, который вот-вот надо снимать. Пока зывает на знакомого, сидящего несколько прилавков дальше, который торчит здесь уже третьи сутки. За каждые надо платить 51 злотый.

— Второй день мне не потянуть. Буду сворачиваться. За топливо отдал 200 злотых. Транспортные расходы всю прибыль съедают. Заработал всего 100 злотых. Не знаю, приеду ли сюда еще, — грустно говорит Кшиштоф.

— А переработка, экология? Экологические продукты дороже — может, вы бы заработали на этом? — я пытаюсь найти решение.

Фермер объясняет, что согласно экологическим стандартам нельзя проводить опрыскивание, а «джерси-мак» без него болеет. «Даже если бы я попробовал, то все равно соседи пользуются химией, ветер перенесет что-нибудь на мои деревья, и мне придется вернуть экологический сертификат».

К разговору прислушивается загорелый мужчина в элегантной рубашке. Он зарабатывает разделкой рыбы в Исландии, а живет в Малопольше. «Когда-то мы не умели производить, а сейчас не умеем продавать. Зачем мы столько лет мы судорожно держались за одного покупателя? Почему ни-кто не знает, что у нас больше яблок, чем у китайцев, французов, американцев?» — пытается он начать дискуссию. Молчание люблинского садовода красноречивее резких слов элегантного господина...

Отец Кшиштофа Колодзейчика держал корову и свинью. Если переключиться на животноводство, надо вырубить часть сада, а Кшиштоф этого не хочет. Он признается, что иногда раздумывает: а стоит ли так надрываться, может лучше продать трактор, машину и жить себе спокойно? Но, честно говоря, он не знает, как еще мог бы заработать на жизнь. Сегодня он поторгует еще несколько часов, пока не надо платить за место за следующие сутки. Он еще не знает, будет ли снимать яблоки, которые созревают. Нет холодного склада, соответствующего евросоюзским стандартам, а самостоятельно перерабатывать и сушить фрукты Кшиштоф не может, потому что это запрещено законом. Если повезет,

может быть, ему удастся что-то продать на переработку. Да только слишком много же-лающих.

Рынок «Петрушковый» и оборотистый Рышард

В Малопольше на помощь крестьянам приходят объединения, организующие экологические и региональные ярмарки. Это настолько выгодно, что на рынок «Пет-рушковый» в Краков крестьяне приезжают, преодолевая иногда более 100 км в одну сторону. Рынок работает уже второй год, а идею обществу «Podgórze.pl» подали жители этого района. Раньше в окрестностях негде было купить свежих сельхозпродуктов. Общество приняло участие в польско-швейцарской программе сотрудничества. Продавцы могут торговать каждую субботу. Экологичность их продуктов проверяют члены общества, навещая хозяйства. Каждую субботу прилавков одного из фермеров ломится от огромного количества самых разных овощей. Трудно поверить, что, придерживаясь экологических стандартов, можно про-изводить столько разных продуктов.

— Они провели на меня «налет», но я показал сомневающимся, что можно про-изводить много здоровой продукции, — рассказывает фермер, поже-лавший сохранить анонимность.

— Получается ли продержаться на овощах? — задаю вопрос не без недоверия.

Хозяин — фермер с опытом. Когда в его родных местах я расспрашиваю, как найти его хозяйство, люди с уважением указывают дорогу. Чтобы заработать на жизнь, занимаясь сель-ским хозяйством, Рышарду несколько лет назад пришлось учредить фирму. Он был первым в Малопольше. Сначала соседи крутили пальцем у виска. Потом прониклись уважением. Так и по сей день. Рышард знал, что стабильный заработок обеспечит ему только постоянный сбыт. И он его нашел. Его овощи скупают кра-ков-ские центры социальной помощи. Заработок небольшой, но систематиче-ский. Он не тревожился, потому что знал: выращенные морковь и капуста уже за-казаны. Центры помощи ведут расчеты только по накладной, так что фирма оказалась необходима. Чтобы выйти на покупателей, сельскохозяйст-венное предприятие, зарегистрированное как фирма, должно было принимать уча-стие в торгах. В условиях торгов, помимо вопроса о цене овощей, был и во-прос о ценах на цитрусовые. Рышарду пришлось открыть вторую фирму, за-нимаю-щуюся поставкой цитрусовых. Несколько дней назад над делом его жизни нависла тень Путина. Приезжает сын хозяина после визита в один из центров со-циальной помощи и сообщает, что овощей больше брать не будут. При-

чина? Меры правительства в связи с российским эмбарго. Краковские центры помощи бесплатно получают часть сельскохозяйственной продукции, которую отказалась покупать Россия. Пострадавшие крестьяне получают деньги от государства. «Дать одному и забрать у другого — это не решение», — возмущается решением правительства фермер из-под Кракова.

Рышард помнит времена, когда держал по 100 поросят и бычков, а семь тонн его капусты отправляли вагоном в Россию.

— Это было время так называемой коммуны. Крестьянам тогда было не-плохо. Мясо у меня тоже шло в Россию.

Рышард, его жена Людмила и дети уже закалены в боях за выживание. Не-давно снова было два «налета». На этот раз их хозяйство навестили контро-леры из «Hazard Analysis and Critical Control Points» (ана-лиз рисков и критические контрольные точки), из Государственной инспек-ции охраны растений и Государственной ветеринарной инспекции. Выдержали. С этим справились и с Путиным справятся.

Королева паприки

Рынок «Петрушковый» пользуется большим интересом со стороны местных гурманов, особенно из Подгужа. Что интересно: одни и те же продукты в эко-логических магазинах, как правило, продаются не так хорошо, как на рынке. Тяга горожан к природе становится едва ли не осязаемой. У прилавка на углу — большая очередь, и желающих не убывает. Симпатичная девушка продает паприку всех цветов радуги и все возможные сорта тыквы. Мо-лодая аграрница Дарья Лятало учится на юридическом факультете и вме-сте с родителями ведет овощное хозяйство в Вавженчице. Покупателям дает ви-зитки, приглашает на фанпейдж и поражает профессиональным подходом. О своих продуктах она знает все. Это пример современного фермера-маркетолога, который знает, кому и что нравится. Детишки приходят к Дарье за розовой или ко-ричневой паприкой. Красавец-мужчина возьмет маленькую острую паприку, чтобы приготовить блюдо для своей «второй половины». Цена — 10 злотых за килограмм — поначалу может отпугнуть. Клиенты покупают несколько штук и платят 3-4 злотых.

Паприка растет в хозяйстве родителей Дарьи, которые 20 лет назад получили его в наследство от своих родителей. Мама девушки очень любит кулинарные про-граммы. Вот в них она и увидела разноцветную паприку, а Дарья быстренько по

интернету нашла семена и заказала их в разных уголках мира. Год назад над Вавженчицами прошел град. Ветер порвал укрывающие паприку пленки, овощи погибли. «Чтобы выжить, всегда надо иметь аварийный вариант», — объясняет девушка. Аварийный вариант — это тыквы. Иногда в хозяйство семьи Лятало приез-жают заграничные машины, клиенты-иностранцы удивляются, что знакомые им сорта прекрасно растут в польских условиях.

Четыре стихии

В объединение «Тракт четырех стихий» входят представители четырех гмин: Ланцкороны, Стрышова, Мухажа и Кальварии-Зебжидовской. Вместе с фондом «Партнерство в пользу окружающей среды» они приняли решение по-мочь крестьянам, которым негде и не за что перерабатывать продукцию. С помощью средств из Швейцарии удалось построить в Стрышове первый в Польше «продовольственный инкубатор». На практике это означает возмож-ность воспользоваться высокотехнологичной сокоотжимной машиной и дру-гим перерабатывающим оборудованием. Крестьяне в восторге: наконец-то весь урожай пойдет в дело. И можно не только переработать продукцию, но и легально продать на рынке или через магазин местных товаров. Самостоятельно крестьянин не может перерабатывать непроданные яблоки, потому что его связывают сложные правила. Машина для переработки яблок на сок сто-ит минимум 70 тыс. злотых, оборудование и другая аппаратура — еще столько же. Во Франции или Словакии фермеры могут легально осуществлять домашнее производство, перерабатывая собственную продукцию и продавая ее. Мобильные сокоотжимные установки подъез-жают прямо на ферму, правда, только туда, где оку-паются транспортные расходы. Некоторые хозяева должны иметь, как мини-мум, 20 тонн на переработку.

В Ленкавице, за Ланцкороной и Стрышовом, живет Антоний Садзиковский. Машинист с 30-летним стажем, водил паровозы и электровозы. Посмеиваясь, говорит, что его фамилия кое к чему обязывает. Так что у него сад. Вместе с же-ной Юзефой он показывает свое королевство. Более двух гектаров сада. Ветви гнутся под тяжестью фиолетовых слив и налитых яблок. Среди крон видно голову сына. Михал помогает отцу снимать сливы к завтрашнему заказу из пекарни — 300 кг. Антоний гордится наследником, который охотно помо-гает родителям. Молодой фермер взял кредит на сельскохозяйст-венную деятельность и купил современный трактор. Расширил работу фирмы,

оказывая сельскохозяйственные услуги. Развивает хозяйство, потому что, как и отец, любит работу на земле. Антоний говорит, что вы-годнее всего — это все же выращивать яблоки. Он перешел на них в 90-х. С этими фруктами минимальный риск потерь. Одного опрыскивания довольно, чтобы урожай удался.

Годовой доход от фруктов — ок. 20 тыс. злотых. Реально этих де-нег хватает на покрытие части счетов и скромное питание. У Антония, од-нако, то преимущество, что, как мало кто в Польше, он может произво-дить соки, пользуясь оборудованием объединения «Тракт четырех сти-хий». Вместе с сыном он учился делать хорошие соки. Ездили к Гжегожу Мухе в Камянную под Новый-Сонч. Раньше он давил яблоки в мясорубке. Сейчас с гордостью показывает оборудование, которым может пользоваться благодаря объединению. Угощает восхитительным яблочным соком без са-хара и кон-сервантов. «Такой сок, если его правильно приготовить, может стоять даже год и не испор-тится», — утверждает Антоний.

Через несколько дней в соседний Мухаж приедут немцы. Антоний повезет туда яблоки из старого сада на закупку. Немцы ищут яблоки некрасивые, малень-кие, не подвергавшиеся химической обработке. Их интересуют старые сорта. Из польской скупки яб-локи попадут в немецкие магазины экологических продуктов. Быть может, как и в прошлом году, немцы пришлют к Садзиковскому своего инспектора. В Мухаже закупочная цена вполне приличная. Не 17 грошей, как дают поль-ские перекупщики, а минимум 29.

Увы, в нынешнем году урожай яблоск удался. И девать их некуда. Польский рынок переполнен яблочным соком. Антоний хотел бы официально сушить яблоки, но сушилку отобрала санэпидстанция, а купить новую и оборудовать специальное помещение для фасовки — ему не по карману.

Еврокомиссия намеревается ввести в действие дополнительный механизм поддержки плодоовощного сектора, подпавшего под российское эмбарго. Из фондов Евросоюза планируется направить 125 млн евро на осуществление мероприятий в связи с переизбытком на рынке части урожая овощей и фрук-тов скоропортящихся сортов, которые нельзя долго хранить после сбора, а ни одного альтернативного российскому рынка сбыта не находится. Комиссия определила, что помощь должна распространиться на такую продукцию, как томаты, морковь, капуста, паприка, цветная капуста, огурцы и корнишоны, шампиньоны, яблоки, груши.

Указанные экстренные средства для преодоления затоваренности рынка должны быть направлены по преимуществу на бесплатное распространение вышеназванных фруктов и овощей по гуманитарным и благотворительным организациям и другим общественным институтам, а также на компенсацию производителям за «неуборку» или «незрелую уборку». Еврокомиссия объявила, что финансовая помощь будет распространяться на изъятие с рынка поставляемых товаров независимо от принадлежности производителей к каким бы то ни было группам или организациям, то есть охватывает также индивидуальных производителей.

Источник: Министерство сельского хозяйства и развития деревни.

ПАПА КАЗИКА

...Казика, или Казимежа Сташевского, одного из виднейших музыкантов польского рока, певца и поэта. А папа? Станислав Сташевский, бонвиван, дамский угодник с гитарой, легендарный бард, «папа Казика», а также архитектор, публицист, солдат Армии Крайовой, узник концлагеря Эбензее в Австрии, идейный коммунист, антикоммунист, агент госбезопасности по кличке «Новый», парижский эмигрант — вот те ярлыки, к которым часто прибегают, чтобы охарактеризовать личность Станислава Сташевского, причем ярлык выбирается в зависимости от намерений рассказчика и степени его близости со Сташеком. В книге Казика Сташевского и Ярослава Дуся «Отец поневоле», выпущенной в этом году издательством «Космос», эти характеристики впервые оказываются тесно переплетены друг с другом, подробно повествуя о жизни и творчестве героя книги, а также рисуя убедительный и глубокий портрет автора таких песен, как «Селина», «Барашек» и «Бал чертежников».

1993 год превратил Станислава Сташевского в легендарную фигуру польской поп-культуры — именно тогда состоялась премьера фильма Ежи Залевского «Папа Казика», а также вышел одноименный альбом группы «Культ», возглавляемой сыном Станислава — Казимежем, в который вошли песни его отца в рок-аранжировках (в рецензиях на этот альбом и последовавший за ним второй сборник песен «папы Казика» журналисты пользовались термином «городской фолк»). Альбом снискал огромную популярность, официально было продано 700 тысяч копий (и это во времена оголтелого пиратства, когда охрана авторских прав и вообще представления о его существовании находились в Польше в самой зачаточной стадии). В 80-е годы в Польшу попали немногочисленные экземпляры кассет с записями песен Сташевского (к сожалению, качество записей оставляло желать лучшего). Они имели хождение в основном в кругах, связанных с парижской эмиграцией и самиздатовским подпольем, некоторые записи оказались у студентов полонистики Варшавского университета. Так их услышал вернувшийся из эмиграции Яцек Качмарский, включивший некоторые песни в свой репертуар, а в 1992 году композиции «Барашек», «Инженеры с „Петробудовы”», «Бал чертежников» и «Селина» вышли на концертном альбоме Качмарского «Банкет». К

режиссеру Ежи Залевскому кассета с произведениями Сташевского случайно попала, когда он был в Швеции.

В 1993 году Станислав Сташевский из человека широко известного в узких кругах стал идиолом польской рок-культуры. Фильм Залевского, материалы к которому режиссер собирал несколько лет, содержит два плана: музыкальный (песни Сташевского исполняет группа «Культ», создавая музыкальный фон для появляющихся на экране фотографий; также звучат фрагменты песен в авторском исполнении) и документальный (о Сташевском рассказывают наиболее близкие ему люди, в том числе его жена Кристина и сын Казимеж). Воспоминания друзей в первую очередь связаны с бесконечными вечеринками и явной тягой поэта к женскому полу — из этих рассказов возникает образ божественного художника с неудовлетворенными амбициями, безнадёжного бабника, чья гитара притягивала женщин как магнит. Человека, который прокутил собственную жизнь. Сорвиголовы, которому даже больное сердце никогда не мешало принимать самое активное участие в бурной светской жизни польской парижской эмиграции. В этих интервью Сташевский предстает как фигура достаточно одномерная, тональность бесед — исключительно позитивная, в них нет места рефлексии, а изрядный налет сентиментальности создает впечатление, что рассказчики тоскуют не столько по своему приятелю, сколько по вечеринкам, на которых они веселились вместе. Самые важные слова в этом фильме произнес Яцек Качмарский: «Мы поняли, что на этой единственной обнаруженной там (в Париже – А.Т.) кассете были записи Сташевского десятилетней давности. Сам он к тому времени уже десять лет как умер. Это культовая кассета, да и само его творчество — предмет культа. Поскольку большинство представителей нашего поколения не знали его лично, о нем ходили легенды, основанные на рассказах старых эмигрантов — русских, польских чешских, но в основном все-таки русских и польских: это были рассказы о толпах женщин, круживших вокруг него, и вообще об атмосфере вечеров тех лет. Разумеется, водка, танцы до упаду, экзистенциальный бунт против окружающего мира и одновременно безоговорочное согласие с его законами — все это, как в зеркале, отразилось в песнях Сташевского, записанных на одной-единственной кассете».

Ежи Залевского познакомила с Казиком Кристина Сташевская, жена Станислава. Режиссер написал ей из Швеции, что собирается снять документальный фильм о ее муже. Она ответила согласием и упомянула, что у их сына есть своя рок-группа. Режиссер знал и ценил творчество группы «Культ», но и

не подозревал, что ее лидер — сын Станислава Сташевского. Благодаря такому стечению обстоятельств Залевскому удалось убедить Казика специально для проекта записать со своей рок-группой несколько песен отца. Так появились первые треки для альбома «Папа Казика».

До этого Казимеж Сташевский не интересовался творчеством отца. Ребенком он всегда радовался присылаемым Сташевским-старшим из Франции подаркам, благодаря которым мальчик пользовался особым авторитетом среди ровесников. Когда Станислав умер, его сыну было десять лет. В последний же раз они виделись и вовсе, когда Казик был четырехлетним карапузом. Все, что осталось у сына от отца, кроме подарков, была их корреспонденция, однако сообщала она немного и, во всяком случае, не содержала ответа на вопрос, почему Сташевский жил вдали от собственной семьи. После его смерти Казiku в наследство (кроме коллекции пластинок Армстронга, «Битлз» и французских шансонье, катушечного магнитофона, стерео-адаптера и хэммонд-органа) досталась кассета с записанными отцом песнями собственного сочинения. Уже будучи подростком, в эпоху панка, Казик записал на одну сторону кассеты Игги Попа, а на другую — «The B-52's». И только по настоятельному совету Залевского сын обратил внимание на творчество отца. Песни Сташевского-старшего он слушал без малого четыре года и в результате решил записать их со своей группой «Культ».

Еще до записи и выпуска альбома с песнями отца Казик Сташевский по праву считался в Польше одним из первых независимых артистов, чья музыка стала достоянием массовой культуры. С 1982 по 1993 год (в котором, собственно, и был выпущен альбом «Папа Казика») группа «Культ» (в 1979–1980 гг. называвшаяся «Poland») записала шесть долгоиграющих альбомов. Наибольшим успехом у публики пользовались альбомы «Послушай, это тебе» и «Спокойно», вышедшие в 1987 и 1988 гг. соответственно. В эти альбомы вошли такие песни, как «Польша», «Водка», «Эй, не знаете ли вы», «Четыре всадника», «Арахия», «К Ане», которые до сих пор находятся в постоянном концертном репертуаре группы. Сильное влияние на музыку «Культа» оказали панк-рок и «новая волна», но в их песнях слышны также психоделические и джазовые мотивы. Тематику же своих текстов Казик с самого начала черпал из современной ему общественно-политической жизни. Многие песни Казика представляют из себя своего рода авторский комментарий к реальным событиям или даже являются песнями протеста, как, например, «Арахия», которая метафорически отсылает к разделению Берлина. В этом

коренное отличие Казика от его отца — творчество Станислава Сташевского в основном концентрировалось на событиях светской жизни и человеческих взаимоотношениях.

«Папа Казика» стал первым альбомом в дискографии группы, выпущенным независимой музыкальной фирмой «S.P. Rekords», которую друг Казика, Славек Петшак, создал специально для записи пластинок «Культа». Материал к альбому отбирался таким образом, чтобы каждый трек был потенциальным хитом. Выбор оказался безупречным.

Альбом открывается песней «Селина», современной балладой, в основе которой лежат мотивы городского фольклора. Это полный жестокой иронии и драматизма рассказ об одной ночи из жизни женщины, находящейся в четырехдневном запое. Следующая песня называется «Девушка боялась похорон» — Сташевский написал ее в Плоцке, вдохновившись образом молодой барышни, жившей напротив бюро ритуальных услуг в те времена, когда гробы перевозились на конных упряжках. Третья песня альбома — «Барашек» — рассказывает о парижской знакомой автора, девушке из хорошей семьи, но довольно свободного поведения. Так же, как и «Селина», песня вошла в постоянный концертный репертуар «Культа». В «Вечной невесте» содержится едкая пародия на юных, эмоционально незрелых девиц, толпами окружавших Сташевского, как только он брал в руки гитару и начинал петь. «Королева жизни» — это трогательный рассказ о вступлении во взрослую жизнь, «Инженеры с „Петробудовы”» — шуточный рабочий гимн в честь появившихся в Польше петрохимических заводов, «Кафе убийц» — песня о бывших солдатах Армии Крайовой, а ныне безработных, «В черной урне» — одно из самых личных произведений во всем альбоме, посвященное последней возлюбленной Сташевского, Ивоне Квятковской, которая была моложе его на 23 года, «Весна вернется, баронесса» — стихотворение Константы Ильдефонса Галчинского (чье творчество артист ценил выше всех остальных современных ему поэтов). «Марианна» была написана весной 1968 года в Париже, и рассказывает о студенческом бунте, являясь символом тогдашней Франции, «Шлюхи перелетные» — разбитная песенка о стюардессах, «Бал чертежников» — портрет парижской эмиграции, а завершает альбом русская блатная песня «Дипломат».

Невооруженным взглядом видно, что более всего вдохновляли Сташевского женщины. Их образы стали важнейшей составляющей творчества автора «Бала чертежников». Все песни Сташевского, включая посвященные прекрасному полу,

буквально пропитаны пессимистичным и фаталистическим видением окружающего мира. И Селина, и героиня «Барашка», и стюардессы — все они, по сути, падшие женщины; девушку, которая боится похорон, ждет совершенно кошмарный хэппи-энд, последний куплет песни «В черной урне» не оставляет никаких иллюзий относительно того, чем заканчиваются женско-мужские отношения (роману с Ивоной Квятковской положила конец смерть Сташевского). Герои «Кафе убийц» из рыцарей превратились в безработных, не вписывающихся в послевоенные реалии, а «Бал чертежников» венчает сентенция, которая смело претендует на эпитафию автора этой песни: «Дорогу в жизни выбирая, / пойти неправильным путем». Здесь лирический герой целиком принимает окружающую действительность и даже не пытается ее изменить, а у «Инженеров с „Петробудовы”» есть два варианта — либо «выспаться в песке возле комбината», либо дождаться «войны за мир».

В 1996 году «Культ» записал альбом «Папа-2», но серьезного коммерческого успеха на этот раз достичь не удалось. В первую очередь это было связано с тем, что на второй альбом попали произведения более личного, рефлексивного характера, менее «хитовые», при этом звучание их было столь же пессимистичным, как и на первом альбоме. Здесь явно доминируют песни о женщинах: альбом открывает акустическая композиция «Если хочешь уйти — уходи»; есть на пластинке и дуэт с Виолеттой Виллас — «Люби меня, и я буду твоя», а также композиция «Ты или никто». На альбоме появились две песни на стихи Галчинского — «Смерть поэта» и «Баллада о двух сестрах» — и две русскоязычные композиции, «Долина» и «Провокатор». Своеобразная переключка с «Инженерами с „Петробудовы”» появляется в «Сталинской колыбельной»; особой грустью проникнута песня «Одинокие люди». Можно сказать, что этот альбом оказался приложением к своему предшественнику — он не предлагает слушателю нового образа Станислава Сташевского, главным образом потому, что никакого другого образа просто не было. В музыкальном плане альбом записан на столь же высоком уровне, что и «Папа Казика».

В 1998 году «S.P. Rekords» выпустило диск с оригинальными версиями этих песен в исполнении самого Станислава Сташевского. Оказалось, что артист пел и играл на гитаре из рук вон плохо. Сам Казик, впрочем, настаивает, что его отец обладал харизмой в духе Жоржа Брассенса. Этот альбом имеет прежде всего архивно-познавательную ценность, являясь

первым личным высказыванием Станислава Сташевского, с которым могли ознакомиться заинтересованные слушатели.

Альбомы, записанные «Культом», вместе с фильмом Ежи Залевского поместили фигуру Станислава Сташевского в область мифа. Рок-культура обожает харизматических гуляк, бабников с гитарами и маргинальных бонвиванов. Если же кто-то такой «живет быстро, а умирает молодым», ему легче попасть в пантеон героев. Во многочисленных интервью, связанных с выходом книги «Отец поневоле», Казик говорил, что такой образ отца никогда не был ему близок, и это послужило одной из причин появления книги. Ее главным достоинством стало то, что авторы предоставили слово самому герою, опубликовав его письма к родным и близким, благодаря этому портрет Сташевского оказался гораздо богаче и интересней.

Сташек Сташевский

ПЕСНИ ХУЛИГАНА

БАЛ ЧЕРТЕЖНИКОВ

Смотри же —

плывет над Сеной хоровод больших огней.

В Париже

гремит полночный хор, горланя всё сильнее.

Столица

своими крышами взрезает неба полотно.

Горит окно —

кому-то там опять не спится.

В мансарде жилы рвет гулянка,

проблемы упорхнули прочь,

карманы наши наизнанку

нам выворачивает ночь.

Когда работы — не по росту,

от чертежей парижских крыш

ты вечером к коньячным звездам,

как первый спутник, полетишь.

Я брошу в небеса окурок —

мне улыбнется, невредим,

готичный ангел белокурый,

чьи руки сладки, точно дым.

Сидит напротив эта фея,

в глазах разлит цветной туман,

а между нами батарея,
два чувака и ржавый кран.
Кто может
по-польски молча пить и яростно молчать?
Дебошем
потешить сердце и любому в морду дать?
О Боже,
вновь ее руки обнимают не того.
Прости, Марго,
но я ему расквашу рожу.
Стоит в мансарде запах драки —
хана квартире, вашу мать.
А лягушатнику-кривляке
тем более несдобровать.
Что мне их устрицы и франки,
когда из Польши я привез
всё, что мне нужно, чтоб по пьянке
сломать любой французский нос.
Я не менял своих привычек —
плевать, что ты за ним бежишь,
плевать, что, твой снимая лифчик,
тебя ласкает нувориш.
Накатим виски грамм по двести,
как я люблю судьбу мою —
пускай мой адрес неизвестен,
но имя точно не пропью.

Меня ты променяла ловко
на бутики а-ля сортир,
и он берет тебя, дешевка,
а мне остался целый мир.
И мы по стопке вмажем, зая,
чтоб каждый в праве был своим,
дорогу в жизни выбирая,
пойти неправильным путем.

СТАРЕЮЩИЙ СОПЛЯК

Я стареющий сопляк,
годы кажут мне кулак —
как так можно, видит Бог,
время гнуть в бараний рог?
Мир проходит стороной.
Но захочешь — мы с тобой
зашагаем в пустоту,
если жить невмоготу.
Ла-ла-ла — если спеть и выпить, станет жизнь легка.
Ла-ла-ла — как слеза, сползает по бокалу капля коньяка.
Ночь отведет и измену, и беду — на века.
А в сердце моем
вместо крови только пепел и тоска о былом,
только пепел, пепел, пепел...
Ла-ла-ла — если спеть и выпить, станет жизнь легка.
Ла-ла-ла — как слеза, сползает по бокалу капля коньяка.
Ночь отведет и измену, и беду — на века.

И я держу свой стакан,
а в нем целый океан.
Каждый знает, что почем,
оттерев других плечом.
У меня же снова, бля,
всё скатилось до нуля.
А когда прижмет опять
чью-то талию обнять,
передумаю — и в бар:
надо ведь держать удар.
Ла-ла-ла — если спеть и выпить, станет жизнь легка.
Ла-ла-ла — и пускай вы все умней меня, дурака.
Выиграть дворец
можно только, проигравшись вконец.
А в сердце моем
вместо крови серый пепел и тоска о былом,
лишь пепел, пепел, пепел...
Ла-ла-ла — всё гораздо проще, если ты так близка.
Ла-ла-ла — как слеза, сползает по бокалу капля коньяка.
Таает в ночи черный холод наших слабых сердец.
Будь же со мной, ведь однажды этой сказочке конец.

МАРИАННА

У Марианны фужеров флотилия,
у Марианны шампанское в лилии,
у Марианны орехи грецкие,
тебя Марианна поцелует не по-детски.

Стрельнет застежка лифчика, улыбкой вспыхнет личико,
глядит на нас с иронией — а бедра мечут молнии.

Но к счастью, в своем замке средь зарослей пионов,
храня доспехи ржавые и письма от шпионов,
зная, что романтика сильнее всякой шмали,
живет ее тетка — графиня Идалия.

С нее, как не фиг, станется
внушить своей племяннице,
что жить без баррикад
совсем уж не в умат.

Мы всех достали своей бравадой,
у нас веселье — хоть стой, хоть падай.

От громкой музыки сойдут прыщи на попе,
а революция излечит плоскостопие.

Бабы, грампластинки — всё это нам в новинку:
смерть, гитара, Че Гевара.

А тетка Идалия льет цикуту в кофе,
снимает со стены отравленные копья.

И красную звезду с большой кремлевской елки
шлет Марианне, парижской комсомолке.

Ребенка ест рутина —
пусть же борется со сплином,
и при таких раскладах место ей на баррикадах.

У Марианны цитатник Мао,
серп и молот, битлы и дао.

И знает она, где оттянуться можно смело,

если тебе чтение поднадоело.

Прихлопнет аллигатора блокнотом агитатора,
и из прихожей ада — на баррикады.

А тетка Идалия кормит своих птичек,
(ведь главное — это держаться приличий),
спит на крылечке, пока цветет вишня,
и снится ей общество, где не бывает лишних.
А мокрую работу поручим обормотам,
которые летят
на запах баррикад.

Приснилась Марианна — считай, поллюция.

Но, к счастью, на свете еще есть революция.

Пылают подворотни, бегают полиция —
вы только поглядите на свинские их лица.

Я знаю, эти гады оттрахать будут рады
юную богиню горячей баррикады.

А тетка Идалия набила себе брюхо
и молча раздает холопам оплеухи,
этого на каторгу, другого на конюшню,
цветы на огороде, румянец показушный,
распятие, тапочки, фотоснимок в рамочке,
где твой город-сад, богиня баррикад?
Сбрось, Марианна, платье, отложи цитатник,
завтра тебе уже стукнет тридцатник.

Давай лучше с нами, мы парни с угаром,
у нас такие навыки шатания по барам,

закалка агитпропа и непропитый опыт,
а в рюмке вместо яда — огонь баррикады.
Мы тетку Идалию спрашивать не будем,
а станет нарываться, разок дадим ей в бубен,
выгребем всю кассу, выедем на трассу,
и позади останутся все ваши выкрутасы,
горелый тяжкий смрад эпохи баррикад,
рожи сифилитиков и журналистов-нытиков,
политиков, литкритиков и психоаналитиков,
митинги в мансарде, профсоюзы и компартии, диалектика и
вообще всё,
что нам мешает спокойно лежать на солнце, держа руки
на груди красивой девушки, и смотреть на кучевые облака
белого цвета,
и чтобы небо при этом было такое голубое.

СЕЛИНА

Нас дара речи, как гипноз,
лишил каскад ее волос —
за взгляд Селины, ах, Селины платишь гибелью всерьез.
Она стаканы бьет, и льется ей в горло алкоголя медь.
Она с субботы прошлогодней никак не может протрезветь.
И на осколках, серебрист,
ущербный месяц пляшет твист.
А кто-то в баре третью ночь блатную песню голосит,
там черный Юзек хлещет джин, Селины хахаль и бандит.
Цистерну грусти на спирту он гордо выпил, не спеша,
и вот в сплошную темноту отчалила его душа.

Как саван, побледнел, дебил,
и про Селину позабыл.

Теперь запомните совет, который я бесплатно дам —
когда с похмелья меркнет свет, друзья придут на помощь вам.
Друзья мешают с пивом ром, и Юзеку вливают в рот —
ищи Селину, куль с говном, а то магнитофон пропьет.

Он встрепенулся, он завыл
на небо, что черней чернил.

Селина списана в утиль, я поручусь вам головой,
и вот с компанией громил шурует Юзек к ней домой.

Они вдоль улицы стоят с большими косами в руках
(ложится ночь на циферблат, и смерть дежурит на часах),
молчат, как мертвые, и ждут,
когда сигнал им подадут.

Вот шторы, чувствуя подвох, сигналият яростно луне,
и тень Селины, как цветок, качаясь, движется в окне.

Встает Селина в полный рост и, расхерачив зеркала,
она танцует среди звезд, портьер и битого стекла,
не чувствуя ни рук, ни ног...

Убийцы входят на порог.

Окно разбито, маски — прочь, и в коридоре суета,
Селина убегает в ночь, во тьме сверкает нагота.

Куда сбежать от этих рыл, мой милый, как мне всё забыть?

Эх, Юзек, Юзек, где ж ты был, когда я начинала пить?

На крик слетелось воронье,
косы сверкает острие.

Вы для меня точили лезвие, вы мне готовили петлю.
Подумаешь, опять нетрезвая — кого я этим удивлю?
Хмельные очи, скатерть белая, рассвет не начатого дня.
Любимый, что тебе я сделала, зачем так смотришь на меня?
А Юзек молча вскинул бровь —
и брызнула на шторы кровь,
и мир, как бобик шелудивый, скулил, не в силах встать с земли,
пока Селину, ах, Селину в цветах на кладбище везли.
Над равнодушной мостовой кружится золотая пыль,
а купол неба, сам не свой, гудит, что твой автомобиль.
И Юзек в серый потолок
глядит в тоске, мотая срок.
Лишь иногда простой мотив решетку превращает в дым —
душа Селины, всё простив, ему поет по выходным.
...Ну что ж, сворачиваем кипеш — довольно жарить мимо нот.
Не плачь, красотка — ты же видишь, что эта песня тоже врет.
Прости, баллада, вот и финиш,
прощай, вчерашний анекдот.

МЫ ИЗ ГРОХОВА, С ТОЙ СТОРОНЫ РЕКИ

Я ожидала чего угодно, только не того, что моя «малая родина» станет культовым районом.

Новые панельные дома эпохи ПНР соседствовали со старыми. Кое-где они были деревянными, наверное, еще XIX века. Иногда попадался какой-нибудь исторический особняк. В дырках сгнивших заборов проглядывали остатки садов и палисадников. Курятники, клетки с кроликами. Голуби.

Во второй половине XX века в только что построенном панельном доме с центральным отоплением меня будило пение петуха. Другой раз хриплый голос: «Тряпье, покупаю тряпье!». Летом — распевное блеяние: «Яааагоды, яааагоды!».

Вроде бы Варшава. Но Грохов. Другой мир.

Довоенная школа

Родители по утрам разъезжались на трамваях по стройкам социализма. Чаще всего — на Завод легковых автомобилей и Завод оптических приборов, но некоторые и в конторы, министерства или учреждения внешней торговли. Малолетняя компания оставалась во дворах. Внуки крестьян и бывших дворян, дети пролетариата, потомки довоенных инженеров, офицеров Санации, милиционеров и солдат Польской народной армии — все подряд.

В песочницах, на турниках, на спортивных площадках, а потом на школьных скамьях начиналась дружба до гроба.

«Хоть пытайте нас огнем, нашу школу не сдаем», — этого правила мы придерживались твердо. Начальная школа № 149 на Сенницкой улице была заведением вполне себе социалистическим, но в то же время был в ней и довоенный дух. И дело было не в старом здании и не в предпринятых в 30-х попытках присвоить школе имя Александры Биллевич-Пилсудской. Дело было в наших учителях — в основном, пожилых, переживших оккупацию, восстание, лагеря. Они были довоенными. Старосветские, хорошо воспитанные, требовательные. Немодные. Полонистку звали Адель,

математичку — Цецилия. Какой счастливый билет мы вытащили, стало понятно гораздо позже.

Сражение при Грохове

Коммунистической пропаганды я не помню. Основы патриотического воспитания — само собой. Педагогический состав сделал ставку на локальный патриотизм. Ноябрьское восстание, сражение при Грохове, героические (к сожалению, в основном потерпевшие поражение) предводители — все это мы знали назубок. Тем более что каждый день ходили по улицам Мыцельского, Паца, Кицкого, Хшановского, Дверницкого, Хлопицкого. Не говоря уже о улицах Гренадеров, Шассёров и площади Шембека.

Чуть позднее, в XLVII лицее им. Станислава Выспянского, к этому добавился негласный культ, окружавший пьесу нашего патрона «Варшавянка». И обязательные экскурсии в Гроховский особняк.

Но в общем нас все-таки не особенно мучили патриотизмом. Никто не отравил нам нашей маленькой, полугородской, полудеревенской родины.

Было не так уж плохо. У нас были свои кинотеатры — «1 Мая» и «Сокол», книжный магазин на Гроховской, зоомагазин с мартышкой и кондитерскую Дучмаловского. Парк Скарышевский, Парк им. Ханки Савицкой (сейчас районный парк им. Армии Крайовой). Стадион клуба «Орел». Библиотека на ул. Паца.

Вот только за высшим образованием пришлось перебраться на другую сторону реки. Некоторые так там и остались, кое-что подзабыли. Но не совсем, не совсем...

Рост тусовочного рейтинга

Переиначивая известную цитату из «Границы» Зофьи Налковской, можно сказать: «Я ожидала чего угодно, только не того, что Грохов, моя „малая родина“ станет культовым районом».

Может быть, я немного преувеличиваю... Может быть, до этого еще не дошло. Но все к тому идет.

У нашего скромного, периферийного района Варшавы, бедного родственника «лучшего» берега Вислы, неожиданно вырос тусовочный рейтинг. В основном благодаря литературе, хотя и не только. Вдруг обнаруживаются ландшафтные и

архитектурные достоинства Грохова. Поводом для гордости становится и старинная пекарня Теодора Рейхерта на углу Вятрачной и Гроховской, и знаменитый «Пекин», т.е. квартал Гроховский плацдарм, построенный по проекту Хансенов, и первый столичный супермаркет — Универсам Грохов на круговом перекрестке при Вятрачной.

Еще немного, и кто-нибудь назовет Грохов местом магическим, и даже (боже упаси!) начнут говорить о его «особой атмосфере».

Кто-нибудь напишет (а может быть, уже написал) диссертацию о гроховских мотивах в творчестве Мирона Бялошевского, Эдварда Стахуры и Марека Заганьчика, Марека Беньчика (моего младшего приятеля из лицея Выспянского), Мацея Малицкого, Мацея Цислы и Анны Янко. Кто-нибудь начертит карту с литературными адресами: Зигмунт Кубяк — ул. Шассёров; Эдвард Стахура — ул. Рембковская; Марек Беньчик — ул. Каленская и т.д. Кто-то подробно займется актерской карьерой гроховского мальчишки Ежи Радзивиловича (моего старшего товарища из лицея Выспянского), ставшего потом «человеком из мрамора и железа». В нашем районе вырос еще один выпускник лицея — профессор истории и журналист «Политики» Веслав Владыка.

Анджей Стасюк, король Грохова

Ну, и еще король. Литературный хозяин Грохова.

Весной 2012 года Анджей Стасюк выпустил небольшой сборник под названием «Грохов». Всего четыре рассказа. О детстве и молодости, о духах и умирании, о памяти и дружбе. О нашем районе. И все-таки, прежде всего, об умирании.

Не знаю, как на остальную часть населения, но на жителей Грохова она произвела ошеломляющее впечатление.

Марек Беньчик написал тогда в журнале «Пшекруй»:

«Это прекрасная книга. У меня к Стасюку только одна претензия — название, и не потому, что неудачное, наоборот, отличное. Но он увел его у нас, у всех остальных жителей Грохова, из-под носа, и озаглавил им 50 страниц, из которых Грохову посвятил 30. Почему не тысячу? Разве мало еще темных переулков за площадью Шембека или баров таких как «Заглоба» — тот, что рядом со скорой помощью? Я сопротивлялся изо всех сил, надеялся, что не поддамся очарованию этой книги, хотя я тоже до малейшего нюанса знаю запах пекарни на

Вятрачной и тоже помню на ощупь каждый камень на Гарволинской. Не вышло — прочел на одном дыхании, закончил читать весь мокрый от эмоций и впечатлений. И этот пот — лучшая рецензия».

Я возмечтала о фильме с автором «Грохова» в главной роли. Мы начали разговаривать, как обычно в наше время — по электронной почте:

— Вы неосторожно спросили, плакала ли я, читая «Грохов». Так вот, немножко да. Что-то сжимало мне горло.

Я ведь весьма специфическая читательница Вашей книги. Не только потому, что выросла в Грохове. Я постоянно хожу на похороны. С каждым годом мой рюкзак, с которым в день Всех Святых я тащусь на кладбище Повонзки, становится все тяжелее от могильных свечей.

Конечно, я сбежала из Грохова. В большой мир, натюрлих. Эти адреса, эти прекрасные районы на другой стороне Вислы! Эти путешествия по миру, бывало, что и под руку с нобелевскими лауреатами.

И все ради того, чтобы теперь, словно небольшим бриллиантом, любоваться в книге Анджея Стасюка каждым упоминанием о площади Шембека, о Диких Полях, об улицах Каленской, Паца, Проховой. Думать об этой книжке дольше, чем о «Родной Европе» Милоша. И рассуждать (в общем, довольно банально), что мы по-прежнему дети Грохова и, хочешь не хочешь, останемся ими до самой смерти. Будь то в горах Низкие Бескиды, будь то в районе Верхнего Мокотова.

Повествование о душе моего героического народа

Живущий в горах писатель ответил:

— Да, мы — дети Грохова. Что-то есть в этом неброском районе. Я потихоньку начинаю понимать, чем был / есть для меня феномен Грохова. То, что он такой «окраинный», дает мне что-то вроде чувства непрерывности судьбы. Я никогда полностью — из-за происхождения, воспоминаний, из-за сентиментально-каникулярного опыта — не перестал быть деревенским. Мои родители хотели избавиться от этого деревенского ярлыка любой ценой. А мне он нравился. В детстве я каждые каникулы проводил в деревнях Мазовии и Подлясья. Это время сформировало меня. И Грохов был тем волшебным связующим звеном, которого мне всегда не хватало между атмосферой «деревни», «городка» и «большого

города» (хе-хе...). Просто-напросто, как бы высокопарно это не звучало, Грохов — это повествование о душе моего героического народа: деревня, заштатный городок с большими претензиями.

Иногда я туда еду, гуляю и всегда ощущаю, как будто прикасаюсь к чему-то живому.

Ну и как-то так сложилось, что я не втянулся в большой мир по другую сторону реки. Я всегда чувствовал себя там как шпион, воришка и обманщик. И мне это чувство очень нравилось. Возвращаясь в район Праги — на трамвае или мысленно — я всегда был уверен, что возвращаюсь в настоящую, неподдельную столицу моей героической страны.

Мы сняли этот фильм о прогулке по Грохову. Вышло даже неплохо.

Я получила в подарок книгу с посвящением: «Ельжбете Савицкой с гроховским вздохом». Каждый из нас, думая о Грохове, вздыхает о чем-то своем. Но вздыхаем мы оба.

ГРОХОВ

По Гарволинской до конца и направо по Маковской, вдоль путей, в сторону Ольшинки. Иногда прямо до самого депо. В теплые дни на улице, напоминавшей проселочную дорогу, сидели мужики и выпивали. Ветви плодовых деревьев свешивались из-за заборов. Если было по-другому, пусть кто-нибудь меня поправит. Ранней весной плыл запах горелой травы, мешавшийся с креозотовой вонью. Кусты и шпалы нагревались на солнце. Там заканчивался город. Дальше было царство железной дороги, сорняков и дачных участков. Весной растительность выстреливала дико и внезапно, выживала летом и осенью среди железнодорожных и промышленных испарений, а потом опадала под собственной тяжестью. Оставались лишь самые выносливые стебли. Например, дурман или конопля. Они торчали из-под снега всю зиму, пока по весне их не накрывало свежей зеленью.

Там был край. Город останавливался на ходу, как над обрывом, будто терял дыхание или впадал в оштолбенение при виде этого пространства мазанок, собачьих площадок, ржавых гаражей, насыпей и всяких прочих неважнецких чудес. Все обрывалось и начиналось нечто совсем другое. На улице Стекланных домов был последний берег города. Дальше разливались низкие и темные воды, по которым плавали райские острова и острова чертовы, обломки кораблей, клочки, вырванные у городской суши, раскрошенная мешанина льдин индустрии и отдыха.

Мужики с Маковской закатывали штаны. Их голени белели на солнце. Был конец апреля. На плечи им сыпались лепестки яблонь и вишен. Они были трудящимся классом. Они смотрели на север, на другой край железнодорожной впадины, где насыпь поднималась повыше и ползущие поезда становились в золотом свете весны близкими и хорошо различимыми, как игрушечные. Некоторые из них ехали прямо во всемирную столицу пролетариата. Часть города, лежавшая по ту сторону, называлась Утрата.

Так, в сущности, и было. Мы приходили туда насыщать свою меланхолию. Лелеять в себе неясное чувство потери. По крайней мере некоторые из нас. Во всяком случае, я. Маковская напоминала берег моря. Достаточно было выйти и представить себе то, что за горизонтом. Особенно ранней весной, когда над рыжими, лежалыми травами дрожал разогретый воздух. Но так

всегда бывает в городах, где проложены железнодорожные пути. От двух бегущих в бесконечность серебряных нитей не оторвать глаз. Они намагничены, и наша тоска, словно крупинка железа, бежит за ними на край света.

Не исключено, что и те, с бутылками «Королевского» пива, с бутылками вина *потен отен* «Яблоневый цвет», с бутылками водки «Столовой», вглядывались в глубину бесконечности. Они сидели на берегу собственной жизни и смотрели вдаль. Однако им не приходило в голову встать и двинуться в путь. Они были слишком уж взрослыми, слишком мужественными и слишком пролетарскими. Когда темнело, они поднимались и возвращались вглубь микрорайона. В пятиэтажках из серого кирпича не было лифтов, так что они шли по лестницам сквозь все людские запахи. Этот неопределенный, но густой дух возникал сразу за входными дверями. Тысячи дешевых обедов, капуста, фарш, томатный суп, ботинки, оставленные за дверью, раскаленная пыль на лампочках, резкая нота горящего газа, упругая, сжатая аура тесных квартир, до отказа заполненных имуществом. Так пахла жизнь людей, которые день и ночь пребывают вместе.

Когда тебя засовывали в печь, я уже знал, что захочу все это описать. Потому что ничего другого я сделать не мог. Эта печь, это помещение, эта тележка напоминали фабрику наших отцов. И потом нашу. Все это происходило за стеклом, но я ощущал запах раскаленной стальной стружки, запах искр, брызгавших из-под корундовых дисков, запах масла, ароматы всех этих цехов — кузнечного, закалочного, штамповочного. (...)

Теперь мне вспоминается, что первым названием из области топографии, которое я запомнил, была площадь Шембека. Мы жили на Гроховской в нескольких домах от площади в сторону Вятрачной. В одной комнате, где в углу, слева от входной двери, стояла угольная плита. На первом этаже. Единственное окно выходило во двор. Я часами просиживал перед ним, глядя на жизнь. Кто шел с мусором, кто в деревянную уборную, кто с ведрами за водой. Детвора в постоянной круговерти. Мальчишки на просмоленных крышах угольных сарайчиков. Время от времени открывалось какое-нибудь окно, и кто-то криком прогонял их. Потемневшая древесина, черная смола и серый то ли бетон, то ли песок двора. Я сидел целыми часами, так как мне было четыре года, и мать считала, что все это там еще слишком опасно. Площадь Шембека я запомнил раньше всего, будто название части света. На Шембека это, на Шембека то, у Шембека, за Шембека... Будто какое-то средоточие всех

вещей. Там стоял костел. В глубине площади, бурый, какой-то, кажется, довоенный модерн. Какая-то вариация на тему готики. И, может быть, из-за непривычного звучания этот Шембек сохранился в памяти. Мы ходили туда каждое воскресенье. Втроем, я — посередине. Наверняка я держал их за руки. В белых колготках, в беретике. Несколько ступенек, и мы внутри. Не могу избавиться от ощущения, что я был там один. Что их даже не было, не было ни матери, ни отца, только я и больше никого внутри. Я забыл всех людей. Остался только неф, уходивший высоко вверх. И не помню ни скуки, ни холода. Вид из окна на галдящий двор с деревянной уборной, да опустевший костел — вот мои самые ранние воспоминания о Грохове. Я никоим образом по ним не скучаю, но других у меня уже не будет. На противоположной стороне Гроховской, у Заменецкой, был базар. Где-то неподалеку была кондитерская со стенной росписью, изображавшей стройных негров на желтом пустынном фоне. Но это вполне мог быть и пляж. Если бы сегодня я почувствовал запах того помещения, то наверняка бы узнал его. Тела у негров были того же цвета, что пончики в стеклянной витрине. Поэтому мне казалось, что эти африканцы вообще-то съедобны, что они сладкие на вкус. Потом мы с матерью шли в парк. Я — прямо у земли, среди кустов, как бы продираясь. В чугунных четырехугольных колодцах журчала вода и переливалась через край. Внутри были краны с круглыми ажурными ручками. Садовники подсоединяли к ним шланги. Вода разливалась вокруг, и набирались лужи. В жаркие дни от них веяло холодом. Я мало что помню, кроме этой низкой, приземленной перспективы с темными зеркалами воды и гравием аллей. Но, как и в костеле, мне не запомнилось ничье присутствие. Только горячие, горьковатые запахи жары и прелости.

(...)

Поэтому, когда мы стояли там, в этом мертвом зале, и смотрели, как механизм въезжает в печь, я не мог отделаться от мыслей о фабрике. Был поздний вечер и было холодно. Как во вторую или третью смену, когда помещения, станки и люди за ними становились немного нереальными. Казалось, что темнота приглушает звуки. Что грохот металла, эхо железных листов, удары, визг лезвий, режущих сталь, становятся тише, что эхо уносит их и распыляет где-то в бесконечности ночи. Так же, как тебя пламя и воздух унесли в черное небо. Потом, когда мы уже вышли, я не мог оторвать взгляд от трубы из кислотостойкой хромированной стали. Как будто выискивал тебя. Как будто высматривал твою душу. Я думал о том,

установлены ли у них там какие-нибудь фильтры, чтобы мертвые не попадали в атмосферу и не оседали вокруг.

Вятрачная. Запах хлеба, поздней ночью плывущий из пекарни. Здание из красного кирпича с кирпичной же трубой выглядело так, будто его слегка разрушили или не закончили много лет назад. Но оно было живым, теплым и под утро пахло горячей поджаристой хлебной корочкой. Постучишь в окно, и девушки из ночной смены приносят булочки. Такие горячие, что держать их получалось только через одежду. Они обжигали в карманах. Работавшие в пекарне девчата от денег всегда отказывались. Магазин на Кобельской открывался в шесть, но еще не было пяти, а молоко уже стояло в ящиках. Живи — не хочу! Булки обжигали, а молоко было холодным. Яцек когда-то сказал: Грохов как Бруклин. Стоишь на остановке автобуса до Праги, возле этого барака, где трубочки с кремом и кофейня, глядишь, как уходят вдаль Гроховская и Аллея Вашингтона, и понимаешь: это точно. Он был как Бруклин и был как Бронкс. Как все эти места, из которых видно, как на горизонте поднимается настоящий город. Аллея Вашингтона была идеально прямой, и в отдалении, за рекой видны были высоты Средместья. А тут партер и вафельные трубочки, наполнявшиеся кремом из алюминиевой машины, сперва с рукояткой, а потом уж на электричестве. Бруклин и Бронкс. Крыпская, Корытницкая, Кутновская, Коморская, Кавчая.

Перевод Владимира Окуня

Из книги «Грохов», издательство «Чарне»

КУЛЬТУРНАЯ ХРОНИКА

В начале осени большие эмоции будит обычно «Нике» — главная литературная премия в Польше. Так было и в нынешнем году, хотя в некоторой степени по внехудожественным причинам (протест одного из номинантов против выдвижения на премию и бытовой скандал с участием другого).

«Нике» 2014 года досталась Каролю Модзелевскому за автобиографическую книгу «Клячу истории загоним. Признания потрепанного всадника» (издательство «Искры», см. НП № 3/2014). Лауреат — человек необычайный: деятель демократической оппозиции, сидевший при ПНР в тюрьме, а одновременно ученый, профессор истории. «Биография Модзелевского, — написал Северин Блюмштайн в «Газете wyborчей», — это головная боль для истинного патриота. Осужденный в 1965 году за написанное вместе с Куронем „Открытое письмо к партии“, осужденный после мартовских событий 1968 года, один из наиболее известных вождей „Солидарности“ и ее пресс-атташе; снова очередные годы тюрьмы при военном положении. Всего тюрем набралось восемь лет. Вдобавок, когда не сидел, занимался историей раннего средневековья, то есть Пястами, — тоже вполне патриотическое дело. А при всем том, что следует из книги, как будто бы до сих пор остался красным. Мало того. Что из него за поляк? Отец — русский, мать — тоже из России, да еще еврейка. Поляком у него был только отчим, и то не вполне, потому что коммунист». Тадеуш Нычек, председатель жюри «Нике», сказал в торжественной речи: «У каждого из нас есть какая-то своя биография, но, когда история у всех отбирает свободу, лишь некоторые берут на себя риск жить на выжженной земле, лицом к лицу с немыслимо сильным врагом. А когда эти смелые бойцы — о чудо! — побеждают, мы завидуем тому, что они когда-то пошли на этот риск и таким образом сами стали историей».

В плебисците читателей «Газеты wyborчей» победителем стал роман «кости» («Выдавничество литерацке») Игнация Карповича (р. 1976), прославленного критикой и не раз уже отмеченного премиями автора шести романов и квазирепортажа об Эфиопии. В финал «Нике» ранее попадали его романы «Жесты» и «Баллады и романсы».

Во Вроцлаве присуждена литературная премия Центральной Европы «Ангелус» 2014 года. Двойных лавров удостоился словацкий писатель Павол Ранков, о чем было объявлено на торжественной церемонии 18 октября.

Его роман «Случилось первого сентября (или когда-то еще)» в переводе Томаша Грабинского (издательство «Словацке климаты») был признан лучшим среди семи книг-финалистов. Кроме того, он получил читательскую премию имени Натальи Горбаневской. Читательская премия в нынешнем году присуждалась в первый раз. Ее учредило жюри «Ангелуса», стремясь почтить память умершей в 2013 году Натальи Горбаневской — своего первого председателя, выдающейся русской поэтессы и переводчицы, легенды российского диссидентского движения (а также многолетней сотрудницы нашей редакции). Лауреат получил чек на 150 тыс. злотых, а также статуэтку работы Эвы Россано. Награда для переводчика составляет 20 тыс. злотых.

24 сентября в Королевском замке в Варшаве был назван лауреат премии имени Циприана Камиля Норвида. Им стал Януш Джевуцкий за сборник стихов «Двенадцать дней» (издательство «Искры»). Как объявило жюри, «это замечательный поэт, журналист, редактор многих поэтических книг и издатель. Его поэзия кажется простой, собранной из крох современности. Великие вещи — это, в сущности, множество более мелких вещей, часто до банальности простых».

Премию нынешнего года Фонда имени Костельских получил поэт Кшиштоф Сивчик (р. 1977), выпускник факультета культурологи Силезского университета. В его творческом багаже более десяти сборников поэзии и многочисленные фельетоны, очерки, эссе. Широкой публике он известен по роли Рафала Воячека в фильме Леха Маевского, повествующем об истории жизни противоречивого культового поэта. Кшиштоф Сивчик — один из создателей группы «На дзико», объединяющей по преимуществу поэтов Верхней Силезии. Работает в Институте им. Р. Воячека в Миколове.

Уже в двенадцатый раз присуждалась премия имени Беаты Павляк за публикацию на тему других культур, религий и цивилизаций. Патрон премии Беата Павляк — журналистка и писательница, погибшая при террористическом акте на индонезийском острове Бали в октябре 2002 года. Премию получили ex aequo врач Матеуш Янишевский, автор посвященной Восточному Тимору книги «Дом над рекой Лозс» (издательство «Чарне»), и фотограф Адам Лях за альбом

«Стигма» (издатель книги — А. Лях) о цыганах-ромах, живущих табором во Вроцлаве.

И еще одна премия, довольно необычная. Моника Шнайдерман, шеф издательства «Чарне», одного из наиболее динамичных польских издательств, специализирующегося на репортаже, стала лауреатом премии имени Збигнева Холды. Эта премия присуждается уже третий год за деятельность в области защиты прав человека. Моника Шнайдерман награждена, в частности, за пропаганду в своей издательской деятельности свободы слова и свободы творчества, за работу, благодаря которой блага культуры становятся более доступными, за особое внимание к пограничью культур. Лауреату была вручена статуэтка, выполненная по эскизу люблинского художника Томаша Беяка заключенными в тюремном учреждении в Ополе Люблинском. Она представляет собой стеклянную шкатулку с тюремными «маяками».

XXXIX кинофестиваль в Гдыне проходил с 15 по 20 сентября. В главном конкурсе было показано 13 фильмов, в том числе 6 премьер. Обладателем «Платиновых Львов» стал, за совокупность творчества, Сильвестр Хенцинский, автор знаменитого триптиха о семье Каргулов и Павляков — «Все свои», «Сильных нет» и «Люби или брось», а также «Великого Шу» и «Контролируемых разговоров».

«Золотых Львов» за лучший польский фильм получила лента «Боги» Лукаша Пальковского. Это киноповесть о реальном человеке — кардиологе Збигневе Религе (1938–2009), пионере польской трансплантологии, который в 1985 году провел первую в стране удавшуюся пересадку сердца. Томаш Кот, сыгравший Религу, получил премию за лучшую мужскую роль первого плана. Лучшей актрисой первого плана признана Зофья Вихлач за роль подпольщицы «Божьей коровки» в фильме «Город 44» (режиссер Ян Комаса), рассказывающем о Варшавском восстании. «Серебряных Львов» за фильм «Под Сильным Ангелом» получили режиссер Войцех Смажовский и продюсер Яцек Жехак. Этот пронзительный (и жестокий) фильм по роману Ежи Пильха показывает повседневное бытие алкоголика. Главную роль блистательно сыграл Роберт Венцкевич. Режиссер Ежи Штур и продюсер Петр Дзенцёл получили специальную премию жюри «за смелость, с которой они обратились к трудным темам» в фильме «Гражданин».

Мнения фестивальной публики и кинокритиков совпали с решением жюри как никогда. Постановлению присудить «Золотых Львов» фильму «Боги» публика аплодировала стоя. Тадеуш Соболевский так объясняет причины необычайного

успеха: «Збигнев Релига, сыгранный Томашем Котом, — это тот герой, которого требовало польское кино. Человек, который, не оглядываясь на социальные, политические, исторические обстоятельства, реализует себя в действии, увлекает за собой других. Он делает свое дело, преодолевая инерцию». Все с энтузиазмом восприняли также премию Томашу Коту. Рецензенты в один голос утверждают, что это роль его жизни. «Томаш Кот, который играет молодого Збигнева Религу, абсолютно безукоризнен, — написал Януш Врублевский в «Газете выборчей». — Он не только воплотился в своего героя физически, овладел его жестами, мимикой, характерной манерой сутулиться и держать сигарету. В каждую долю секунды он достоверен, подчеркивая решительность и упорство врача. Но особое мастерство он проявил, показывая слабости Религи: нервность, грубость, пьянство и — хотя для некоторых это будет не признак слабости, а мужественности — принесение семейной жизни в жертву страсти к профессии».

Упомянем к тому же замечательный (и отмеченный премией) сценарий Кшиштофа Рака, премию за сценографию и грим. Фильм Пальковского получил также, помимо иных, премию журналистов и «Золотого клакера» Радио Гданьска за самые долгие аплодисменты картине (публика аплодировала стоя более 6 минут).

Словом, фильм, которого в польском кинематографе давно не было.

На открытии фестиваля в Гдыне был показан «Потоп *redivivus*» (лат. 'возродившийся, воскресший') — реконструированный, по-новому смонтированный и сокращенный с почти пяти до трех часов фильм Ежи Гофмана по роману Генрика Сенкевича. В концентрированную версию монументального произведения удалось вместить все существенные сюжетные перипетии.

— Со времени премьеры «Потопа» прошло 40 лет. Это значит, что выросло уже два, а то и три поколения, которые фильма не видели на экране. За это время изменилась ментальность, изменились предпочтения зрителя. Современный зритель привык к другому ритму действия, другому монтажу и темпу, — так объяснил решение создать «Потоп *redivivus*» Ежи Гофман.

Сокращенный и освеженный фильм с незабываемыми ролями Даниэля Ольбрыхского и Малгожаты Браунк вышел на экраны кинотеатров 3 октября.

10 октября завершился XXX варшавский кинофестиваль, в котором участвовали кинематографисты более чем из 50 стран. Гран-при получил китайский фильм «Гроб в горах» Ксин Юкуна — «за многоплановость повествования и деликатность в использовании черного юмора». Премия Экуменического жюри досталась военной драме из Эстонии «На перекрестье ветров» (режиссер Марти Хелде) о массовых депортациях в Сибирь населения с территорий Литвы, Латвии и Эстонии в 1941 году. Среди загнанных в телячьи вагоны оказывается Эрна, студентка философского факультета, счастливая жена и мать дочери-малышки. Экуменическое жюри назвало этот фильм «реквиемом по всем невинным людям Восточной Европы, которые страдали или погибли от тирании Советов».

В Кракове в Национальном «Старом театре» — сезон Ежи Яроцкого, посвященный памяти выдающегося режиссера, умершего два года назад. Для открытия режиссер Ян Клята избрал знаменитую пьесу Альфреда Жарри «Король Убю» — абсурдалистскую шутку, написанную шестнадцатилетним французом в конце XIX века. Спектакль идет в новом переводе Яна Гондовича. Премьера состоялась 16 октября.

«Король Убю, или поляки» (таково полное название пьесы) дает гротескную картину механизмов власти. Сам король Убю бывал в театре олицетворением абстрактного похотливого сатрапа, но бывал также портретом конкретных политиков.

«Многие годы, — пишет Яцек Цесляк в „Жечпосполитой“, — у нас возмущались кощунственным произведением, в котором польский король — простака, ругается как сапожник и ежеминутно звучит слово „дерьмо“. На фоне того, что выявили недавно опубликованные разговоры польских политиков, текст Жарри кажется невинной сказочкой. Жизнь догнала и даже перегнала театр».

Режиссер Ян Клята, создатель многих скандальных спектаклей, заявляет:

— Нет какого-то одного политического чудовища, на которое мы можем свалить ответственность за польскую посредственность. Когда падет один — мы выбираем другого. Бывает, что худшего. Убю есть в каждом из нас. Кто может сказать: «Убю — это не я», — пусть первый бросит камень. Я не думаю, чтобы что-то булькнуло в выгребной яме.

60-летний юбилей оперы в Лодзи увенчала состоявшаяся 17 октября в здешнем Большом оперном театре премьера оперы Станислава Монюшко «Страшный двор» в постановке

Кристины Янды, которая, в общем-то, не имеет опыта оперной режиссуры. Каков результат? «Опера „Страшный двор” в Лодзи, — оценивает Яцек Марчинский в „Жечпосполитой”, — невыносимо традиционна и одновременно полна очарования. Работая над оперой Монюшко, Кристина Янда руководствовалась принципом: когда авангард становится повседневностью, то смелостью оказывается сделать обычный спектакль, в котором режиссер не выдвигает себя и свои идеи на первый план. Так что обошлось без странностей и новых интерпретаций. Деревянный дом шляхтичей Стефана и Збигнева и огромный замок Мечника словно сошли со старинных гравюр. Со сцены веет ностальгией и патриотизмом с сильным религиозным акцентом (спектакль начинается полевой мессой). И все же эта старая картинка, а не современный театр», — завершает свою рецензию Я. Марчинский.

В польский национальный список программы ЮНЕСКО «Память мира» внесли одиннадцать рукописных памятников, названных «вехами польской истории». В их числе, например, грамота о привилегиях города Кракова от 5 июня 1257 года, Конституция 3 мая 1791 года, Золотой гнезненский кодекс XI века, Хроника Галла Анонима XII века, рукопись «Пана Тадеуша» Адама Мицкевича, Акт Национальной организации Январского восстания, Меморандум Игнация Яна Падеревского президенту Соединенных Штатов Вудро Вильсону от 17 января 1917 года.

Торжественный акт вручения сертификатов о включении в список состоялся 17 октября в Президентском дворце в Варшаве. «Это важное событие для польской культуры и истории, польской исторической памяти», — сказала министр культуры и национального наследия Малгожата Омиляновская. Поблагодарив работников архивов за заботу о документах, она подчеркнула, что память содержится не только в вещах прекрасных, но также и в вещах важных, а благодаря работе архивистов поляки знают, что их история задокументирована.

После нескольких лет работ 18 октября в Национальном музее в Варшаве открылась новая галерея «Фарас» — единственная в Европе экспозиция памятников нубийской культуры и искусства христианского периода. Экспонаты попали к нам благодаря открытиям профессора Казимежа Михаловского и группы польских археологов в 60-х годах минувшего века. Поляки спасали памятники, которым грозило затопление водами Нила в связи со строительством Высотной Асуанской плотины. Во время раскопок был обнаружен нубийский храм

VIII века. Глазам археологов открылось свыше 120 произведений настенной живописи религиозной тематики, относящихся к VIII–XIV векам. 67 из них оказалось в Национальном музее в Варшаве, публике они были показаны в 1972 году. Это стало сенсацией мирового ранга.

Сейчас галерея «Фарас» предстает посетителям в новой аранжировке, предлагая им новый сценарий посещения. Построены стены, фактура и цвет которых взаимодействуют с живописью. Устроено современное освещение, звукоусиление, климат-контроль, но прежде всего мультимедийное сопровождение, без которого трудно привлечь молодого зрителя. Позаботились также о сакральном настроении: осматривая произведения, посетители могут слушать оригинальные коптские литургические песнопения.

Прощания

28 сентября в Легионове в возрасте 89 лет умерла Мария Кшишковская, одна из крупнейших польских танцовщиц XX века, последняя бесспорная прима-балерина Польши. Искусству танца она училась во время Второй мировой войны у Ирены Шиманской и Леона Вуйциковского. Дебютировала в 1946 году в Музыкальном театре в Лодзи, позже была примой-балериной Познанской оперы и Большого театра в Варшаве, а также руководителем балета Музыкального театра «Рома» и варшавского Большого театра. Кшишковская стала в Польше первой исполнительницей главных ролей в советских хореографических версиях классических балетов.

«Сегодня нет уже таких артисток, которым следовало бы поручить только главные роли, а имя которых притягивало бы публику как магнит, — писал Яцек Марчинский в «Жечпосполитой». — В последний раз Мария Кшишковская танцевала на сцене более 40 лет назад, но за все это время так и не появилась другая танцовщица, которая бесспорно заслуживала бы этого высшего титула — прима-балерина. Даже известный своими резкими рецензиями Ежи Вальдорф о Кшишковской писал с восторгом: „Прима-балерина assoluta”».

30 сентября в Кракове скончался Юлиан Кавалец — прозаик, публицист и поэт. Ведущий представитель деревенского направления в литературе ПНР, он издал несколько сборников рассказов, среди которых «Тропинки посреди улиц», «Шрамы», «Черный свет», «Свадебный марш», «Ищу дом». Однако популярность ему принесли преимущественно романы — «Приписанный к земле», «Переплывешь реку», но прежде всего

«Танцующий ястреб», экранизированный в 1977 году Гжегожем Круликевичем. Писателю было 98 лет.

6 октября в Париже в возрасте 70 лет умер Игорь Миторай, польский скульптор с мировым именем. Как писали после его смерти: его ценили и любили за границей, недооценивали в Польше. Его монументальные скульптуры из мрамора находятся во многих городах мира — например, в Риме на Пьяцца Монте, в Лозанне в Олимпийском парке, в парижском квартале Дефанс, в миланском театре «Ла Скала», во флорентийских Садах Бобли, возле лондонского Британского музея, в музее «Прадо» в Мадриде и даже на Тенерифе.

Выпускник Пластического лицея в Бельско-Бялой, он поступил затем в Академию изящных искусств в Кракове к Тадеушу Кантору, который оказал огромное влияние на его творчество. С 1968 года Миторай жил за границей. Его искусство отсылает к античности; скульптора роднил с античными мастерами поиск сущности красоты. Однако он смотрел на нее с позиций опыта человека XX века. Его статуи были потрескавшимися, незавершенными, окутанными бинтами, с пустыми глазами.

Художника похоронили в тосканской Пьетрасканте, где последние тридцать лет он жил и работал. В городке был объявлен день траура.

ПОЛЬСКИЕ ССЫЛЬНЫЕ В ОРЕНБУРГСКОЙ ГУБЕРНИИ

«150-летие Январского восстания в Польше — важная историческая дата, напоминающая нам о самоотверженных сынах польского народа, поднявшихся на борьбу за освобождение своего отечества под прекрасным лозунгом „За нашу и вашу свободу“. За свой порыв многие польские повстанцы поплатились жизнью, сотни и тысячи их были отправлены на каторгу и ссылку».

В Оренбурге состоялась юбилейная научная конференция, посвящённая 150-летию Январского восстания 1863 г. «Польские ссыльные в Оренбургской губернии».

В рамках конференции в праздничной атмосфере состоялось открытие архивной выставки по теме «Участники Январского восстания 1863 г. В оренбургской ссылке», на которой были представлены подлинные архивные документы 1863–1897 гг. из фондов областного архива о жизни ссыльных поляков, среди них — письма и воспоминания ссыльных, документы, рассказывающие об отношениях ссыльных с местным населением, их быте, строгой цензуре властей, ассимиляции ссыльных с местным населением, документы, в которых отразились судьбы участников польского восстания 1863 г.

В польской научной среде проявляется устойчивый интерес к архивным фондам оренбургского областного архива, проливающим свет на жизнь польских ссыльных XIX века в Оренбургском крае. Кроме архивной выставки, на конференции можно было увидеть еще две экспозиции: выставку печатных изданий о Январском восстании 1863 г. из фондов областной научной библиотеки им. Н.К. Крупской и выставку «Полонийная пресса о ссыльных поляках Урала и Сибири» — из фондов Оренбургского областного культурно-просветительского центра «Червоне Маки».

В конференции участвовало 130 человек, среди них — историки, исследователи, преподаватели общеобразовательных школ, гимназий и вузов, студенты, представители культурно-образовательных учреждений Оренбургской области, общественность. Были заслушаны 14 докладов и сообщений, подготовленных исследователями,

архивистами, краеведами Оренбургской и Челябинской областей, два участника представили воспоминания о судьбе своих предков-участников Январского восстания.

Значительную роль в жизни ссыльных играли отношения с русскими людьми, помогающими полякам из личных побуждений. Их действия, как правило, не имели политической подоплеки. На конференции приводилось много примеров, когда, несмотря на опасность, русские протягивали руку помощи польским ссыльным.

Особый интерес у преподавателей истории и студентов вызвали факты, освещающие роль польских ссыльных в культурном, экономическом и политическом развитии нашего края. Инициатором и организатором конференции был оренбургский культурно-просветительский центр «Червоне Маки», соорганизаторами — государственный архив Оренбургской области, Оренбургская областная универсальная научная библиотека им. Н.К. Крупской, ФПНКА «Конгресс Поляков в России» (Москва), при финансовой поддержке Ассоциации «Вспульнота польска» (Варшава).

Празднование 150-летней годовщины начала Январского восстания, в котором приняли участие представители польских государственных органов, учреждений и организаций стало для нас стимулом к дальнейшей культурно-просветительской деятельности и воодушевило нас, живущих за тысячи километров от Варшавы, ибо историческая память не знает временных границ.

Ванда Селивановская — председатель Оренбургского областного культурно-просветительского центра «Червоне Маки»

ПОЛЯКИ В ЦАРСКОЙ ИМПЕРИИ

Столетиями Россию называли тюрьмой народов. Нашлось в ней место и для поляков. Сотни тысяч людей оказались там против своей воли как ссыльные, но были и добровольцы, приехавшие туда в поисках шансов сделать карьеру и продвинуться по службе. Их заслуги в освоении бескрайних и безлюдных просторов — значительны.

Многие поляки оказались в царской России в качестве военнопленных. Первые из них попали в Сибирь еще во времена Стефана Батория. Очередные войны и восстания приносили русским новых пленников. Кто-то получил свободу по амнистии, многие не дождались освобождения. А некоторые остались на чужбине, сделав карьеру, например, в царской армии. После ноябрьского восстания^[1] в Сибири и на Кавказе оказалось около 9 300 военнопленных. В 1856 г. была объявлена амнистия; те, кто до нее дожил, могли вернуться на родину. Значительно больше ссыльных, около 40 тысяч, попало в Сибирь после январского восстания^[2]. Большинство из них вернулись в 70-е и 80-е годы XIX века, но часть ассимилировалась и осталась. Судьбу сосланных на Восток повстанцев разделил и целый ряд заговорщиков и революционеров — их число оценивается примерно в 4 000 человек.

Кроме ссыльных, российские просторы осваивали и поляки, служившие в царской армии. С разгрома ноябрьского восстания и до Первой мировой войны русский мундир примерили около 1,2 млн жителей Конгрессовки^[3]. Часть из них (в основном, крестьяне) по окончании службы осталась в Сибири. Около 20 тысяч поляков выбрали добровольную службу в царском офицерском корпусе — некоторые дослужились до высоких чинов и должностей.

Наконец, многие поляки приезжали в Россию в поисках работы. До начала январского восстания в Петербурге и Москве селилась интеллигенция. Позже к ней присоединились рабочие, которые устраивались на крупные промышленные предприятия. В конце XIX — начале XX века за Урал в надежде на лучшую жизнь двинулись и крестьяне. Их было около 100 тысяч, по большей части, из Конгрессовки и т.н. забранных земель^[4].

Не менее 600 тысяч

Установить число поляков в России в XIX веке — нелегкое дело. Первая официальная перепись населения была проведена только в 1897 г., но она не была полностью достоверной. Многие по разным причинам сообщали ложные сведения. Во всяком случае, в Центральной России, Средней Азии, Сибири и на Кавказе проживало 426 тыс. поляков. Важно, что в этом перечне не учтены поляки из Литвы, Белоруссии и правобережной Украины. По переписи 1905 г. 450 тыс. жителей России заявило о польском происхождении. Эти данные общепризнанно считаются заниженными. Более близкими к истине признаются расчеты Вацлава Серошевского, согласно которым в конце XIX — начале XX века в Российской империи, включая земли бывшей Речи Посполитой, проживало не менее 600 тыс. поляков.

Поляки жили в основном в городах европейской части империи; больше всего их было в Петербурге. Вначале это была интеллигенция, со временем к ней присоединились рабочие, ремесленники и прислуга. При этом характерны темпы роста польской колонии: в 1869 г. это было 9,8 тысяч, в 1913 г. уже около 70 тысяч человек. Крупные польские колонии существовали в Риге (около 47 тыс.), Одессе (около 25 тыс.) и Москве (около 20 тыс.). В девяти российских городах польское меньшинство составляло 5—8 тыс. человек, в двенадцати — 3 тыс., в 71 городе — от 1 до 2 тысяч.

Большие группы поляков жили в Сибири: это были в основном крестьяне, которые прибыли туда в конце XIX — начале XX века. Только в Енисейской губернии появилось около 20 польских сел, в которых жило около 10 тыс. иммигрантов из Конгрессовки. Позже крестьяне начали селиться в иркутской губернии; самым известным польским селом была Вершина, которую называли малой Польшей. Там до сих пор говорят по-польски и культивируют польские традиции. Помимо Сибири, небольшие скопления поляков находились на Кавказе и в Средней Азии. Там, по большей части, жили добровольные эмигранты.

Польский вклад в российскую науку

Весьма существенным был вклад поляков в научные исследования в России. Этого не отрицала даже советская историография. В каждом высшем учебном заведении, не исключая военных, работали польские профессора; в основном в Петербурге, так как там высших школ было больше всего. Но не только там. В Казанском университете, созданном в 1804 г.,

польских преподавателей было так много, что историки говорят о т.н. польских династиях (руководство кафедрой переходило от отца к сыну). В конце XIX — начале XX века поляки составляли более 60% научных кадров в Сибирском императорском университете.

В Петербурге больше всего поляков — как преподавателей, так и студентов — можно было встретить в Технологическом институте. Один из них — Ипполит Евневич, многолетний декан института, воспитавший многие поколения инженеров, автор работ в области гидравлики, сопротивления материалов, прикладной механики и теории упругости. В конце XIX — начале XX века там преподавало еще более десятка поляков. Некоторые из них после 1918 г. вернулись на родину.

В Петербургском университете польские преподаватели работали со времен его основания. Одним из самых выдающихся ученых был Викентий Вишневский, астроном и картограф, заслуги которого в организации астрономических исследований в России неоценимы. Еще одним выдающимся деятелем науки был Ян Бодуэн де Куртенэ, мировая знаменитость в языковедении, член Императорской Академии наук в Петербурге и многих других научных обществ. Он также преподавал в университетах Юрьева и Казани. До сих пор языковеды говорят о т.н. казанской лингвистической школе, которую создал Бодуэн де Куртенэ. Добавим, что по возвращении в Польшу он в 1922 г. был кандидатом на должность президента Республики Польша.

Знаменитый юрист проф. Леон Петражицкий, с 1908 г. заведовавший кафедрой энциклопедии и истории философии права в Петербургском университете, был создателем новой дисциплины — трудового права и гражданской политики. Он занимался психологическими и социологическими аспектами права, что создало ему репутацию на Западе. По возвращении на родину, он связал свою судьбу с Варшавским университетом. Ян Пташицкий был выдающимся математиком, членом Польской Академии искусств в Кракове, а также многих российских и иностранных научных обществ. А Генрих Мерчинг, профессор Института инженеров путей сообщения, был в России пионером гидромеханики и электротехники, а также горячим сторонником электрификации железной дороги. Помимо этого, он участвовал в деятельности польских обществ в Петербурге и занимался как любитель историей реформации на польских землях, а также демографией.

Поляки преподавали и в других высших учебных заведениях Петербурга: в Горном и Лесотехническом институтах, в

Военно-медицинской академии и Императорском институте экспериментальной медицины, в Высшем художественном училище.

Труднее было получить преподавательскую должность в военных училищах, хотя и там хватало поляков. Помимо квалификации, им нужно было выказать лояльность по отношению к монархии. Самую большую карьеру сделали генералы Станислав Жилинский и Нестор Буйницкий. Первый окончил математическое отделение Московского университета, затем учился в Михайловской артиллерийской академии и на отделении геодезии Академии Генерального штаба. С 1865 г. служил в Генеральном штабе и преподавал в московском училище. В 1868—1900 гг. был начальником топографического отдела Туркестанского военного округа. Под его руководством составлена 71 карта Туркестана (они удостоились премии на международной выставке в Париже), Саратовской и Казанской губерний. Жилинский также готовил планы русских походов против хивинского ханства. Он был основателем и первым председателем Туркестанского отделения Русского географического общества; Ташкент обязан ему астрономической обсерваторией. Буйницкий же окончил Николаевскую инженерную академию, впоследствии стал там профессором и заведующим кафедрой фортификации. Он был автором более десяти книг, но наибольшее признание принес ему учебник о значении фортификации для оборонительных действий. Он также публиковался в профессиональных военных и энциклопедических журналах.

Деловые люди

Поляки были активны и в области экономики. Их можно было встретить в промышленных областях России (в Донецком бассейне, в московском регионе), на строительстве Транссибирской магистрали, на нефтеперерабатывающих заводах в Баку и во многих других промышленных регионах. Длинный список открывается именем Станислава Кербедза, с 1831 г. преподававшего строительное дело в нескольких высших учебных заведениях Петербурга. Он работал на строительстве первого моста через Неву, которое длилось восемь лет и принесло Кербедзу генеральский чин. Через несколько лет он стал членом Петербургской Академии наук. Впоследствии работал, в частности, на строительстве Петербурго-Варшавской железной дороги, руководил постройкой портов в Кронштадте и Петербурге. Был членом совета при министерстве путей сообщения. В 1891 г. он подал в отставку и поселился в Варшаве. Он всегда подчеркивал свое польское

происхождение и участвовал в деятельности польских обществ в Петербурге, сосредоточенных вокруг храма св. Екатерины.

Самых больших успехов в экономике добились выпускники Технологического института и Института путей сообщения. Одним из них был Анджей Вежбицкий, управляющий и инициатор многих предприятий по индустриализации России, с 1912 г. директор Общества промышленников губерний Царства Польского. За несколько лет до Первой мировой войны он поселился в Варшаве, а его заслуги для экономики Второй Речи Посполитой неоценимы (он, в частности, был создателем Центрального союза польской промышленности, горного дела, торговли и финансов «Левиафан»). Не чуждался он и политической деятельности.

Сделали карьеру также Владислав Жуковский и Игнаций Ясюкевич. Первый, выпускник Варшавского университета и Горного института в Петербурге, руководил Брянским механическим заводом. С 1900 г. был постоянным представителем Совета съезда горнопромышленников Царства Польского, членом правления многих акционерных обществ и попечительских советов нескольких банков. Ясюкевич являлся одним из организаторов, а затем вице-председателем Совета съездов представителей промышленности и торговли, созданного в 1905 году. Эта организация оказала большое влияние на развитие экономической жизни в России.

Поляки принимали немалое участие в поисках месторождений железной руды в Донецком бассейне, развитии металлургической промышленности и строительстве железных дорог. В Сибири, с учетом специфических условий, у них не было столь ярких достижений, но они с успехом основывали небольшие фабрики по производству свечей, мыла или растительного масла. Среди многих, наибольших успехов добились Альфонс Козелл-Поклевский и генерал Альфонс Шанявский. Первый начинал чиновником в Петербурге. В начале сороковых годов XIX века он занялся экономической деятельностью, а в 1845 г. ввел в действие регулярную паровую навигацию по рекам Обь и Иртыш. Он быстро монополизировал производство и оптовую торговлю водкой — его называли водочным королем Урала. Помимо этого, он создал фабрику по производству фосфора, серной кислоты и стекла. Не жалел денег на общественную деятельность, особенно охотно жертвовал в пользу сосланных в Западную Сибирь поляков; многие соотечественники нашли работу на его промышленных предприятиях. Шанявский же принимал участие в топографических экспедициях; по окончании службы занялся

добычей золота на Урале, что принесло ему состояние. Деньги он предназначал для общественно-просветительской деятельности, финансируя польские общества в Иркутске. Самым выдающимся его достижением было основание Свободного университета в Москве.

Путешественники и первооткрыватели

Поляки внесли неоценимый вклад в изучение Сибири. По большей части это были ссыльные после январского восстания. Один из них — Александр Чекановский, геолог и метеоролог, сотрудник Бенедикта Дыбовского; с 1869 г. его исследования поддерживало Русское географическое общество. Он составил первую геологическую карту Иркутской губернии, получившую премию на выставке в Париже. Его именем названы 23 окаменелости ископаемой флоры и фауны, пять видов современных растений и горный кряж в Якутии.

Не менее знаменит был Ян Черский, палеонтолог, член петербургской Академии наук. В его честь также названы горные хребты в Восточной Сибири.

Труды Бенедикта Дыбовского дали основание для надлежащего изучения фауны Байкала, а сам ученый был отмечен золотой медалью Русского географического общества. Кроме того, Дыбовский описывал обычаи местных народностей и вел гуманитарную деятельность на Камчатке.

Яркой личностью был самоучка Вацлав Сорошевский, исследователь Якутии, автор книги «Двенадцать лет в краю якутов», одной из лучших полевых этнографических работ на польском языке. У Бронислава Пилсудского, сосланного в 1877 г. на Сахалин, огромные заслуги в изучении прошлого тамошних народов, прежде всего, айнов.

Среди исследователей оказались и поляки на царской службе, такие как генерал-лейтенант Бронислав Громбчевский и полковник Леон Барщевский. Громбчевский занимался топографией Средней Азии, а его карты помогли в завоевании этих территорий. Его также интересовали этнография, языкознание, археология и метеорология; помимо этого, он был способным дипломатом. После него осталось огромное наследие, насчитывающее несколько десятков тысяч документов. После 1920 г. он вернулся в Польшу. Топографией занимался и Барщевский; он участвовал во многих экспедициях в Туркестан, начал археологические работы в нынешнем Самарканде. Он также сделал сотни фотографий,

сохранив образ умирающего мира кочевых народов Средней Азии.

Этот краткий обзор деятельности поляков показывает, какую важную роль сыграли они в царской России. Не для всех Российская империя стала сибирским адом — часто она давала возможность сделать карьеру. Некоторые наши соотечественники блестяще этой возможностью воспользовались.

-
1. Восстание 1830—1831 гг. против власти Российской империи на территории Царства Польского, Литвы, частично Белоруссии и Правобережной Украины. Здесь и далее прим. пер.
 2. Восстание 1863—1864 гг. на территории Царства Польского, Северо-Западного края и Волыни с целью восстановления Речи Посполитой с восточными границами 1772 года.
 3. «Конгрессовка» или Конгрессовая Польша — неофициальное название Царства Польского, территории Польши, отошедшей Российской империи по решению Венского конгресса в 1815 году.
 4. Забранные земли — восточные воеводства Первой Речи Посполитой, присоединенные к Российской империи в результате разделов Польши в 1772—1795 годах.

ОДИССЕЯ ПОЛЕССКОГО «АДМИРАЛА НЕЛЬСОНА»

На территории Западной Беларуси, входившей в состав Второй Речи Посполитой, проживало много знаменитых и интересных личностей. Одной из них был британский генерал Адриан Картон де Виарт. Судьба этого человека напоминает увлекательный приключенческий роман.

Бельгиец на британской службе

Родился будущий генерал 5 мая 1880 года в семье аристократов в Брюсселе. После смерти матери мальчика отправили в католическую школу в Англии. Затем Адриан поступил в Оксфорд. Однако учебу Картон де Виарт не закончил. В 1899 г. началась англо-бурская война, заставившая молодого бельгийца бросить учебу и записаться в британскую армию. На приемном пункте он назвался чужим именем и сказал, что ему 25 лет (на самом деле Адриану было всего 19).

В одном из первых боев в Африке Картон де Виарт был тяжело ранен в живот. Его отец, узнав, что сын оставил учебу, был взбешен, но поделать ничего не смог. А между тем Адриан в 1902 году переехал в Индию. В 1904 году Картону де Виарту присвоили звание лейтенанта и вновь перевели в Северную Африку. Он был назначен адъютантом главнокомандующего британских войск в Африке сэра Генри Хилларда.

Удивительный факт, прослужив семь лет в британской армии, Адриан все это время оставался гражданином Бельгии. 13 сентября 1907 г. он, наконец, принес присягу на верность королю Эдуарду VII и получил британское подданство. В феврале 1910 г. Адриану было присвоено звание капитана.

Будущий генерал много путешествовал по Европе, бывал в Австро-Венгрии, Баварии, безусловно, в Бельгии. Кстати, двое его кузенов сделали блестящую карьеру на родине. Анри Картон де Виарт был избран в палату представителей бельгийского парламента, в 1911 г. стал министром юстиции, а в 1920 г. и вовсе премьер-министром Бельгии. Во время Второй мировой войны Анри возглавлял бельгийское правительство в изгнании. Вторым кузен будущего генерала барон Эдмон Картон

де Виарт был политическим секретарем короля Бельгии и директором компании «Сосьете женераль Бельгия».

В 1908 г. Адриан женился на графине Фредерике Фугер фон Бабенхаузен. У пары родились две дочери. После начала Первой мировой войны Адриан Картон де Виарт был направлен на службу в британское Сомали. Героизму этого офицера удивлялись как свои, так и чужие. Во время одной из атак на вражеский форт Шимбер Беррис наш герой был тяжело ранен (пуля выбила глаз и оторвала часть уха). Но это не остановило его, и молодой офицер все равно повел своих людей в атаку, выбив врага с его позиций. За этот подвиг в 1915 г. Адриан был награжден Орденом за заслуги.

В феврале 1915 г. Картон де Виарт возвращается на континент и участвует в военных действиях на западном фронте, командуя пехотной бригадой. В одном из боев на Ипре ему оторвало кисть левой руки. Под Соммой он был ранен в плечо и голову. Израненному, но храброму офицеру одно за другим присваиваются очередные звания: майор, подполковник, полковник, генерал. В марте 1918 г. он был награжден бельгийским Военным крестом, а также был удостоен британского ордена Святого Михаила и Святого Георгия. Но самой главной наградой 36-летнего бельгийца стал Крест Виктории, высшая награда Британской империи, вручаемая за героизм во время военных действий.

В документе о награждении, в частности отмечалось: «Награждается за мужество, хладнокровие и решительность, проявленные во время кровопролитных боев. После того, как командиры других батальонов были убиты, он принял на себя командование этими частями, и умело ими руководил».

На стороне Пилсудского

После окончания «Великой войны» Картон де Виарт был направлен в только что возрожденную Польшу в качестве члена Британской военной миссии. Вскоре он и вовсе возглавил эту миссию. Осознавая, что без иностранной военной помощи Польша не продержится, генерал настаивает на организации поставок британского вооружения полякам.

Во время пребывания в Варшаве Адриан Картон де Виарт завязывает тесные дружеские отношения с Юзефом Пилсудским, Игнатием Падеревским, руководителем французской военной миссии Максимом Вейганом и членом этой миссии, молодым офицером Шарлем де Голлем.

Большой заслугой Адриана Картон де Виарта была организация переговоров между польскими властями и представителями Симона Петлюры. В результате у Польши появился еще один союзник в борьбе с большевиками.

Генерал был одним из немногих иностранных дипломатов и членов заграничных миссий, кто отказался покинуть польскую столицу во время Варшавской битвы 1920 г. Однажды он выехал на фронт, но поезд, в котором ехали иностранные военные, атаковал отряд большевиков. Генерал не испугался превосходящего противника, и умело организовал оборону железнодорожного состава. В итоге, большевики вынуждены были отступить. За заслуги перед Польшей Адриан Картон де Виарт был награжден высшей польской наградой, крестом «Виртути Милитари».

После окончания советско-польской войны генерал продолжал руководить британской военной миссией, а после завершения ее работы решил остаться в стране, которая стала для него по настоящему родной. Тем более, его друг Кароль Николай Радзивилл, давидгородецкий ординат, унаследовал огромные земельные владения в Западной Беларуси и пожаловал британскому генералу имение на Полесье. 50-летний генерал с удовольствием принял столь щедрый подарок.

Стоит отметить, что Давидгородская ординация состояла из 10 тыс. га пахотной земли, 14 тыс. га лугов, 45 тыс. га лесов и 90 тыс. га болот. Имение Простын находилось в глухой полесской пуще. От него до советской границы было всего несколько миль.

Резиденция генерала размещалась на острове, посредине которого был построен небольшой фольварк, дом для прислуги и хозяйственные постройки (в том числе конюшня, хлев, курятник). В распоряжении генерала было 4 лошади, 7 коров, 3 свиньи, несколько десятков баранов и около 200 кур. Работало на генерала всего 5 доверенных лиц.

Британец часто устраивал охоты. Несмотря на отсутствие кисти левой руки и глаза, Картон де Виарт был великолепным стрелком. Время от времени генерал посещал имение Кароля Радзивилла в Маньковичах. Зимой Адриан выезжал на лечение в Англию, и возвращался, как только на полесских реках и озерах начинался ледоход. По воспоминаниям современников, британский генерал ненавидел большевиков. Часто во время охот, которые происходили недалеко от границы, он говорил своим коллегам: «Советы сильны, но пусть только попробуют к нам сунуться».

Последнее испытание

В июле 1939 г. 60-летнему Картону де Виарту пришлось вновь надеть военную форму. Он вновь возглавил Британскую военную миссию в Варшаве. Правда, взаимодействовать генералу пришлось уже не с Пилсудским, а с маршалом Эдвардом Рыдз-Смиглы.

В конце августа 1939-го английский генерал пытается довести до польского командования мысль о необходимости отвода польских войск подальше от границы, и организации обороны на реке Висла, но польские генералы, уверенные в силе своего оружия, не слушали старого бельгийца и продолжали держать свои части непосредственно у границы с Третьим Рейхом.

1 сентября 1939 года началась Вторая мировая война. Германский «блицкриг» стал жестоким уроком для тех, кто не захотел послушать старика-инвалида, приехавшего с полесских болот. Впрочем, британскому генералу удалось все же настоять на том, чтобы польский флот, расположенный на Балтике, покинул свою базу и не вступал в бессмысленные и кровопролитные бои с превосходящим германским флотом. В итоге польские корабли добрались до британских островов и всю войну сражались против нацистов в составе ВМФ Великобритании.

17 сентября 1939 года Картон де Виарт принимает решение об эвакуации Британской военной миссии из Польши. На пути к румынской границе колонна военных автомашин была атакована самолетами люфтваффе, в результате чего погибла супруга одного из британских офицеров. Спаслась миссия и от частей Красной Армии, которые стремительно продвигались к границе с Румынией, чтобы отрезать «польским офицерским бандам» путь к отступлению.

Принадлежавший генералу фольварк Простын после присоединения Западной Беларуси к СССР был национализирован, а находящаяся там уникальная коллекция охотничьих ружей, предметов мебели, привезенных непосредственно из Великобритании, были вывезены в Минск и розданы в распоряжение музеев столицы БССР. Во время немецкой оккупации все эти ценнейшие предметы были разграблены и уничтожены.

Но Вторая мировая для генерала Картон де Виарта на этом не закончилась. В апреле 1940 г. он принял участие в боях за Тронхейм в Норвегии. Затем он командовал 61-й пехотной дивизией, расквартированной в Северной Ирландии. В апреле

1941 г. генерал был назначен главой Британо-Югославской военной миссии. Картон де Виарт посетил Белград и участвовал в переговорах с югославским правительством. На обратном пути у бомбардировщика, на котором летел генерал, отказали оба двигателя, и машина упала на территории, контролируемой итальянцами.

Картон де Виарт выжил, но был схвачен итальянскими солдатами и помещен в тюрьму для высокопоставленных военнопленных. 61-летний генерал предпринял пять (!) попыток побега. В 1943 г. итальянцы использовали пленного британца в переговорах с союзниками о выходе их страны из войны. В итоге генерал был освобожден и оказался в Великобритании.

Но и на этом «одиссея» «адмирала Нельсона» из Полесья не закончилась. В 1943 г. генерал в составе британской делегации отправляется в Каир, где проходила встреча между британским премьер-министром Уинстоном Черчиллем, американским президентом Франклином Рузвельтом и китайским лидером Чан Кайши. Вскоре после этого Черчилль направляет генерала в качестве своего личного представителя в Китай.

В 1945 г. Адриан Картон де Виарт был награжден Орденом Британской империи. Только в 1947 г. генерал, наконец, выходит в отставку. Через два года умирает его супруга, а в 1951 г. он женится вновь на женщине, которая была моложе его на 23 года. Умер генерал Адриан Картон де Виарт в 1963 году.

Вспоминал ли он в послевоенные годы белорусские полесские пейзажи, охоту на болотах и живописных озерах Западной Беларуси? Безусловно, да. В одной из бесед с журналистами, на вопрос, жалеете ли вы об украденной Советами коллекции охотничьего оружия, Картон де Виарт вздохнув, сказал: «Они не смогли украсть мои воспоминания».

В БРЮССЕЛЕ ТЫ И ПОЛЯК, И ЕВРОПЕЕЦ

«Европа нуждается в консолидации, единстве и выразительности, ей нужен визионер, способный на решительные политические действия. Я желаю премьер-министру Дональду Туску, чтобы ему удалось такое лидерство. Но это будет нелегко», — говорит Ежи Бузек, бывший глава Европарламента.

— До сих пор это вы ходили в ореоле славы поляка, выполняющего важнейшие функции в европейской политике. Теперь эта роль перейдет к Дональду Туску. Вы не жалеете об утрате нимба, который сиял вокруг вас?

— Но ведь именно этого мы и хотели! Это яркое проявление нашего успеха. Ради этого мы все вместе и работаем уже 25 лет, стараясь укрепить положение и роль Польши. Я горжусь, что председателем Европейского парламента стал поляк. Теперь я горжусь, что другой поляк, Дональд Туск, будет председательствовать в Европейском совете.

— Вы заняли пост председателя Европарламента, располагая пятилетним опытом в качестве евродепутата, а ранее — в качестве премьер-министра. Насколько этот опыт вам пригодился? Что вас на новой должности удивило, чего вы не ожидали?

— Мне очень пригодился опыт, полученный в тот период, когда я был премьером. Именно тогда я познакомился со многими важными людьми в Европе, это облегчило мне работу в должности председателя парламента. Я тогда лучше узнал и саму Европу, причем, если можно так выразиться, изнутри. Очень ценный опыт я приобрел в качестве евродепутата. Я познакомился со структурой Европейского парламента, узнал, как он функционирует (механизмы и процедуры его работы значительно сложнее, чем, например, те, что приняты в нашем сейме). Это были необычайно полезные знания. Председательство в такой институции было сложной задачей. Причем к этому добавлялись обязанности, связанные с представлением Европы на международной арене, а также встречи с европейскими лидерами либо с членами Еврокомиссии или Европейского совета.

— *У Дональда Туска такого опыта нет.*

— Но у него есть другой: он прошел школу в должности премьер-министра РП. Это тоже неплохой источник опыта, знаний, умений. У него есть политический инстинкт, хладнокровие и хорошая ориентация в европейском лабиринте. Справится.

— *Никоим образом не хочу ставить под сомнение ни вашу, ни Дональда Туска подготовку. Но на новой должности какие-то вещи вас наверняка удивили. Что больше всего?*

— Первым делом то, что в качестве председателя Европейского парламента у меня оказалось гораздо больше занятий, по сравнению с тем временем, когда я был премьер-министром. Но наиболее неожиданными были напряженные отношения между европейскими институтами — Европарламентом, Еврокомиссией и Евросоветом. Извне они не особенно видны. Так, например, Европейский парламент попросту отверг касающееся взаимной передачи друг другу банковских данных по конкретным лицам, выработанное на переговорах, а затем утвержденное всеми европейскими правительствами соглашение SWIFT между Евросоюзом и Соединенными Штатами. По нашему мнению, оно нарушало основные права европейских граждан. Хиллари Клинтон звонила мне в связи с этим делом, в результате переговоров мы пришли к новому соглашению, и когда государственный секретарь США появилась потом в Европарламенте, то признала, что оно лучше предыдущего. Причем таких напряженных ситуаций, которые нужно было прояснять, по которым необходимо было вырабатывать надлежащие решения при помощи консультаций и переговоров, возникало довольно много. Все это требовало огромных затрат времени и энергии.

— *Насколько огромных? Возникало ли у вас такое чувство, что вы чего-то не успеваете?*

— Нет, я не испытывал кризиса, связанного с выполнением моих обязанностей. Можно говорить скорее о нехватке времени: слишком много дел, визитов, людей, решений...

— *Как же вы с этим справлялись?*

— Нужно окружить себя соответствующими людьми — такими, которые в состоянии помочь, способны многое подготовить и организовать самостоятельно. Соответствующие сотрудники — это большая половина успеха при реализации заданий, планировании встреч и принятии

решений. Хорошая организация работы — это фундамент деятельности каждого политика на каждом уровне: от сотрудника органов местного самоуправления до премьер-министра.

— После вступления в должность председателя Европарламента вам пришлось изменить способ мышления. Ранее вы смотрели на действительность сквозь призму дел, связанных с Польшей. Став во главе Европарламента, вам пришлось перестроиться и начать думать в общеевропейских категориях, перестав ставить во главу угла интересы одного государства. Такая же проблема возникнет после 1 декабря у Дональда Туска. Трудно ли перестроиться?

— Политик всегда представляет свою страну, он привязан к принятым в ней условиям и способам действия. Но, когда он получает возможность занять столь высокий пост, необходимо немедленно перестроиться. Как ни говори, мы ведь не только поляки; мы являемся европейцами и даже больше — гражданами мира.

— Почему это так важно?

— Приведу вам пример. В интересах безопасности и стабильности Польши надо было запустить EURONEST, иными словами, парламентскую ассамблею Евросоюза и шести стран Восточного партнерства. С этим проектом у меня возникали серьезные проблемы, в том числе и внутри ЕС. Поэтому я почти демонстративно, всячески подчеркивая свои действия, посещал — от имени Европейского союза — Египет, Ливию и Тунис как раз в то время, когда граждане этих государств боролись за свободу и независимость. Я побывал также в Израиле и в Палестинской автономии, а затем поочередно в тех странах западных Балкан, которые стремятся к членству в Евросоюзе. И показал, что я, поляк, представитель Центральной Европы, интересуюсь проблемами соседствующих с Европой государств, пусть даже они лежат вдали от Польши. Результатом была полная поддержка этой стратегии в Европейском парламенте, что дало мне возможность с необычайной интенсивностью поддерживать EURONEST и Восточное партнерство без риска навлечь на себя упреки, что я действую исключительно в интересах Польши. Ведь все это было в интересах Европы!

И получилось — в итоге нам удалось открыть парламентскую ассамблею EURONEST. Таким образом, занятие важного поста в Евросоюзе не означает потери национальности. В подобных ситуациях я и поляк, и европеец.

— Вы стали председателям Европарламента почти одновременно с тем, как Херман Ван Ромпей занял должность председателя Европейского совета, хотя первоначально его пост задумывался как должность президента Европы. Почему Ван Ромпей стал председателем, а не президентом?

— Потому что лиссабонский договор именно таким образом определяет его функции. Задача председателя Евросовета состоит в подготовке и проведении совещаний руководителей стран Европейского союза. Он также разрабатывает темы и предложения для каждого из подобных совещаний на высшем уровне, что требует переговоров с его участниками. Но здесь важно следующее: председатель ведет беседы с лидерами европейских стран, но решения принимают они сами. Председатель Евросовета обладает значительным влиянием на ход переговоров, однако не предрешает их конечного результата.

— С другой стороны, об этой должности впервые упоминалось в провалившемся проекте евроконституции. В соответствии с ней человек, занимающий этот пост, должен был стать подлинным президентом Европы. Тогда даже спекулировали, что в этом кресле мог бы расположиться Тони Блэр. Закончилось на Ван Ромпее. Навсегда ли, на ваш взгляд, эта должность останется организационной и служебной по отношению к другим? А может, политик с харизмой сможет придать ей новое качество?

— Новое качество очень нужно. Европа нуждается в консолидации, единстве и выразительности, ей нужен визионер, способный на решительные политические действия. Я желаю премьер-министру Дональду Туску, чтобы ему удалось такое лидерство. Но это будет нелегко. Между лиссабонским договором и евроконституцией, в которой впервые появился данный пост, есть много различий. Дело в том, что руководители европейских стран опасались создания должности сильного, доминирующего президента. Поэтому его права оказались урезанными.

— Но все же его права определены не так узко, как это понимал Ван Ромпей. Сумеет ли Дональд Туск отвоевать для себя больше пространства? Сможет ли он стать истинным лицом Европы или же обречен быть кабинетным политиком, как и его предшественник?

— Я с вами не согласен. За истекшие пять лет Херман Ван Ромпей вырос в реального европейского лидера. Не всегда заметного, не слишком бросающегося в глаза, но эффективного. Ключом к успеху Ван Ромпея была стратегия,

которой он пользовался: избегая чрезмерного экспонирования своего поста или полномочий, он благодаря этому добивался необыкновенных успехов, находил компромиссные решения в ситуациях, когда это было безумно трудным.

Так произошло, к примеру, на переговорах о бюджете ЕС на 2014–2020 годы. Мало кто полагал, что удастся столь благополучно завершить эти переговоры, тем временем к нужному результату удалось прийти относительно быстро. Аналогичным образом дела обстояли и с бюджетно-налоговым союзом, и с банковским союзом. Причем вклад Ван Ромпея в решение каждого из этих вопросов был немаловажным.

— Вы систематически наблюдали за его действиями?

— Когда я был председателем Европарламента, то встречался с Ван Ромпеем каждый месяц. Мы проводили длительные консультации, во время которых дискутировали о самых неотложных проблемах. Мне удалось убедить его в необходимости нескольких решений, выгодных, правда, для всего Евросоюза, но особенно — для Польши.

— Что конкретно вы имеете ввиду?

— Да хотя бы действия ЕС, связанные с энергетической политикой в рамках так называемого Европейского энергетического сообщества, создания которого я добивался. Оно было — и остается — шансом для укрепления энергетической безопасности нашей страны. Первое совещание на высшем уровне, посвященное данной теме, состоялось 4 февраля 2011 г. Тогда мы обсуждали все те вопросы, которые сейчас входят в число самых важных для энергетического союза.

Другой пример: Херман Ван Ромпей активно вовлекался в действия, способствующие спасению зоны евро. Я убеждал его, что дело не может дойти до разделения на страны, принадлежащие к валютному союзу, и на остальных членов ЕС. Это было бы невыгодно и неблагоприятно для всего Евросоюза. Постепенно он менял свое мнение, а в дальнейшем уже явно защищал единство Евросоюза. Оба указанных «европейских дела» были ключевыми для Польши.

— Однако он все равно остался кабинетным политиком.

Председателя Европейского совета Ван Ромпея нельзя обвинить в недостаточной эффективности. А коль скоро применявшийся им метод оправдал себя, то нет никаких оснований

критиковать его автора. Это, впрочем, вписывается в стиль работы всего Евросоюза: кто чрезмерно экспонирует самого себя, редко оказывается умелым переговорщиком, а Ван Ромпею переговоры удавались.

— Все имели возможность узнать Ван Ромпея как эффективного переговорщика, но ведь его взгляд на Евросоюз тоже эволюционировал. После того как он занял свой пост, он долго избегал визита в Польшу. Ему даже довелось однажды сказать «мы» о странах старого ЕС. Однако незадолго до окончания срока своих полномочий Ван Ромпей стал самым энергичным образом выступать и действовать в пользу единства Евросоюза, а также явно поддерживал страны, ставшие новыми членами ЕС. Откуда такая перемена?

— В Европарламенте разделение на старый и новый Евросоюз перестало функционировать в тот момент, когда пять лет назад его главой стал представитель Центральной Европы. Ван Ромпей дозревал до такого понимания Европы постепенно. Ему понадобилось время, чтобы заметить, что у поляков имеется огромный потенциал, и они оказывают весьма положительное влияние на Евросоюз. Большое значение в такой перемене имело и польское председательство. Я разговаривал с ним о наших приготовлениях, а достигнутый позднее эффект превзошел его ожидания. Ван Ромпей посетил Польшу, я также пригласил его в сентябре 2011 г. принять участие в Европейском форуме новых идей, который состоялся в Сопоте. Он был под большим впечатлением от того визита. И убедился, что мы были очень хорошо подготовлены к председательству. Именно то, с какой ответственностью Польша отнеслась к своей миссии, значительно изменило наш образ в Европе. Мы долго и упорно шли к этому результату.

— На чем должен, по вашему мнению, сосредоточиться Дональд Туск во время исполнения своих обязанностей на посту председателя Евросовета? Вне сомнения, основную часть времени ему придется посвятить поискам компромиссов между членами ЕС, но ведь у него появится шанс предложить к рассмотрению несколько собственных тем. На чем, по вашему мнению, следовало бы сосредоточиться?

— Именно председатель Европейского совета предлагает тематику всех очередных совещаний на высшем уровне, согласовывая ее — а также заключительные выводы и предложения проведенных совещаний — с руководителями европейских стран. Уже сегодня ясно, какие проблемы стоят перед нами. На данный момент я вижу семь таких тем. Решится ли Европа на эффективные санкции, которые

остановят войну на Востоке и принесут Украине свободу и единство? Как погасить пылающий так близко Европы пожар в арабских государствах? Когда мы доведем до конца проект энергетического союза, столь важного для безопасности и стабильности континента, а также для нашего экономического успеха? Какую форму должно иметь соглашение о зоне свободной торговли с Америкой и что оно будет означать для нас? Как предотвратить выход Великобритании из ЕС? Выйдем ли мы из кризиса разделенными на две Европы — одну лучшую, с евро, и остальную, стоящую на отшибе, — или же останемся объединенными, с пользой для нашей конкурентоспособности, быстрого роста, создания рабочих мест? И в конце — самый важный вопрос: что надо сделать, чтобы наши граждане вновь обрели веру в европейский проект?